

ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 5 (86) • 2018

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2018

Выход в свет: № 5 (86) • 2018 • ОКТЯБРЬ. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 05.13.00 Информатика, вычислительная техника и управление
10.02.00 Языкознание
13.00.00 Педагогические науки

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ №ФС77-66463 от 14.07.2016 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е.В. ГРУДЕВА, д-р филол. наук, проф.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

ЯКОВЛЕВА Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
ЕРШОВ Е.В., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОРЫ: Н.Г. МЕЛЬНИКОВА, А.Н. ЛАРИОНОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: М.Г. ИСАЕВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н.А. ТИХОМИРОВА (8202) 51-72-40

Адрес издателя, редакции, типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

© ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», 2018

**CHEREPOVETS
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN**

Scientific journal established in December 2002

№ 5 (86) • 2018

TECHNOLOGY
PHILOLOGY
PEDAGOGY

Cherepovets
2018

Date of publication: № 5 (86) • 2018 • OCTOBER. Comes out six times a year.

"Cherepovets State University Bulletin" is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal "Cherepovets State University Bulletin" has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies:

05.13.00 Information Technology, Computer Engineering and Management
10.02.00 Linguistics
13.00.00 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Cherepovets State University", a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

Registration certificate PI №FS77-66463 issued July 14, 2016, was granted by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

EDITOR-IN-CHIEF: E.V. GRUDEVA, Doctor of Philology Sciences, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

YAKOVLEVA E.V., Doctor of Science in Pedagogics, professor (Cherepovets State University)
ERSHOV E.V., Doctor of Technical Sciences, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITORS: N.G. MELNIKOVA, A.N. LARIONOVA

COMPUTER DESIGN: M.N. AVDIUKHOVA

TRANSLATOR: M.G. ISAEVA

EXECUTIVE EDITOR: N.A. TIKHOMIROVA (8202) 51-72-40

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Cherepovets State University", 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	7
ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Лукин С.В., Левашев К.Ю., Збродов А.А., Кибардин А.Н., Малыгин Л.Л.</i> Системная и функциональная модели оценки теплового состояния стальной заготовки на технологической линии «МНЛЗ – нагревательная печь»	8
<i>Паламарь И.Н., Сизов П.В., Жуков А.А.</i> Автоматизация анализа структуры материала на основе сегментации изображения методом выращивания и слияния областей	17
<i>Рапаков Г.Г., Лебедева Е.А., Горбунов В.А., Абдалов К.А., Мельничук О.В.</i> Анализ пространственных кластеров и идентификация выбросов с помощью геоинформационных технологий	25
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Баева Н.А., Фомин А.А.</i> Семантика синестетических сочетаний слов в свете когнитивного критерия эталонности (на материале романов Джо Аберкромби)	36
<i>Беленов Н.В.</i> К вопросу о тюрко-монгольском названии реки Волги	44
<i>Волкова Т.Ф.</i> Роль лексических и фразеологических вариантов в установлении редакций древнерусских сочинений (на материале печорских списков «Повести о купце, обогатившемся утварию Пресвятой Богородицы»)	51
<i>Грудева Е.В., Бучилова И.А., Волкова Н.А.</i> Корпусы ошибок: целевая аудитория, возможная архитектура корпуса	63
<i>Кудинова Н.Л.</i> Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках	73
<i>Кушнир О.Н.</i> К вопросу о корпоративном языке и корпоративной норме в контексте документной коммуникации	81
<i>Миколайчик М.В.</i> Местоимения первого лица и другие средства самоупоминания в англоязычном научном экономическом дискурсе: корпусное исследование на материале англо-американских и российских аннотаций	90
<i>Паутова С.М.</i> Основные функции кодовых переключений в русскоязычных произведениях и их переводах на английский язык	100
<i>Свойкина Л.Ф., Фуникова С.В., Щербакова Н.В.</i> Специфика коммуникации в городском транспорте	107
<i>Чириева Г.Н., Рябева М.И.</i> Выражение эмоций при помощи риторических вопросов	117
<i>Шугаева Е.А.</i> Особенности интерпретации речевых актов предостережения (на материале французского языка)	127
<i>Эштейн О.В.</i> Лексический компонент отражения исторического пространства и времени в игровых AAA проектах	135
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Бучилова И.А.</i> Особенности языковой, этнической и гражданской идентичности двуязычных детей, обучающихся в школах г. Череповца Вологодской области	144
<i>Веселов А.Н., Денисова О.А.</i> Овладение практическими компетенциями в использовании наименованных чисел на уроках математики в 5–6 классах обучающимися с нарушением интеллекта	152
<i>Громова Е.В.</i> Педагогика хореографии: методический подход в оценивании знаний студентов творческих специальностей	164
<i>Нечаева О.М.</i> Молодежное аграрное объединение: к проблеме сущности и педагогического потенциала	172
<i>Хотякова С.С.</i> Педагогические условия и критерии эффективности построения воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования	179
ХРОНИКА	
Человек в пространстве языка: отчёт о работе Всероссийской школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов в 2017 году	186
НЕКРОЛОГ	
Памяти товарища	190
Информация для авторов	191

CONTENTS

EDITORIAL	7
TECHNOLOGY	
<i>Lukin S.V., Levashev K.Y., Zbrodov A.A., Kibardin A.N., Malygin L.L.</i> Systemic and functional models of evaluation of heat state of steel billet on the technological line “continuous casting machine – heating stove”	8
<i>Palamar I.N., Sizov P.V., Zhukov A.A.</i> Automation of material structure analysis based on image segmentation by the method of growing and merging regions	17
<i>Rapakov G.G., Lebedeva E.A., Gorbunov V.A., Abdalov K.A., Mel'nichuk O.V.</i> Spatial cluster analysis and emission detection by using geoinformation technology	25
PHILOLOGY	
<i>Baeva N.A., Fomin A.A.</i> The semantics of synaesthetic word-combinations as seen through the cognitive criterion of benchmark (based on J. Abercrombie's novels)	36
<i>Belenov N.V.</i> The problem of the Turko-Mongol name of the river Volga	44
<i>Volkova T.F.</i> The role of lexical and phraseological variants in the establishment of editorials of the ancient compositions (on the material of the pechoristic lists “To remember about the merchant, enriched with the utensils of the Blessed Virgin”	51
<i>Grudeva E.V., Buchilova I.A., Volkova N.A.</i> Corpora of errors: target audience, a possible architecture of the corpus.....	63
<i>Kudinova N.L.</i> The realization of the taxis semantics of simultaneousness by means of dependent taxis in the Russian and English languages	73
<i>Kushnir O.N.</i> To the question of corporate language and corporate norm in the context of document communication	81
<i>Mikolaychik M.V.</i> First person pronouns and other self-mention devices in English academic discourse: a corpus-based study of Anglo-American and Russian economics research article abstracts	90
<i>Pautova S.M.</i> The main functions of code-switching in Russian fiction books and their translations into English	100
<i>Svoykina L.F., Funikova S.V., Shcherbakova N.V.</i> The specificity of communication in public transport	107
<i>Chirsheva G.N., Ryabeva M.I.</i> Expression of emotions with rhetorical questions	117
<i>Shugaeva E.A.</i> Features of interpretation of speech acts of warning (on the material of the French language)	127
<i>Epshtein O.V.</i> Lexical portayal of historical time and space in AAA game projects	135
PEDAGOGY	
<i>Buchilova I.A.</i> Features of linguistic, ethnic and civil identity of the bilingual children, studying at Cherepovets schools, the Vologda region	144
<i>Veselov A.N., Denisova O.A.</i> Mastery of practical competences in using named integers at mathematics lessons in 5–6 forms of students with intellectual disabilities	152
<i>Gromova E.V.</i> Choreographic pedagogy: the methodical approach to evaluating knowledge of students of creative specialties	164
<i>Nechaeva O.M.</i> Youth agrarian association: problem of its essence and pedagogical potential	172
<i>Khotyakova S.S.</i> Pedagogical conditions and efficiency criteria of constructing the educational area in the institutions of additional education	179
CURRENT EVENTS	
The person in language space: the report on work of the All-Russian workshop of young lexicologists, lexicographers and lingvogeograf in 2017	186
OBITUARY	
In memory of our colleague	190
For the authors' attention	191

Дорогие читатели!

Перед вами пятый номер «Вестника Череповецкого государственного университета» за 2018 год. Номер выходит в свет в разгар Всероссийского фестиваля науки (NAUKA 0+). В этом году Вологодская область также приняла в нем участие, оператором Фестиваля науки Вологодской области выступил Череповецкий государственный университет, получивший статус опорного вуза в 2017 году. В рамках работы данного мероприятия был предложен новый формат сотрудничества университетов и бизнеса.

Конечно, наш научный журнал рассчитан на профессионально подготовленную аудиторию, но актуальные задачи, связанные с сотрудничеством университетов и бизнеса, университетов и власти, находят отражение и на его страницах. Так, статьи, представленные в разделе «Технические науки», отражают в конечном итоге вклад академической науки в модернизацию производства, в облегчение принятия решений в области управления городским хозяйством. Например, в статье коллектива авторов из Вологодского государственного университета и медицинских учреждений гг. Вологды и Санкт-Петербурга «Анализ пространственных кластеров и идентификация выбросов с помощью геоинформационных технологий» показана возможность использования геоинформационных технологий в части анализа структуры и качества снежных покровов для выявления степени химического загрязнения окружающей среды, а затем и для принятия управленческих решений в области снижения рисков здоровью.

В разделе «Филологические науки» представлены статьи, отражающие как актуальные направления научных исследований (корпусная лингвистика, документная коммуникативистика, кодовые переключения и билингвизм, когнитивная лингвистика), так и традиционные лингвистические направления, в рамках которых в научный оборот вводится новый языковой материал. Особый интерес вызывает статья О.В. Эпштейн, посвященная анализу лексического представления исторического пространства и времени в компьютерных AAA игровых проектах, открывающая перспективу взаимодействия гуманитаристики и компьютерно-игрового бизнеса.

Раздел «Педагогические науки» содержит статьи, посвященные таким актуальным проблемам, как этническая и гражданская идентичность двуязычных детей, обучение математике детей с нарушениями интеллекта, способы оценки сформированности компетенций у студентов творческих специальностей, педагогический потенциал молодежных объединений, функционирующих на базе высших учебных заведений.

*Главный редактор – доктор филологических наук,
профессор Елена Валерьевна Грудева*

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-1

УДК 669-04

© Лукин С.В., Левашев К.Ю.,
Збродов А.А., Кибардин А.Н., Малыгин Л.Л., 2018

Лукин Сергей Владимирович
Доктор технических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: s.v.luk@yandex.ru

Lukin Sergey Vladimirovich
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: s.v.luk@yandex.ru

Левашев Константин Юрьевич
Аспирант,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: djokl@mail.ru

Levashev Konstantin Yurievich
Postgraduate, Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: djokl@mail.ru

Збродов Алексей Александрович
Аспирант,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: zbrodov.a@mail.ru

Zbrodov Aleksey Aleksandrovich
Postgraduate, Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: zbrodov.a@mail.ru

Кибардин Антон Николаевич
Кандидат технических наук, менеджер,
ПАО «Северсталь»
(Череповец, Россия)
E-mail: anton_kibardin@mail.ru

Kibardin Anton Nikolayevich
PHD (Technical Sciences), Manager,
Public company "Severstal"
(Cherepovets, Russia)
E-mail: anton_kibardin@mail.ru

Малыгин Леонид Леонидович
Доктор технических наук, доцент,
президент ООО Малленом Системс
(Череповец, Россия)
E-mail: malygin@mallenom.ru

Malygin Leonid Leonidovich
Doctor of Technical Sciences,
Associate Professor,
President of Company "Mallenom Systems"
(Cherepovets, Russia)
E-mail: malygin@mallenom.ru

**СИСТЕМНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
МОДЕЛИ ОЦЕНКИ ТЕПЛООВОГО
СОСТОЯНИЯ СТАЛЬНОЙ
ЗАГОТОВКИ НА
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНИИ
«МНЛЗ – НАГРЕВАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ»**

**SYSTEMIC AND FUNCTIONAL
MODELS OF EVALUATION OF
HEAT STATE OF STEEL BILLET
ON THE TECHNOLOGICAL LINE
"CONTINUOUS CASTING
MACHINE – HEATING STOVE"**

Аннотация. В статье рассмотрены системная и функциональная модели, на основе которых производится оценка теплового состояния стальной заготовки произвольного поперечного сечения при ее охлаждении в машине непрерывного литья заготовок, в термостате и нагре-

Abstract. In the paper the systemic and functional models used for the evaluation of the heat condition of steel billet with any cross section at cooling in continuous casting machine and in thermostat, and heating in heating stove are considered. Steel billets exit

---

вательной печи. Заготовки покидают машину непрерывного литья с высокой средней температурой, и для сохранения их физической теплоты и выравнивания температуры по сечению заготовки нужно помещать в термостаты, в которых они доставляются к нагревательным печам прокатного стана. При загрузке в печи горячих заготовок может быть получена значительная экономия топлива, затрачиваемого на нагрев металла до температуры, необходимой для прокатки.

from a continuous casting machine with high average temperature, and, for conserving their sensible heat and leveling temperature across their cross section, billets should be put into thermostats in which they are delivered to heating stoves of rolling mill. Loading hot steel billets in heating stoves can give significant economy of fuel spent on metal heating to temperature required for rolling.

Ключевые слова: машина непрерывного литья заготовок, термостат, стальная заготовка, нагревательная печь

Keywords: continuous casting machine, thermostat, steel billet, heating stove

Введение

В работах [1]–[6] рассмотрены математические модели и алгоритмы, позволяющие определять оптимальные режимы охлаждения слэбов и заготовок квадратного сечения в машинах непрерывного литья на воздухе и в термостате и их нагрева в нагревательных печах. Оптимизация данных режимов позволяет значительно сократить расход газообразного топлива (природного газа) в нагревательных печах прокатного производства, увеличить производительность печей и снизить потери металла от окисления в печах.

В данной работе рассмотрены системная и функциональная модели для оценки теплового состояния слэбов, которые могут быть использованы для оптимизации тепловых режимов охлаждения и нагрева заготовок произвольного поперечного сечения.

Основная часть

Оценка теплового состояния стальных заготовок при их охлаждении, термостатировании и нагреве на линии «МНЛЗ – термостат – нагревательная печь» производится на основании следующих данных:

- температура T_0 жидкой стали, поступающей в кристаллизатор МНЛЗ;
- скорость вытягивания слэба в МНЛЗ (скорость разливки) v ;
- расходы охлаждающей воды, подаваемой на кристаллизатор $G_{кр}$, ролики $G_{ролj}$ и форсунки ЗВО МНЛЗ $G_{вj}$;
- нагрев воды в кристаллизаторе $\Delta T_{кр}$ и роликах $\Delta T_{ролj}$;
- температура воды, подаваемой из форсунок, $T_в$;
- рабочие длины кристаллизатора и секций ЗВО МНЛЗ l_j ;
- температуры в рабочем пространстве методической печи $T_{пi}$;
- длины нагревательных зон печи $l_{пi}$;
- длительность охлаждения слэба в зоне воздушного охлаждения τ_0 ;
- длительность нахождения слэба в термостате τ_T ;
- длительности нагрева слэба в методической и сварочной зонах печи $\tau_{п1}$, $\tau_{п2}$;
- длительность выдержки слэба в томильной зоне печи $\tau_{ТМ}$.

Кроме того, для оценки теплового состояния сляба необходима информация о марке стали M и сечении разливаемого сляба $2A \times 2B$, которая поступает из системы управления производством. Из базы данных (БД) по маркам стали определяются теплофизические параметры стали (коэффициент теплопроводности λ , теплоемкость c , плотность ρ , теплота затвердевания L , температуры ликвидус и солидус t_l и t_c).

Для оптимизации режимов охлаждения, термостатирования, нагрева и томления слябов необходима информация о требуемой средней температуре металла и допустимом градиенте температур по сечению сляба перед загрузкой в нагревательную печь T_{m0} и ∇T_{m0} , необходимой средней температуре металла и допустимом градиенте температуры по сечению сляба перед прокаткой T_m , ∇T_m , которая берется из базы данных по маркам стали и сечениям слябов.

Обеспечение требуемого теплового состояния слябов при поступлении в печь (T_{m0} , ∇T_{m0}) позволяет стабилизировать тепловую работу. Обеспечение необходимого теплового состояния сляба при поступлении на прокатный стан (T_m , ∇T_m) дает возможность стабилизировать работу агрегата.

Оценка теплового состояния сляба производится с помощью математического моделирования с учетом полученных данных, которое позволяет определить температурное поле $T_{пов}(\tau)$, $T_{осн}(\tau)$ и среднемассовую энтальпию $h_{cp}(\tau)$ сляба в зависимости от времени нахождения в МНЛЗ, термостате и нагревательной печи τ . Кроме того, определяется максимальный градиент температур по сечению сляба $\nabla T_{max}(\tau)$.

Тепловое состояние сляба на входе в печь (T_{m0} , ∇T_{m0}) зависит от параметров стали, разливаемой в МНЛЗ, геометрических параметров МНЛЗ и сляба, скорости разлива в МНЛЗ, параметров и длительности охлаждения в кристаллизаторе и ЗВО МНЛЗ, условий и длительности охлаждения на воздухе и термостатирования. Тепловое состояние сляба на выходе из печи (T_m , ∇T_m) зависит от теплового состояния на входе в печь (T_{m0} , ∇T_{m0}), температуры в рабочем пространстве печи, условий, длительности нагрева и томления.

Системная модель оценки теплового состояния слябов на линии «МНЛЗ – термостат – нагревательная печь» показана на рис. 1. Данная модель имеет 4 уровня: уровень технологии, 1-й и 2-й уровни автоматизации, уровень планового управления. На уровне технологии находится МНЛЗ, в которую поступает жидкая сталь, термостат, в который загружается сляб после газорезки, нагревательная печь проходного типа с зонами нагрева и томления, в которую поступает сляб, извлеченный из термостата.

В первый уровень автоматизации входят датчики температуры жидкой стали T_0 ; скорости разлива v , расходов охлаждающей воды на кристаллизатор $G_{кр}$, на ролики $G_{ролj}$, на форсунки ЗВО МНЛЗ $G_{вj}$; нагрева воды в кристаллизаторе $\Delta T_{кр}$ и роликах $\Delta T_{ролj}$; температур в рабочем пространстве методической печи $T_{пj}$. Кроме того, на этом уровне имеются таймеры, регистрирующие длительности нахождения сляба в зоне охлаждения на воздухе τ_0 , в термостате τ_t , в нагревательных зонах печи $\tau_{н1}$ и $\tau_{н2}$, в томильной зоне печи τ_{tm} . В определенные моменты времени могут регистрироваться температуры поверхности сляба $T_{повj}$ МНЛЗ, в термостате, в нагревательной печи. Значения данных температур могут быть использованы при проверке адекватности расчетных программ. По ним можно приближенно оценивать тепловое со-

стояние сляба. Так, при достаточно длительной выдержке сляба в термостате происходит выравнивание температуры по сечению, и температура поверхности сляба приближается к среднemasовой температуре.

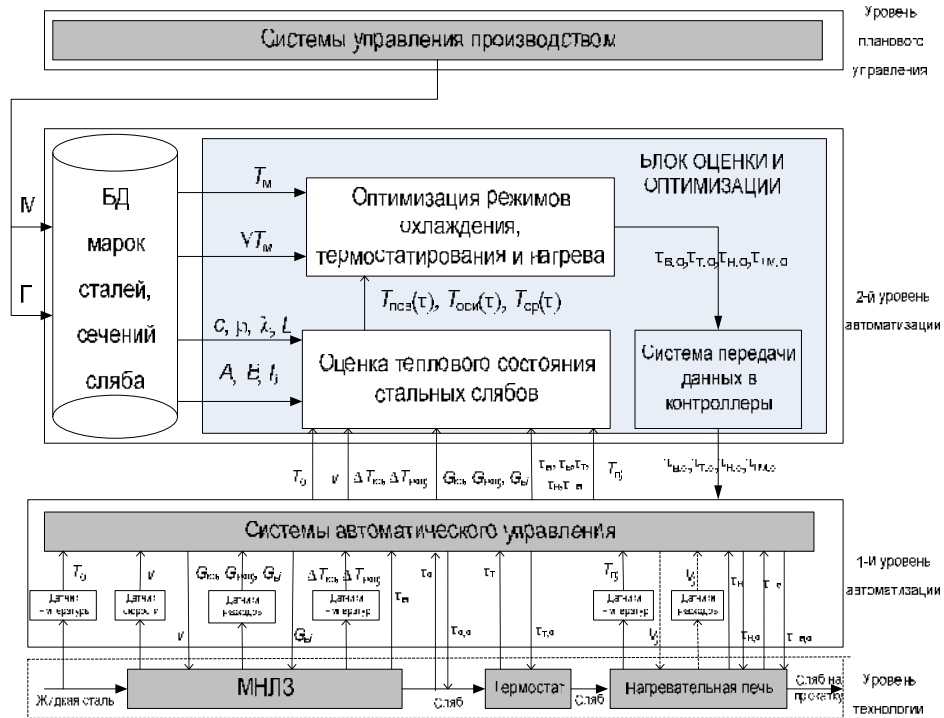

Рис. 1. Системная модель оценки теплового состояния слябов на линии «МНЛЗ – нагревательная печь»

Значения параметров $T_0, v, G_{кр}, G_{рол}, G_{в}, \Delta T_{кр}, \Delta T_{рол}, T_{п}, \tau_0, \tau_t, \tau_{н1}$ и $\tau_{н1}, \tau_{тм}, T_{пов}$ передаются на второй уровень автоматизации в базу данных рецептов, куда также из системы управления производством передаются данные о разливаемой марке стали (M) и сечении сляба, характеризуемом шириной $2A$ и толщиной $2B$, о длине кристаллизатора и зон ЗВО МНЛЗ l_i . Из базы данных марок сталей определяются теплофизические свойства разливаемой марки стали: коэффициент теплопроводности λ , плотность ρ , массовая теплоемкость c (в зависимости от температуры), а также теплота затвердевания жидкой стали L , температуры ликвидус t_l и солидус t_c . Для данной марки стали задается требуемое тепловое состояние сляба перед загрузкой в печь ($T_{м0}, \nabla T_{м0}$) и необходимое тепловое состояние сляба перед прокаткой ($T_m, \nabla T_m$).

Параметры $2A, 2B, l_i, \lambda, \rho, c, L, t_l, t_c, T_0, v, G_{кр}, G_{рол}, G_{в}, \Delta T_{кр}, \Delta T_{рол}, T_{п}, \tau_0, \tau_t, \tau_{н1}$ и $\tau_{н1}, \tau_{тм}$ поступают в имитационную модель, описывающую процессы затвердевания, охлаждения, термостатирования и нагрева сляба, которая рассчитывает температурное поле.

Скорость разливки v , расходы воды на кристаллизатор, ролики и форсунки $G_{кр}, G_{рол}, G_{в}$, длительность охлаждения и затвердевания сляба τ_m в кристаллизаторе и

ЗВО МНЛЗ определяются технологией непрерывной разливки. Длительности охлаждения сляба на воздухе τ_o , нахождения в термостате τ_T , нагрева в печи τ_n и томления (термостатирования) τ_{TM} являются управляющими параметрами.

Оптимизацию процессов охлаждения, термостатирования, нагрева и томления сляба целесообразно разделить на два этапа оптимизации процессов:

- 1) охлаждения и термостатирования сляба после МНЛЗ, когда из термостата выходит сляб с требуемым для прокатки тепловым состоянием;
- 2) нагрева и томления сляба, когда из томильной зоны печи выходит сляб с требуемым для прокатки тепловым состоянием.

В первом случае параметрами, подлежащими оптимизации, являются длительности:

- охлаждения сляба в зоне воздушного охлаждения τ_o ;
- нахождения сляба в термостате τ_T .

Оптимизация процессов охлаждения и термостатирования сляба после МНЛЗ заключается в том, что при заданных скорости разливки v и расходах охлаждающей воды определяются длительности охлаждения сляба на воздухе $\tau_{o,o}$ и нахождения в термостате $\tau_{T,o}$. В момент извлечения из термостата обеспечивается необходимое для загрузки в печь тепловое состояние сляба ($T_{M0}, \nabla T_{M0}$). Если $T_{M0} = T_M$, а $\nabla T_{M0} = \nabla T_M$, то нагрев сляба в методической печи становится ненужным, а удельный расход топлива в печи равняется нулю (идеальный вариант).

Во втором случае оптимизируемыми параметрами являются длительности:

- нагрева в методической и сварочной зонах печи τ_n ;
- томления (или термостатирования) сляба после нагрева τ_{TM} .

Оптимизация процесса нагрева сляба в методической печи заключается в том, что при известном тепловом состоянии сляба на входе в печь и заданной температуре в рабочем пространстве печи контролируются длительности нагрева $\tau_{n,o}$ и выдержки сляба в томильной зоне $\tau_{TM,o}$, обеспечивающих необходимое его тепловое состояние на выходе из печи ($T_M, \nabla T_M$). При этом сохраняется требуемая пластичность металла при обработке давлением в процессе прокатки.

На рис. 2 приведена функциональная модель системы оценки параметров теплового состояния сляба на линии «МНЛЗ – нагревательная печь». В данной функциональной модели в блоке 1 «Восстановление параметров теплообмена» по данным измерения температуры поверхности сляба в определенные моменты времени уточняются значения приведенных степеней черноты и коэффициентов излучения на следующих участках: зона воздушного охлаждения сляба в МНЛЗ, охлаждение сляба на воздухе, термостат, нагревательные зоны печи, томильная зона. Полученные значения используются в блоках 2, 5, 7 при численном расчете температурного поля сляба в МНЛЗ, термостате, нагревательной печи.

В блоке 2 «Расчет температурного поля сляба в МНЛЗ» входными данными являются: геометрические размеры сляба и секций МНЛЗ, скорость вытягивания сляба, расходы охлаждающей воды на форсунки ЗВО, температура жидкой стали, теплофизические свойства стали. Выходными данными данного блока являются показатели температурного поля сляба в МНЛЗ.

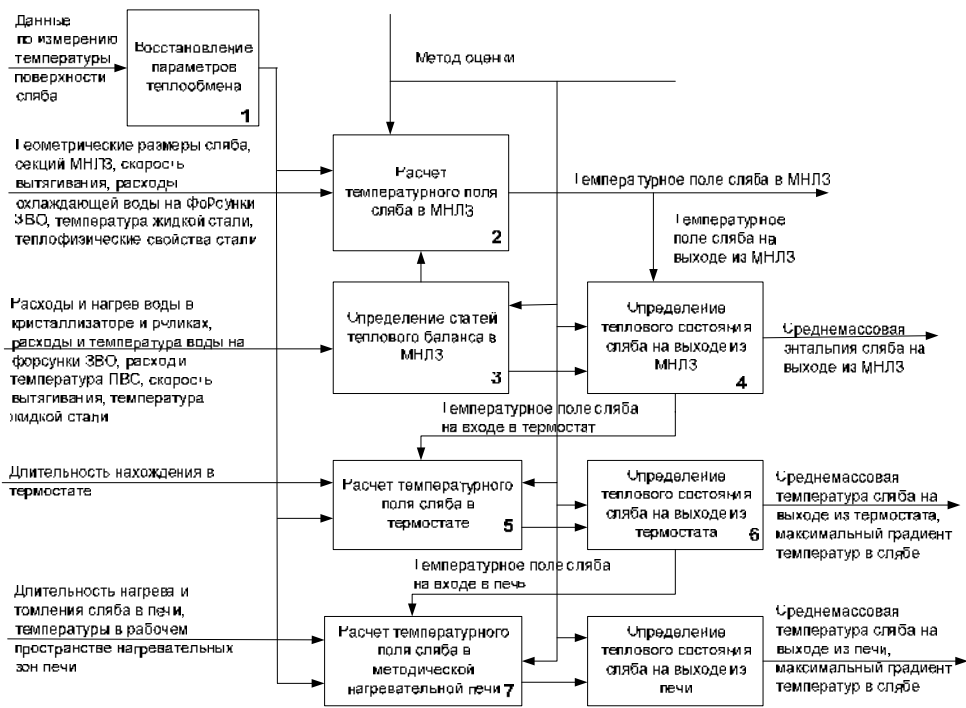

Рис. 2. Функциональная модель системы оценки теплового состояния слэба на линии «МНЛЗ – нагревательная печь»

В блоке 3 «Определение статей теплового баланса МНЛЗ» входными данными являются: расходы и нагрев воды в кристаллизаторе и роликах МНЛЗ, расходы и температура воды на форсунки ЗВО, расход и температура паровоздушной смеси, удаляемой из бункера ЗВО, скорость вытягивания слэба, температура жидкой стали, теплофизические свойства стали. Выходными данными являются: тепловые потоки, отводимые в кристаллизаторе и роликах паровоздушной смесью, неиспарившейся водой, слэбом, выходящим из МНЛЗ. Эти данные могут быть использованы в блоке 2 для уточнения условий теплообмена на поверхности слэба в кристаллизаторе и ЗВО.

Данные, полученные в блоках 2 и 3, являются входными для блока 4 «Определение теплового состояния слэба на выходе из МНЛЗ», где выходные показатели – температурное поле слэба и среднемассовая энтальпия слэба на выходе из МНЛЗ.

В блоке 5, где рассчитывается температурное поле слэба в термостате, входными данными являются: длительность нахождения слэба в термостате и температурное поле слэба на выходе из МНЛЗ (на входе в термостат). Данные, полученные в блоке 5, поступают в блок 6, где определяется тепловое состояние слэба на выходе из термостата. Выходные данные блока 6: температурное поле слэба на выходе из термостата, среднемассовая температура слэба и максимальный градиент по сечению слэба в момент выхода из термостата.

В блоке 7, где рассчитывается температурное поле сляба в методической нагревательной печи, входными данными являются: длительности нагрева и томления сляба в печи, температуры в рабочем пространстве нагревательных зон печи, выходные данные блока 6. Выходные данные, полученные в блоке 7, поступают в блок 8, где производится оценка теплового состояния сляба на выходе из нагревательной печи. Выходными данными блока 8 являются: температурное поле сляба на выходе сварочной и томильной зон печи, среднemasсовая температура сляба и максимальный градиент по его сечению в момент выхода из сварочной и томильной зоны.

Рассмотренные системная и функциональная модели оценки теплового состояния стальных слябов и заготовок квадратного сечения были реализованы с помощью математических моделей и алгоритмов, представленных в [1]–[6].

В качестве примера рассмотрим оптимальный режим охлаждения и термостатирования сляба в МНЛЗ, основное требование к нему – среднemasсовая температура T_m и допустимый градиент температур ∇T_m перед прокаткой.

На рис. 3 показано изменение температур на поверхности $T_{\text{п}}$ и в центре сляба $T_{\text{ц}}$ при разливке сляба из углеродистой стали 20 толщиной 250 мм со скоростью 1,08 м/мин. при оптимальном использовании физической теплоты сляба после МНЛЗ. Чтобы получить на выходе из обогреваемого термостата (без потерь теплоты) среднemasсовую температуру сляба $T_m = 1250$ °С, нужно, чтобы в момент $\tau = 23,8$ мин. сляб из зоны воздушного охлаждения сляба поступал в термостат, при этом время, проведенное слябом в зоне воздушного охлаждения, составит $\tau_{\text{о.опт}} \cong 7$ мин. После помещения сляба в термостат температура в центре сляба $T_{\text{ц}}$ понижается, а температура на поверхности $T_{\text{п}}$ увеличивается, стремясь к значению $T_m = 1250$ °С. Градиенту температуры $\nabla T_m = 2$ К/см соответствует момент $\tau = 37,9$ мин. (рис. 3), при этом оптимальная длительность выдержки сляба в термостате составит $\tau_{\text{т.опт}} \cong 14,1$ мин.

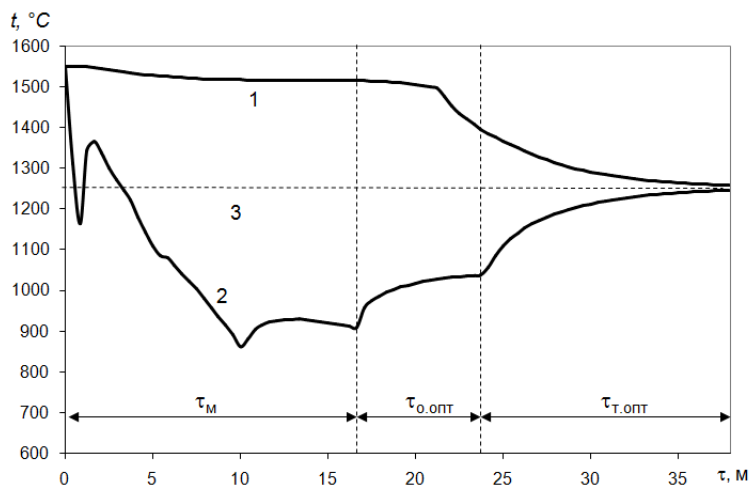

Рис. 3. Оптимальный режим охлаждения и термостатирования сляба в МНЛЗ; 1 – температура в центре сляба $T_{\text{ц}}$; 2 – температура поверхности в центре широкой грани сляба $T_{\text{п}}$; 3 – требуемая температура металла перед прокаткой $T_m = 1250$ °С

Реализация на практике оптимального режима охлаждения и термостатирования сляба в МНЛЗ, показанного на рис. 3, позволит отказаться от нагрева сляба в нагревательной печи, при этом расход топлива на нагрев металла перед прокаткой будет равняться нулю.

Выводы

В статье на примере стальных слябовых заготовок разработаны системная и функциональная модели, необходимые для построения математических моделей и алгоритмов, используемых для оценки теплового состояния стальных заготовок произвольного поперечного сечения при ее охлаждении в машине непрерывного литья заготовок, в термостате, при нагреве в нагревательной печи, а также для оптимизации указанных тепловых режимов. Например, оптимизация охлаждения стальной заготовки на воздухе после МНЛЗ и в термостате позволяет получить необходимое для прокатки тепловое состояние заготовки, в этом случае отпадает необходимость в нагревательной печи. При этом экономия топлива на нагрев металла в печи будет максимальной, поскольку расход топлива в печи будет равным нулю. Если тепловое состояние заготовки на выходе из термостата не удовлетворяет условиям пластичности металла, то оптимизация нагрева и томления (или термостатирования) заготовок в печи также позволяет максимально увеличить производительность и снизить удельный расход топлива на нагрев металла. Кроме того, при этом существенно снижаются потери металла от окисления в рабочем пространстве печи.

Литература

1. Лукин С.В., Игонин В.И., Кочкин А.А., Кибардин А.Н., Мухин В.В., Антонова Ю.В. Оптимальные режимы охлаждения, термостатирования и нагрева слябов на линии «МНЛЗ – прокатный стан» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6 (75). С. 16–20.
2. Лукин С.В., Кибардин А.Н., Антонова Ю.В. Алгоритм оценки параметров теплового состояния сляба на линии «МНЛЗ – термостат – нагревательная печь» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 5 (80). С. 25–36.
3. Лукин С.В., Кибардин А.Н., Сидоренкова С.Е., Кочкин А.А. Оптимизация режимов нагрева и термостатирования слябов при горячем посаде в нагревательные печи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 7–11.
4. Лукин С.В., Кибардин А.Н. Оптимальное использование физической теплоты слябов после МНЛЗ // *Металлург*. 2016. № 7. С. 38–43.
5. Лукин С.В., Кочкин А.А., Кибардин А.Н., Антонова Ю.В., Мухин В.В., Игонин В.И. Алгоритмы оптимизации режимов охлаждения, термостатирования и нагрева слябов на линии «МНЛЗ – нагревательная печь» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 2 (77). С. 23–30.
6. Лукин С.В., Левашев К.Ю., Збродов А.А. Математическое моделирование теплового состояния заготовки квадратного сечения в сортовой МНЛЗ и в термосе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 3 (84). С. 37–45.

References

1. Lukin S.V., Igonin V.I., Kochkin A.A., Kibardin A.N., Muchin V.V., Antonova Yu.V. Optimalnye rezimy ohlazhdeniya, termostatirovaniya i nagreva slyabov na linii “MNLZ – prokatnyi stan” [Optimum modes of cooling, thermostating and heating of slabs on the line “Continuous cast-

ing machine – rolling mill”]. *Vestnik Cherepovetskovo gosudarstvennovo universiteta* [Cherepoves State University bulletin], 2016, no. 6, pp. 16–20.

2. Lukin S.V., Kibardin A.N., Antonova Yu.V. Algoritm ozenki parametrov teplovogo sostoyaniya slyaba na linii “MNLZ – termosat – nagrevatel'naya pech” [“Algorithm of slab heat state parameters evaluation on the line “CCM – thermostat – heating stove”]. *Vestnik Cherepovetskovo gosudarstvennovo universiteta* [Cherepoves State University bulletin], 2017, no. 5, pp. 25–36.

3. Lukin S.V., Kibardin A.N., Sidorenkova S.E., Kochkin A.A. Optimizatsiya rezimov nagreva i termostatirovaniya pri goryachem posade v nagrevatel'nye pechi [Heating and thermostating modes optimization at loading hot slabs in heating stoves]. *Vestnik Cherepovetskovo gosudarstvennovo universiteta* [Cherepoves State University bulletin], 2016, no. 3, pp. 7–11.

4. Lukin S.V., Kibardin A.N. Opimalnoe ispolzovanie phizicheskoy teploty slyabov posle MNLZ [“Optimal use of physical heat in slabs issuing CCM”]. *Metallurg* [Metallurgist], 2016, no. 7, pp. 38–43.

5. Lukin S.V., Kochkin A.A., Kibardin A.N., Antonova Yu.V., Muchin V.V., Igonin V.I. Algorinmy optimizatsyi rezimov ohlazdeniya, termostatirovaniya i nagreva slyabov na linii “MNLZ – nagrevatel'naya pech” [Algorithms of optimizing modes of slabs cooling, thermostating and heating on the line “ccm – heating stove”]. *Vestnik Cherepovetskovo gosudarstvennovo universiteta* [Cherepoves State University bulletin], 2017, no. 2, pp. 23–30.

6. Lukin S.V., Levashev K.Yu., Zbrodov A.A. Matematicheskoe modelirovanie teplovogo sostoyaniya zagotovki kvadratnogo secheniya v sortovoy MNLZ I v termose [“Mathematical modeling of heat condition of square cross section steel bar in the continuous bar-casting machine and in the thermos”]. *Vestnik Cherepovetskovo gosudarstvennovo universiteta* [Cherepoves State University bulletin], 2018, no. 6, pp. 37–45.

Для цитирования: Лукин С.В., Левашев К.Ю., Збродов А.А., Кибардин А.Н., Малыгин Л.Л. Системная и функциональная модели оценки теплового состояния стальной заготовки на технологической линии «МНЛЗ – нагревательная печь» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 8–16. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-1

For citation: Lukin S.V., Levashev K. Yu., Zbrodov A.A., Kibardin A.N., Malygin L.L. Systemic and functional models of evaluation of heat state of steel billet on the technological line “continuous casting machine – heating stove”. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 8–16. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-1

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-2
 УДК 004.932 :: 681.518 : 620.18

© Паламарь И.Н., Сизов П.В., Жуков А.А., 2018

Паламарь Ирина Николаевна

Кандидат технических наук, профессор,
 Рыбинский государственный авиационный
 технический университет
 имени П.А. Соловьева
 (Рыбинск, Россия)
 E-mail: irina.palamar@mail.ru

Palamar Irina Nikolaevna

PhD in Technical Sciences, Professor,
 Soloviev Rybinsk State Aviation Technical
 University
 (Rybinsk, Russia)
 E-mail: irina.palamar@mail.ru

Сизов Павел Вадимович

Кандидат технических наук, доцент,
 Рыбинский государственный авиационный
 технический университет
 имени П.А. Соловьева
 (Рыбинск, Россия)
 E-mail: p.v.sizov@mail.ru

Sizov Pavel Vadimovich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
 Soloviev Rybinsk State Aviation Technical
 University
 (Rybinsk, Russia)
 E-mail: p.v.sizov@mail.ru

Жуков Анатолий Алексеевич

Кандидат технических наук, профессор,
 Рыбинский государственный авиационный
 технический университет
 имени П.А. Соловьева
 (Рыбинск, Россия)
 E-mail: anat.juckov2013@yandex.ru

Zhukov Anatolij Alekseevich

PhD in Technical Sciences, Professor,
 Soloviev Rybinsk State Aviation Technical
 University
 (Rybinsk, Russia)
 E-mail: anat.juckov2013@yandex.ru

**АВТОМАТИЗАЦИЯ АНАЛИЗА
 СТРУКТУРЫ МАТЕРИАЛА
 НА ОСНОВЕ СЕГМЕНТАЦИИ
 ИЗОБРАЖЕНИЯ МЕТОДОМ
 ВЫРАЩИВАНИЯ И СЛИЯНИЯ
 ОБЛАСТЕЙ**

**AUTOMATION OF MATERIAL
 STRUCTURE ANALYSIS BASED ON
 IMAGE SEGMENTATION BY THE
 METHOD OF GROWING AND
 MERGING REGIONS**

Аннотация. Предложен метод автоматического анализа микроструктуры материалов на основе обработки изображения шлифа в процессе сегментации. Представлены описание и результаты работы алгоритма. Реализовано вычисление различных параметров структуры на основе характеристик сегментов, определенных методом выращивания и слияния областей. Проведено экспериментальное исследование характеристик включений графита, и получены статистические оценки компактности шаровидных образований по группе изображений шлифов в автоматическом режиме.

Abstract. The method of automatic analysis of materials' microstructure based on the image processing of the microsection in the segmentation process is proposed. The description and results of the segmentation algorithm operation are presented. The calculation of different structural parameters based on the segments' characteristics, determined by the method of regions growing and merge is actualized. An experimental research of characteristics of graphite inclusions is made, and statistical evaluations of the compactness of globular formations on a group of microsection images is obtained automatically.

Ключевые слова: автоматизация контроля, оценка микроструктуры, компактность, обработка изображения, выращивание и слияние областей

Keywords: control automation, microstructure evaluation, compactness, image processing, growing and merging regions

---

Введение

Создание новых высококачественных материалов, обеспечивающих достижение конструкторских и эксплуатационных свойств деталей, требует формирования заданной структуры материала. Например, по виду формирования высокоуглеродистой фазы при термической обработке или при кристаллизации чугуна делятся на графитизированные, белые, половинчатые, отбеленные. Графит, включения которого определяют качество и основные виды чугуна, может быть представлен в различных формах: пластинчатой, вермикулярной, компактной и шаровидной.

В настоящее время разрабатываются технологии создания высокопрочного чугуна с шаровидным графитом. Механические свойства и марки такого продукта регламентированы ГОСТ 7293-85 [2]. Для анализа структуры в ГОСТ 3443-87 приводятся примеры микроструктуры шлифов по различным шкалам [3], в соответствии с которыми дается балльная оценка структуры путем сравнительного сопоставления. Однако описание структур не формализовано, например, такие представления, как компактный, равномерный, неравномерный, не имеют числовых оценок. Анализ литературных данных [7] позволяет выделить основные стереологические характеристики частиц: распределение размеров, число частиц в единице объема, средние габариты и площадь. При оценке графитовых включений (согласно ГОСТ 3443-87) определяют форму графита (степень сфероидизации), размер (диаметр), характер распределения, количество включений или относительную площадь, занятую графитом.

В настоящее время в промышленности широко применяется анализатор фрагментов микроструктуры твердых тел *SIAMS 700* на базе управляющей программы *SIAMS Photolab*, который реализует современные технологии автоматизированного анализа цифровых изображений микроструктуры металлов и сплавов [1]. Комплекс обеспечивает определение количественных характеристик и статистический анализ микроструктур материалов, однако работа выполняется в автоматизированном режиме. Для выделения исследуемых объектов используется пороговая сегментация, которая не обеспечивает качественного выделения областей на изображениях, отличающихся сложной гетерогенной структурой.

Пакет программ, разработанный для расчета параметров структуры по действующим методикам, работает в автоматическом режиме [4], однако используются базовые методы обработки изображения, не ориентированные на точность выделения включений на этапе процесса сегментации.

Целью анализа является автоматическое выделение включений графита на изображении и расчет площади и компактности включений. Точность определения этих характеристик зависит от эффективности процесса сегментации изображения.

Основная часть

Особенностью высокопрочного чугуна с шаровидным графитом является наличие включений графита разного размера и разной формы в матрице. Пример харак-

терного изображения структуры материала с шаровидным графитом приведен на рис. 1 (слева).

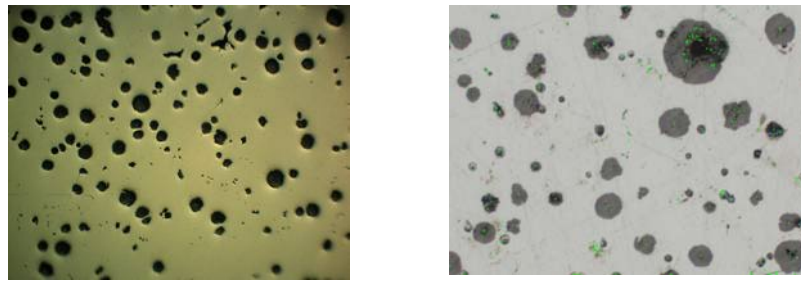

Рис. 1. Примеры изображений структуры с шаровидными включениями: характерное изображение (слева), изображение с выделенными центрами кристаллизации (справа)

Автоматический анализ микроструктуры основывается на обработке изображения шлифа методом сегментации на основе выращивания и слияния областей [5], [6]. Метод основан на многомасштабном анализе изображения, включающем спектральные, текстурные и контурные преобразования исходных данных. Это позволяет более точно выделить различные элементы структуры и определить их границы. Важной особенностью метода является повышенная точность выделения центров выращивания сегментов и формирования границ сегментов, соответствующих анализируемым включениям.

Автоматическое определение центров кристаллизации основывается на поиске локальных минимумов на многомасштабном градиентном изображении, которое рассчитывается суммированием значения вейвлет-статистики $T_{x,y}^l$ на разных масштабах l для каждого пикселя (x, y)

$$UW^z(x, y) = \sum_{l=1}^z T_{x,y}^l.$$

После устранения шумовых локальных минимумов функции $UW^z(x, y)$ путем квантования выполняется ее минимизация методом подавления немаксимумов [8] применительно к задаче минимизации. Данный метод предполагает сканирование изображения с помощью маски 3×3 для определения точек, окруженных пикселями с наибольшими значениями. Но в такой постановке окажутся потерянными точки нестрогого локального минимума. Однако, исходя из требований, предъявляемых к задаче обнаружения центров кристаллизации, в области равно малых значений функции должна быть определена одна минимальная точка, лежащая в центре области равных значений. Для этого предполагается после нахождения точки нестрогого локального минимума выполнить морфологическую заливку связанной с ней области того же уровня для определения и сохранения средней точки выделенной компоненты как центра кристаллизации. Важно предусмотреть процесс проецирования найденной средней точки компоненты связности на выделенную область, так как она (область) может иметь форму кольца.

Метод предполагает поиск точек, в окрестности которых нет элементов, меньших, чем сама эта точка, и есть хотя бы один больший элемент. Если анализируемая точка имеет 8-связную окрестность, все элементы которой имеют большие значения, то локальный минимум найден. Во всех остальных случаях из найденной точки начинается процесс морфологической заливки области равных значений.

Если известная точка C находится внутри искомой области, то операция выделения компоненты связности C_k на множестве значений функции $UW^Z(x, y)$ выглядит как

$$C_k = (C_{k-1} \oplus B) \cap A, \quad k = 0, 1, \dots,$$

$$A = \{ UW^Z(x, y) \mid (UW^Z(x, y) = C) \}, \quad C_0 = \{C\},$$

где B – примитив дилатации (в данном случае квадрат 3×3 пикселя); k – шаг дилатации.

Выполнение алгоритма завершается по условию $C_k = C_{k-1}$. Точки множества C_k представляют изображение связной области равных значений, для которого необходимо определить центр тяжести. Центр тяжести для области, где все значения равны, можно определить путем нахождения точки внутри прямоугольника, ограничивающего область. В данной точке пересекаются горизонтальная и вертикальная линии таким образом, что по обе стороны от каждой из них лежат равномоощные подмножества исследуемой области C_k . Далее необходимо найти ближайшую (в смысле евклидова расстояния от центра тяжести) точку, принадлежащую C_k , т.е. произвести проецирование центра тяжести на область C_k . Вычисленная точка принимается центром кристаллизации. Результат работы алгоритма по автоматическому определению центров кристаллизации на фрагменте области интереса анализируемого шлифа представлен на рис. 1 (справа).

Рассматриваемый метод относится к группе алгоритмов связной сегментации, которые позволяют достичь более высокого качества по сравнению с другими методами за счет использования информации о топологической связности областей. Эффект повышения качества сегментации достигается в части выделения контуров объектов при условиях слабоконтрастных границ, высокого уровня высокочастотных помех. Адекватности границ объектов способствует «инерционность» динамического процесса сегментации, использующего последовательный процесс формирования сегментов изображения совместно с постоянным мониторингом состояния сцены сегментации.

Выделение сегментов на изображении производится с помощью процедуры выраживания областей. Все пиксели $S_i^e, i = 1 \dots n$, претендующие на включение в какой-либо сегмент, должны быть смежными со своими областями, т.е. находиться на их внешней границе. Внешняя граница $Gr = S_1^e \cup S_2^e \cup \dots \cup S_n^e$ области S может быть определена как $Gr = (S \oplus B) \setminus S$, где $\oplus$ – операция дилатации (расширение множества на его границах); B – примитив дилатации (в данном случае квадрат 3×3 пикселя).

Тогда для данного сегмента S_i и его граничного пикселя S_j (обозначим эту пару $L_{i,j} = [S_i, S_j]$) предикат смежности сегментов $N(S_i, S_j) = 1$. После определения состава всех пар «сегмент – граничный пиксель» $L_{i,j}$ необходимо перейти к вычислению

функции гетерогенности $H_{i,j}$ для каждой из них. Значение функции гетерогенности $H_{i,j}$ определяется с помощью расстояний в пространствах признаков, введенных для составляющих модели представления исходных данных. Пара «сегмент – граничный пиксель» $L_{i,j}$, для которой расстояние $H_{i,j}$ в выбранном пространстве признаков минимально, признается оптимальной L^{opt} для последующего объединения

$$L^{opt} = \arg \left(\min_{[S_i, S_j]} \left\{ H_{i,j} \mid N(S_i, S_j) = 1 \right\} \right).$$

После приращения граничного пикселя к сегменту начинается следующая итерация процесса, включающая повторный расчет расстояний в парах $L_{i,j}$, выбор оптимальной пары и объединение. Процедура выращивания выполняется до полного заполнения сегментами всей площади изображения. По окончании выращивания сегментов выполняется алгоритм слияния областей. При слиянии сходные по ряду параметров области объединяются в один сегмент на основе анализа различных характеристик. Итоговое сегментированное изображение, приведенное на рис. 1 (слева), с вычисленными в процессе сегментации характеристиками представлено на рис. 2. Данный результат получен в автоматическом режиме.

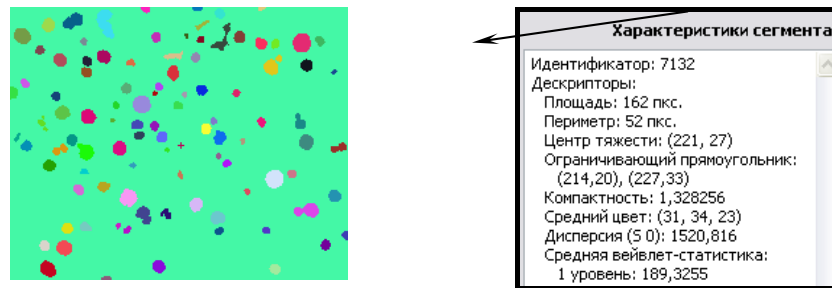

Рис. 2. Визуализация результата работы программы сегментации на основе метода выращивания и слияния областей

В процессе преобразования изображения в памяти формируются структуры, которые содержат достаточную информацию по включениям графита (сегментам) для последующего анализа. Для достижения инструментальной точности вычислений устанавливается разрешение на единицу длины (мкм). Исследуемыми параметрами являются площадь и компактность включений.

Для анализа зависимости параметров структуры от размера включений выполним расчет математического ожидания и дисперсии площади S включений на изображении. Математическое ожидание $M[S]$ для исследуемого изображения составило 1,537, а среднеквадратическое отклонение σ – 0,362 единиц. Выделим три группы включений: мелкие, средние, крупные. Средние включения лежат в диапазоне $M[S] \pm \sigma$. Все включения, которые меньше этой величины, считаются мелкими, а все, что больше, – крупными. По результатам расчетов количества включений в каждой группе получено, что все включения попадают в интервал $M[S] \pm 3\sigma$,

следовательно, исследуемая структура имеет нормальное распределение по площади включений.

Важной характеристикой для анализа структуры шаровидных образований, к которым относятся включения графита, является нормализованная компактность. Она вычисляется по формуле $C_n = P^2 / (4 \cdot \pi \cdot S)$, где P – периметр сегмента, S – его площадь. Очевидно, что наиболее компактной фигурой является круг, следовательно, чем ближе компактность C_n фигуры к 1, тем более идеальной будет форма шаровидного включения.

Анализ гистограммы распределения включений по нормализованной компактности (рис. 3), рассчитанной по сегментированному изображению, показал, что наибольшее количество включений имеет компактность от 1 до 1,5, т.е. большая часть включений (65 %) исследуемой структуры имеет компактную форму и близкую к ней.

Рис. 3. Гистограмма распределения включений графита по нормализованной компактности

Результаты расчета параметров оценки структуры по областям интереса приведены в таблице, где использованы следующие обозначения: группы включений по площади s , m , b – малые, средние и большие соответственно; K – количество включений.

Таблица

Параметры включений графита по областям интереса

Область интереса	Группа размера	K	Периметр, P (пиксель)	Нормализованная компактность, C_n		
				Математическое ожидание, $M(C_n)$	Дисперсия, $D(C_n)$	
1	s	6	24,25	1,23	0,04	0,09
	m	16	75,0	1,64	0,08	
	b	5	153,17	1,83	0,05	
2	s	4	27,33	1,25	0,02	0,36
	m	22	89,31	1,82	0,25	
	b	6	164,80	2,22	0,73	

Значение нормализованной компактности позволяет оценить правильность шаровидной формы и может служить основой для анализа характера границы и формы включений. Расчет по группе изображений шлифов, полученных для одной плавки на ООО «Литейно-механический завод» (г. Рыбинск), показал устойчивую сходимость параметров структуры с экспертными оценками. Однако для анализа структуры материала с целью улучшения эксплуатации необходимо разрабатывать новые показатели качества шаровидных включений. Вычисленные параметры сегментов, полученные в автоматическом режиме, позволяют получить более полное математическое описание сложной структуры.

Выводы

Предложенный метод автоматической сегментации изображения позволил выполнить статистическую оценку параметров шаровидных включений, исключая субъективность на ключевом этапе обработки изображения – получении сегментов исследуемой структуры, что обеспечивает повторяемость результата анализа группы изображений.

Полный автоматический расчет параметров включений по большим наборам изображений, полученным на производстве, показывает, что необходимо дальнейшее развитие методов качественного и количественного анализа структуры и выявление взаимосвязей структуры и эксплуатационных показателей. Для исследования материалов с функциональной структурой необходима разработка системы показателей, учитывающей возможности автоматического анализа структуры по изображению.

Литература

1. Анализатор изображений SIAMS 700. URL: <https://www.siams.com/products/siams700>
2. ГОСТ 7293-85. Чугун с шаровидным графитом для отливок. Марки. Введ. 1987-01-01. М.: Издательство стандартов, 2004. 3 с.
3. ГОСТ 3443-87. Отливки из чугуна с различной формой графита. Методы определения структуры. Введ. 1988-01-07. М.: Издательство стандартов, 2005. 43 с.
4. Методики анализа SIAMS 800. URL: <https://www.siams.com/products/apps>
5. Паламарь И.Н., Сизов П.В. Патент 2440609 Российской Федерации, МПК⁷ G 06 K 9/34. Способ сегментации растровых изображений на основе выращивания и слияния областей; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО «РГАТУ имени П. А. Соловьева». Опубл. 20.01.2012. Бюл. № 2. 11 с.
6. Паламарь И.Н., Сизов П.В. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2010614091. Программная среда для сегментации изображений на основе методов выращивания областей и вейвлет-преобразований; заявитель и правообладатель ГОУ ВПО «РГАТА имени П. А. Соловьева». Заявка № 2010612442 от 5.05.2010; опубл. 23.06.2010.
7. Салтыков С. А. Стереометрическая металлография. М.: Металлургия, 1976. 270 с.
8. Steinbrecher R. Bildverarbeitung in der Praxis. URL: <http://www.rst-software.de/dbv/download.html>

References

1. *Analizator izobrazhenij SIAMS 700* [Image analyzer SIAMS 700]. Available at: <https://www.siams.com/products/siams700>

2. GOST 7293-85. *Chugun s sharovidnym grafitom dlya otlivok. Marki* [Cast iron with globular graphite for castings]. Vved 1987-01-01. Moscow: Izdatelstvo standartov, 2004. 3 с.

3. GOST 3443-87. *Otlivki iz chuguna s razlichnoj formoj grafita. Metody opredeleniya struktury* [Cast iron castings with graphite of different form. Methods for determining the structure. Marks]. Vved. 1988-01-07. Moscow: Izdatelstvo standartov, 2005. 43 с.

4. *Metodiki analiza SIAMS 800* [Analysis techniques SIAMS 800]. Available at: <https://www.siams.com/products/apps>

5. Palamar I.N., Sizov P.V. *Pat. 2440609 Rossijskoj Federacii, MIIK⁷ G 06 K 9/34. Sposob segmentacii rastroyx izobrazhenij na osnove vy`rashhivaniya i sliyaniya oblastej* [Method of bit-map images segmentation based on growing and merging regions]; zayavitel' i patentoobladatel' FGBOU VPO «RGATU imeni P. A. Solov`eva». Opubl. 20.01.2012, Byul. № 2. 11 с.

6. Salty`kov S.A. *Stereometricheskaya metallografiya* [Stereometric metallography]. Moscow: Metallurgiya, 1976. 270 с.

7. Palamar I.N., Sizov P.V. *Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy` dlya E`VM № 2010614091. Programmnaya sreda dlya segmentacii izobrazhenij na osnove metodov vy`rashhivaniya oblastej i vejvlet-preobrazovanij* [A software framework for the images segmentation based on the methods of growing areas and wavelet transforms]; zayavitel' i patentoobladatel' GOU VPO «RGATA imeni P.A. Solov`yova». Zayavka №2010612442 ot 5.05.2010; opubl. 23.06.2010.

Для цитирования: Паламарь И.Н., Сизов П.В., Жуков А.А. Автоматизация анализа структуры материала на основе сегментации изображения методом выращивания и слияния областей // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 17–24. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-2

For citation: Palamar I.N., Sizov P.V., Zhukov A.A. Automation of material structure analysis based on image segmentation by the method of growing and merging regions. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 17–24. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-2

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-3
УДК 303.732.4

© Рапаков Г.Г., Лебедева Е.А.,
Горбунов В.А., Абдалов К.А., Мельничук О.В., 2018

Рапаков Георгий Германович

Кандидат технических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: grapakov@yandex.ru

Rapakov Georgij Germanovich

PhD (Technology), Associate Professor,
Vologda State University (Vologda, Russia)
E-mail: grapakov@yandex.ru

Лебедева Елена Александровна

Кандидат технических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: lebedeva.elena@inbox.ru

Lebedeva Elena Aleksandrovna

PhD (Technology), Associate Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: lebedeva.elena@inbox.ru

Горбунов Вячеслав Алексеевич

Доктор физико-математических наук,
профессор, Вологодский государственный
университет
(Вологда, Россия)
E-mail: gorbunov1945@inbox.ru

Gorbunov Vyacheslav Alekseevich

Doctor of Sciences (Physico-mathematical),
professor, Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: gorbunov1945@inbox.ru

Абдалов Кенгес Абдалович

Доктор медицинских наук, заведующий
хирургическим отделением № 2 БУЗВО
Вологодской городской больницы № 1
(Вологда, Россия)
E-mail: muzgb1@inbox.ru, muzgb1@visp.ru

Abdalov Kenges Abdalovich

Doctor of Medicine,
M.D. Head of the surgical department no. 2,
Vologda municipal hospital no. 1
(Vologda, Russia)
E-mail: muzgb1@inbox.ru, muzgb1@visp.ru

Мельничук Олеся Валерьевна

Врач-стоматолог, городская
стоматологическая поликлиника №33
(Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: dr_move@mail.ru

Mel'nichuk Olesia Valer'evna

Stomatologist, Municipal Stomatological
Polyclinic no. 33
(Saint-Petersburg, Russia).
E-mail: dr_move@mail.ru

**АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
КЛАСТЕРОВ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ВЫБРОСОВ С ПОМОЩЬЮ
ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

**SPATIAL CLUSTER ANALYSIS AND
EMISSION DETECTION BY USING
GEOINFORMATION TECHNOLOGY**

Аннотация. Работа представляет ре-
зультаты исследований в области простран-
ственной кластеризации селитебной терри-
тории г. Вологды. Анализ кластеров и вы-
бросов выполнен на основе статистического

Abstract. The paper reports the research re-
sults in the field of the spatial cluster analysis
and emission detection of Vologda's residential
area. To handle the data of the geoeological
monitoring, Anselin Local Moran's I statistical

показателя Anselin (локальный индекс Морана I) при обработке данных геоэкологического мониторинга. В ходе геоинформационного моделирования вычислено значение среднего расстояния до соседних объектов, реализована пошаговая пространственная автокорреляция, получена сводка индекса Морана по расстоянию, обнаружены кластеры и выявлены выбросы.

Ключевые слова: компьютерное моделирование, пространственная кластеризация, выявление выбросов, геоинформационные системы, геостатистика, геоэкологический мониторинг, поддержка решений

value is used to make the analysis of the clusters and emissions. While geoinformatic modeling, the value of the average distance to the nearest objects is calculated, the step-by-step spatial autocorrelation and the distance report of the Moran's index are made, the clusters and emissions are found.

Keywords: computer modeling, spatial clustering, emission detection, geographic information systems, geostatistics, geoecological monitoring, decision support

---

Введение

Пространственная кластеризация геоинформационных данных позволяет выполнить обнаружение статистически значимых территориальных неоднородностей, возникающих в случаях, когда критическое число исследуемых признаков встречается в непосредственной близости друг от друга. Кластеры могут быть представлены в виде географического распределения – группировки объектов с малыми или высокими значениями изучаемых свойств. Визуализация результатов пространственной кластеризации наглядно отображает холодные точки, горячие пятна и пространственные выбросы, которые отличаются резко выделяющимися значениями экспериментальных величин [9], [12].

Исследование влияния среды обитания на человеческое здоровье является одним из перспективных научных направлений [6]. Растущая антропогенная нагрузка на биосферу обуславливает возникновение и особенности распространения целого ряда неинфекционных заболеваний. Так, длительное воздействие на организм фтора в зоне влияния выбросов промышленных предприятий способствует развитию дистрофии миокарда и ишемической болезни сердца [11]. Оценки многосредового риска для здоровья детей демонстрируют взаимосвязь между экологическим состоянием урбанизированных территорий и возникновением врожденных пороков развития новорожденных. Техногенный прессинг увеличивает генетическую нагрузку на популяцию [7]. Решению проблемы экологической медицины содействуют смешанные подходы, основанные на привлечении традиционного статистического анализа и методов искусственного интеллекта [13]. С ростом количества и качества территориально пространственных антропогенных факторов риска, как объектов регионального управления, возрастает роль интеллектуальных систем поддержки принятия решений [10].

Актуальной является задача геоинформационного моделирования по идентификации кластеров и определению выбросов при анализе пространственного распределения загрязнения снежного покрова как характеристики техногенного воздействия на окружающую среду. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов при информационно-аналитической поддержке задач обеспечения экологической безопасности селитебных территорий. Цель настоящей работы – исследование методов пространственной статистики на основе компьютер-

ного моделирования территориального распределения и анализа структурных закономерностей. Расчет статистически значимых показателей интенсивности кластеризации дает представление о пространственных процессах и визуализации результатов анализа геоэкологических данных, что обуславливает новизну работы.

Основная часть

Методы пространственной статистики позволяют определять ключевые характеристики распределения изучаемой трехмерной переменной $Z(X, Y)$, выполнить оценку общих пространственных структурных закономерностей и идентифицировать статистически значимые пространственные кластеры и выбросы. При концептуализации пространственных отношений каждый объект оценивается в контексте окрестных соседей. Для обеспечения надежности анализа требуется вычислить диапазон расстояний до соседних объектов так, чтобы для каждого элемента геоданных имелся как минимум один сосед. В качестве метода определения расстояния используется евклидова метрика. При применении географических координат пространственный расчет выполняется с помощью хордовых измерений, которые дают хорошие оценки геодезических расстояний, так как область исследования существенно меньше 30° . В противном случае необходимо производить проецирование входных данных. Выбранному масштабу анализа с учетом границ области исследования соответствует, как правило, среднее значение диапазона расстояний до соседнего объекта, которое используется в качестве начального для пошаговой пространственной автокорреляции (ППА). Минимальное расстояние не применяется в случае, если во входном наборе геоданных предполагается наличие выбросов. Использование максимального значения приводит к неоправданному росту числа соседей, когда у каждого объекта их слишком много. При этом для ряда объектов соседями будут все или большая часть остальных элементов геоданных. Метод ППА позволяет определить расстояние, на котором пространственная кластеризация наиболее очевидна [15]. Пространственная автокорреляция измеряется для серии расстояний. Приращение задается как половина от величины среднего значения диапазона расстояний до соседнего объекта.

Интенсивность пространственной кластеризации отражается при помощи Z – оценки. Ее статистически значимая пиковая величина свидетельствует о наличии выраженной кластеризации во входных геоинформационных данных. Статистическую значимость определяют на основе p – значения, которое используется для проверки нулевой гипотезы. Для индекса Морана нулевая гипотеза утверждает, что изучаемые атрибуты геоданных в области исследования распределены случайно и пространственные процессы, являющиеся источником структур, хаотичны. При 95 % доверительном уровне $p < 0,05$, а критические значения Z – оценки представлены $-1,96$ и $+1,96$ стандартными отклонениями. Если $Z < -1,96$, то пространственная закономерность является дисперсионной. Для $Z > 1,96$ структурированность носит кластеризованный характер.

Расстояние, соответствующее пиковому значению ППА, используется в качестве порогового для метода анализа кластеров и выбросов на основе статистического показателя Anselin локального индекса Морана I. Данный метод позволяет определить присутствие статистически значимых кластеров (выбросов) во входном классе объ-

ектов с достоверностью 95 %. Для статистически значимого кластера с высокими схожими значениями (НН) Z – оценка имеет большое положительное значение. Малые положительные величины Z – оценки отвечают статистически значимому кластеру с низкими подобными значениями (LL). Если Z – оценки имеют малые отрицательные значения, то присутствуют статистически значимые пространственные выбросы: НЛ, если объект с высоким значением окружен малыми элементами, и ЛН, когда атрибут геоданных с низким значением выявлен среди высоких объектов. При определении пространственных взаимоотношений для точечных данных используется метод фиксированного диапазона расстояний. В этом случае при анализе объекта данные, расположенные за пределами порогового расстояния, игнорируются [1], [8]. Расчет Z – оценки производится следующим образом:

$$Z_{I_i} = \frac{I_i - \mathbf{E}[I_i]}{\sqrt{\mathbf{V}[I_i]}}$$

где:

$$\begin{aligned} \mathbf{E}[I_i] &= -\frac{1}{n-1} \sum_{j=1, j \neq i}^n w_{i,j}, & \mathbf{V}[I_i] &= \mathbf{E}[I_i^2] - \mathbf{E}[I_i]^2, \\ I_i &= \frac{x_i - \bar{X}}{S_i^2} \sum_{j=1, j \neq i}^n w_{i,j} (x_j - \bar{X}), & S_i^2 &= \frac{1}{n-1} \sum_{j=1, j \neq i}^n (x_j - \bar{X})^2 \\ \mathbf{E}[I_i^2] &= A - B, & A &= \frac{n - b_{2i}}{n-1} \sum_{j=1, j \neq i}^n w_{i,j}^2 \\ B &= -\frac{2b_{2i} - n}{(n-1)(n-2)} \sum_{k=1, k \neq i}^n \sum_{h=1, h \neq i}^n w_{i,k} w_{i,h}, & b_{2i} &= \sum_{i=1, i \neq j}^n (x_i - \bar{X})^4 \left/ \left(\sum_{i=1, i \neq j}^n (x_i - \bar{X})^2 \right)^2 \right., \end{aligned}$$

где локальный индекс Морана I_i статистически оценивает пространственную связь объектов; x_i – числовой атрибут i -го объекта; $\bar{X}$ – среднее значение данного атрибута; $w_{i,j}$ – пространственный вес пары i, j ; n – число объектов [3].

В ходе работы выполнен литературный обзор научных источников по теме исследования. Предыдущие публикации авторского коллектива посвящены компьютерному моделированию методов пространственной интерполяции на основе сопоставления алгоритмов гридинга и сравнительному вариограммному анализу. В результате визуальной оценки гридинга и статистического анализа невязок для пространственной визуализации отобран метод кригинга. Оценка качества пространственного распределения удельной электропроводности снежного покрова получена при помощи перекрестной проверки грида. Выполнена визуализация результатов кросс-валидации для метода кригинга. Рассчитаны геостатистические показатели моделей вариограмм [10], [11]. В работе [5] обсуждается кластеризация территорий как источников чрезвычайных ситуаций по степени их рискованности. В качестве метода определения близости используется расстояние по прямой линии между двумя точками. Для исследования чрезвычайных ситуаций предлагается цветовая карта территории. Автор [2], тестируя гипотезу о зависимости темпов роста городов от их территориальной привязки, рассчитывает пространственный коэффициент ав-

токорреляции Морана для логарифмов темпов роста всех городов России. В публикации [1] приведен анализ пространственной кластеризации торговых точек. При обнаружении автокорреляции были использованы общие статистики пространственной корреляции Морана и Гири (Moran's I, Geary) и пространственная диаграмма Морана. Работа [9] знакомит с результатами выделения 4-х территориальных кластеров муниципальных образований Самарской области на основе глобального индекса Морана и 6 подкластеров с помощью локального индекса Морана (LISA – Local Index Spatial Autocorrelation). Выявлены зоны влияния для ядер – городских округов (рис. 1).

Рис. 1. Карта сбора точечных проб электропроводности

К перечню социально значимых региональных задач относится снижение рисков здоровью от химического загрязнения окружающей среды. Аккумулятором загрязнений атмосферы и индикатором экологического состояния среды обитания в городе является снег, который накапливается в течение холодного периода года. Системный подход к обеспечению экологической безопасности селитебных территорий и обеспечению надлежащего санитарно-гигиенического состояния поверхностных и подземных источников питьевого водоснабжения требует выполнения комплексных мероприятий [8]. Достижение максимальной эффективности капитальных затрат и инвестиций при планировании и реализации мер по снижению воздушного загрязнения городской среды, сбору и утилизации снега, водоотведению, обработке и доочистке сточных вод возможно при наличии статистически достоверной и легко интерпретируемой лицом, принимающим решения, информации. Отбор проб снега был выполнен в ходе полевого этапа исследования в период начала весеннего снеготаяния в марте 2017 года. Географические координаты точек определялись путем моделирования геопространственной сетки. При этом были использованы статистические

данные о состоянии здоровья населения г. Вологды (рис. 1). Объем выборки обеспечивает точность оценки не ниже 5 % с доверительной вероятностью $\alpha = 0,95$. Физико-химические исследования проб расплавленного снега выполнены по показателям: рН, взвешенные вещества и электропроводность.

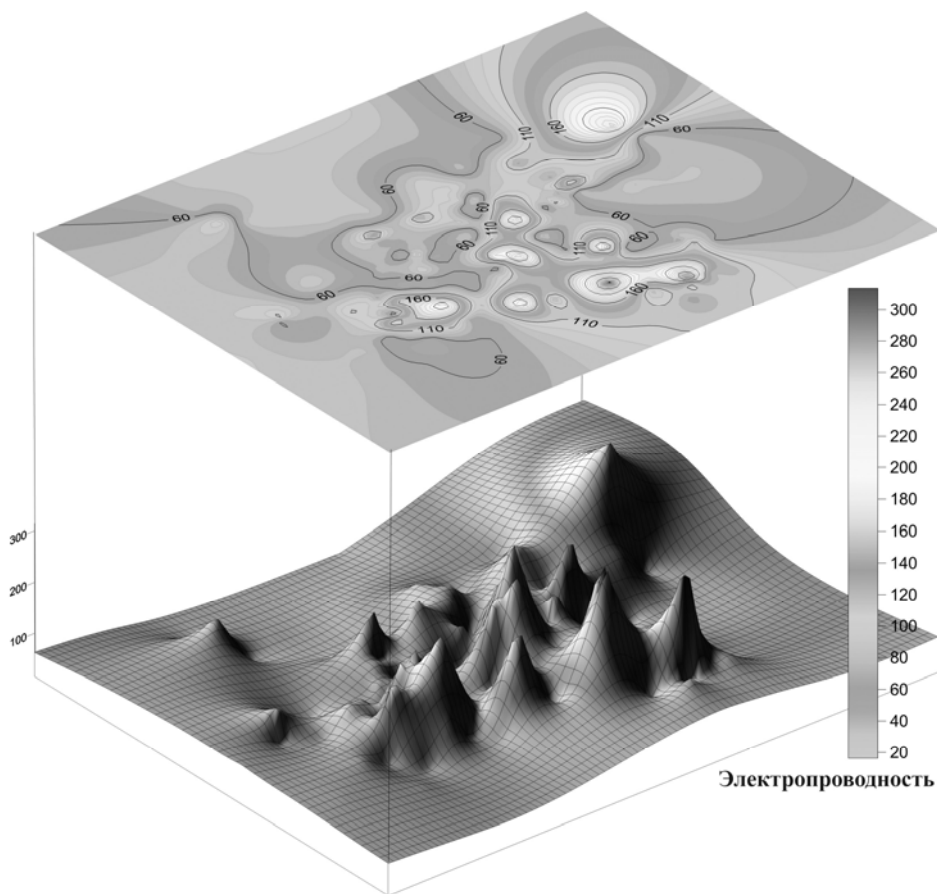

Рис. 2. Совмещенные карты изолиний и 3D поверхности для электропроводности

Наглядность сведений для лица, принимающего решение, обеспечивается за счет зрительного представления пространственно-распределенных данных. Карта пространственного распределения удельной электропроводности снегового фильтра с интервалом между изолиниями 10 мкСм/см, полученная методом кригинга с применением исследуемых моделей вариограмм, представлена на рис. 2 [10], [11]. В целях удобства анализа она совмещена с соответствующей 3D поверхностью и образует стековую 3D картограмму. Полутонное изображение карты рельефа наглядно отображает зоны вариации электропроводности и выделяет ее локальные максимумы.

Выбранному масштабу анализа соответствует среднее значение диапазона расстояний до соседнего объекта – 390 м. Это начальная величина расстояния, для которого выполняется ППА. От него задается приращение, равное половине среднего

значения диапазона расстояний до соседнего объекта – 195 м. ППА измеряется для серии из 10 расстояний. Получена сводка индекса Морана по расстоянию, содержащая для серий из последовательности приращений: индекс Морана, ожидаемый индекс, дисперсию, Z – оценку и p – значение (см. таблицу).

Таблица

Пошаговая пространственная автокорреляция по расстоянию

Расстояние	Индекс Морана	Ожидаемый индекс	Дисперсия	Z – оценка	p – значение
390	0,265500	-0,013333	0,013699	2,382341	0,017203
585	0,079670	-0,009346	0,007347	1,038481	0,299046
780	0,060815	-0,008929	0,004230	1,072324	0,283574
975	0,044007	-0,008696	0,002874	0,983087	0,325565
1170	0,048195	-0,008621	0,001780	1,346675	0,178085
1365	0,049014	-0,008547	0,001373	1,553360	0,120337
1560	0,076994	-0,008475	0,001056	2,629691	0,008546
1755	0,112167	-0,008403	0,000848	4,140661	0,000035
1950	0,089197	-0,008403	0,000651	3,825790	0,000130
2145	0,082863	-0,008333	0,000605	3,707863	0,000209

Пиковое значение зарегистрировано для расстояния 1755 м. Максимум Z – оценки равен 4,14, что свидетельствует о статистически значимой кластеризации ($p = 0,000035$). С учетом расстояния пикового значения (как порогового для метода анализа кластеров и выбросов на основе статистического показателя Anselin локального индекса Морана I) в результате геоинформационного моделирования получен выходной класс пространственных объектов, содержащий статистически значимые кластеры (НН и LL) и выбросы (НЛ и LH) (рис. 3). Для геообработки использовалась ГИС ArcGIS (Spatial Statistics Analysis Tools). Учитывался точечный характер сбора проб электропроводности при концептуализации пространственных отношений, поэтому был выбран метод фиксированного диапазона расстояний.

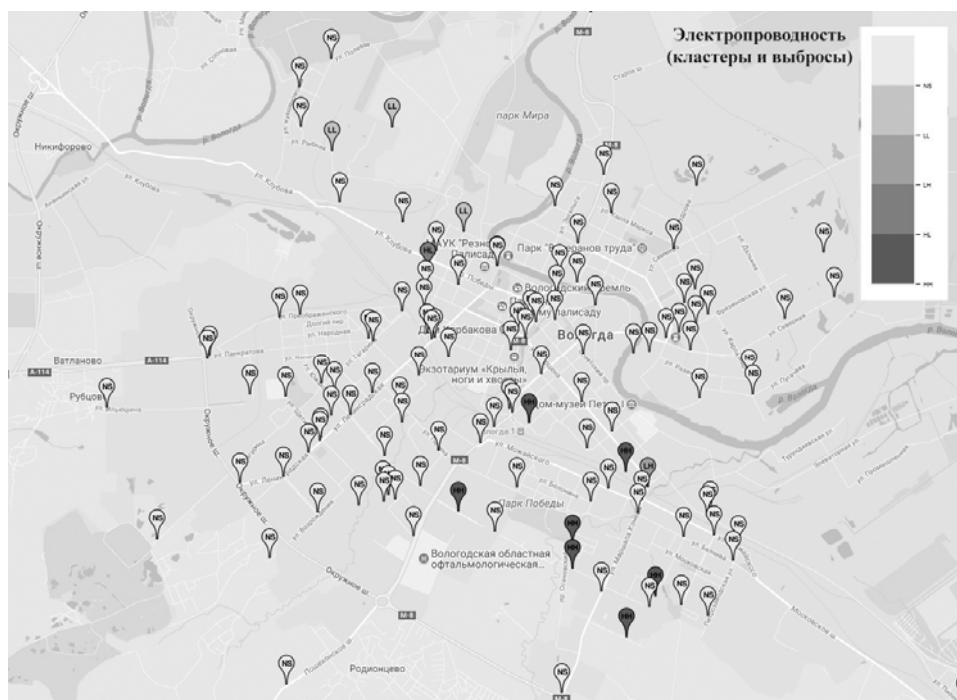

Рис. 3. Карта анализа кластеров и выбросов электропроводности

Выводы

В ходе компьютерного моделирования территориальных структурных закономерностей выполнен анализ пространственных кластеров и идентифицированы выбросы значений удельной электропроводности снежного покрова, полученные в ходе обработки данных геоэкологического мониторинга. На основе методов пространственной статистики вычислено значение среднего расстояния до соседних объектов, реализована пошаговая пространственная автокорреляция и получена сводка индекса Морана по расстоянию. Нулевая гипотеза, утверждающая, что изучаемые атрибуты геоданных в области исследования распределены случайно и пространственные процессы, являющиеся источником структур, хаотичны, отвергнута на уровне значимости $p < 0,001$. Максимум Z – оценки зарегистрированы для расстояния 1755 м, максимум равен 4,14, что свидетельствует о статистически значимой кластеризации. При анализе порогового расстояния на основе статистического показателя Anselin локального индекса Морана I были обнаружены кластеры и выявлены выбросы. Карта анализа кластеров и выбросов электропроводности наглядно воспроизводит статистически значимые пространственные закономерности двух типов, которые носят кластеризованный характер с высокими/низкими схожими значениями (HH/LL). Локальные атмогеохимические неоднородности, отличающиеся резко выделяющимися значениями геоэкологических данных, – статистически значимые пространственные выбросы – представлены в двух вариантах: HL и LH. Объект с высоким/ низким значением находится в окружении элементов с низким/ высоким значением атрибута геоданных. Результаты исследований уже использованы в региональном проекте

улучшения качества водоснабжения (обеспечение экологической безопасности сели-тебных территорий). Перспективы работы – в изучении пространственной анизотропии.

Литература

1. Балаш О.С. Пространственный анализ размещения торговых предприятий Саратова // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 4. С. 13–22.
2. Балаш О.С. Пространственный анализ темпов роста городов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: экономика, управление, право. 2013. № 2. Т. 13. С. 186–191.
3. Бердышев О.В., Долинов А.Л. Кластеризация поверхностно распределенного риска // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Безопасность и управление рисками. 2015. № 3. С. 7–13.
4. Демьянов В.В., Савельева Е.А., Арутюнян Р.В. Геостатистика: теория и практика. М.: Наука, 2010. 327 с.
5. Ершов Е.В., Бабенко А.И., Пониц Е.С., Хаснулин В.И. Система мониторинга состояния здоровья работников газодобывающего предприятия на Крайнем Севере // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2008. № 2. Т. 28. С. 57–62.
6. Касаткина А.Л. Клинико-эпидемиологическая характеристика врожденных пороков челюстно-лицевой области на территории Волгограда и Волгоградской области: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2000. 18 с.
7. Мамадкулов Ю.О., Швецов А.Н. Модель мультиагентного сбора и обработки информации о состоянии окружающей среды // Информатизация процессов формирования открытых систем на основе СУБД, САПР, АСНИ и систем искусственного интеллекта: материалы V Международной научно-технической конференции «ИНФОС–2009». Вологда: ВоГУ, 2009. С. 166–169.
8. Онищенко Г.Г. Проблемы качества питьевой воды в Российской Федерации и пути их решения // Водоснабжение и санитарная техника. 2010. № 12. С. 5–8.
9. Павлов Ю.В., Королева Е.Н. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 95–110. DOI 10.14530/se.2014.3.95-110
10. Рапаков Г.Г., Лебедева Е.А., Горбунов В.А., Кузьминов А.Л., Абдалов К.А. Геоинформационное картографирование на основе машинного моделирования вариограммы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №3 (84). С. 46–54. DOI 10.23859/1994-0637-2018-3-84-6
11. Рапаков Г.Г., Лебедева Е.А., Горбунов В.А., Кузьминов А.Л., Абдалов К.А. Компьютерное моделирование и анализ методов сеточной интерполяции при обработке геоинформационных данных // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №2 (83). С. 31–39. DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-4
12. Филимонов С.Н., Семенова Е.А., Панев Н.И., Коротенко О.Ю., Филимонов Е.С., Ершов Е.В., Никифоров В.В. Факторы риска ишемической болезни сердца у рабочих с хронической фтористой интоксикацией // Вестник Кузбасского научного центра. 2014. №19. С. 116–118.
13. Швецов А.Н., Суконщиков А.А., Кочкин Д.В., Андрианов И.А. Ситуационные интеллектуальные системы поддержки принятия решений. Курск: Университетская книга, 2018. 251 с.
14. Anselin L. Local Indicators of Spatial Association – LISA. Geographical Analysis, 1995. Vol. 27 (2). Pp. 93–115. DOI 10.1111/j.1538-4632.1995.tb00338.x
15. Griffith D. Spatial Autocorrelation and Spatial Filtering: Gaining Understanding Through

Theory and Scientific Visualization. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2003. 260 p. DOI 10.1007/978-3-540-24806-4

16. Haining R. Spatial Data Analysis: Theory and Practice. Cambridge University Press, 2003. 454 p. DOI 10.1017/CBO9780511754944

17. Hunsaker C., Goodchild M., Friedl M., Case T. Spatial Uncertainty in Ecology: Implications for Remote Sensing and GIS Applications. Springer-Verlag New York, Inc., 2001. 417 p. DOI 10.1007/978-1-4613-0209-4

18. Tiefelsdorf M. Modelling Spatial Processes: The Identification and Analysis of Spatial Relationships in Regression Residuals by Means of Moran's I. Berlin: Springer-Verlag Heidelberg, 2000. 167 p. DOI 10.1007/BFb0048754

References

1. Balash O.S. Prostranstvennyi analiz razmeshcheniia torgovykh predpriatii Saratova [Spatial analysis of the location of trading enterprises in Saratov]. *Povolzhskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [Povolzhsky trade and economic journal], 2010, no. 4, pp. 13–22.

2. Balash O.S. Prostranstvennyi analiz tempov rosta gorodov Rossii [Spatial analysis of growth rates of Russian cities]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: ekonomika, upravlenie, pravo* [Izvestiya of Saratov university. New series. Series: economics, management, law], 2013, no. 2, vol. 13, pp. 186–191.

3. Berdyshev O.V., Dolinov A.L. Klasterizatsiia poverkhnostno raspredelennoogo riska [Clustering of surface distributions risk]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Bezopasnost' i upravlenie riskami* [Bulletin of the Perm national research polytechnic university. Safety and risk management], 2015, no. 3, pp. 7–13.

4. Dem'ianov V.V., Savel'eva E.A., Arutiunian R.V. *Geostatistika: teoriia i praktika* [Geostatistics: the theory and practice]. Moscow: Science, 2010. 327 p.

5. Ershov E.V., Babenko A.I., Ponich E.S., Khasnulin V.I. Sistema monitoringa sostoiianiia zdorov'ia rabotnikov gazodobyvaiushchego predpriatii na Krainem Severe [The system of health monitoring of workers of the gas enterprise in the far north]. *Biulleten' sibirskogo otdeleniia rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk* [The bulletin of Siberian branch of Russian academy of medical sciences], 2008, no. 2, vol. 28, pp. 57–62.

6. Kasatkina A.L. *Kliniko-epidemiologicheskaiia kharakteristika vrozhdennykh porokov cheliustno-litsevoi oblasti na territorii Volgograda i Volgogradskoi oblasti* [Clinical and epidemiological characteristics of congenital malformations of the maxillofacial area in the territory of Volgograd and Volgograd region. PhD dis.] Volgograd, 2000. 18 p.

7. Mamadkulov Iu.O., Shvetsov A.N. Model' mul'tiagentnogo sbora i obrabotki informatsii o sostoianii okruzhaiushchei sredy [Model of multi-agent collection and processing of information on the state of the environment]. *Informatizatsiia protsessov formirovaniia otkrytykh sistem na osnove SUBD, SAPR, ASNI i sistem iskusstvennogo intellekta: materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnikheskoi konferentsii "INFOS-2009"* [Informatization of the processes of formation of open systems based on DBMS, CAD, ASNI and artificial intelligence systems: proceedings of the 5th international scientific and technical conference INFOS-2009]. Vologda: Vologda Technical State University, 2009, pp. 166–169.

8. Onishchenko G.G. Problemy kachestva pit'evoi vody v Rossiiskoi Federatsii i puti ikh resheniia [Problems of potable water quality in the Russian Federation and ways to solve them]. *Vodosnabzhenie i sanitarnaia tekhnika* [Water supply and sanitary technique], 2010, no. 12, pp. 5–8.

9. Pavlov Iu.V., Koroleva E.N. Prostranstvennye vzaimodeistviia: otsenka na osnove global'nogo i lokal'nogo indeksov Morana [Spatial interactions: evaluation with the help of global

- and local Moran's index]. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2014, no. 3, pp. 95–110. DOI 10.14530/se.2014.3.95-110
10. Rapakov G.G., Lebedeva E.A., Gorbunov V.A., Kuz'minov A.L., Abdalov K.A. Geoinformatsionnoe kartografirovaniye na osnove mashinnogo modelirovaniia variogrammy [Geoinformation mapping based on computer-based semivariogram modeling]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepoves State University Bulletin], 2018, no. 3 (84), pp. 46–54. DOI 10.23859/1994-0637-2018-3-84-6
11. Rapakov G.G., Lebedeva E.A., Gorbunov V.A., Kuz'minov A.L., Abdalov K.A. Komp'yuternoe modelirovaniye i analiz metodov setochnoi interpoliatsii pri obrabotke geoinformatsionnykh dannykh [Computer modeling and analysis of methods of grid interpolation in the processing of geoinformation data]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepoves State University Bulletin], 2018, no. 2 (83), pp. 31–39. DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-4
12. Filimonov S.N., Semenova E.A., Panev N.I., Korotenko O.Iu., Filimonov E.S., Ershov E.V., Nikiforov V.V. Faktory riska ishemicheskoi bolezni serdtsa u rabochikh s khronicheskoi floristoi intoksikatsiei [Risk factors for coronary heart disease in workers with chronic fluoride intoxication]. *Vestnik Kuzbasskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Kuzbass scientific centre], 2014, no. 19, pp. 116–118.
13. Shvetsov A.N., Sukonshchikov A.A., Kochkin D.V., Andrianov I.A. *Situatsionnye intellektual'nye sistemy podderzhki priniatiia reshenii* [Situational intelligent decision support systems]. Kursk: University Book, 2018. 251 p.
14. Anselin L. Local Indicators of Spatial Association – LISA. *Geographical Analysis*, 1995. vol. 27 (2), pp. 93–115. DOI 10.1111/j.1538-4632.1995.tb00338.x
15. Griffith D. Spatial Autocorrelation and Spatial Filtering: Gaining Understanding Through Theory and Scientific Visualization. *Springer-Verlag Berlin Heidelberg*, 2003. 260 p. DOI 10.1007/978-3-540-24806-4
16. Haining R. *Spatial Data Analysis: Theory and Practice*. Cambridge University Press, 2003. 454 p. DOI 10.1017/CBO9780511754944
17. Hunsaker C., Goodchild M., Friedl M., Case T. *Spatial Uncertainty in Ecology: Implications for Remote Sensing and GIS Applications*. Springer-Verlag New York, Inc., 2001. 417 p. DOI: 10.1007/978-1-4613-0209-4
18. Tiefelsdorf M. *Modelling Spatial Processes: The Identification and Analysis of Spatial Relationships in Regression Residuals by Means of Moran's I*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2000. 167p. DOI 10.1007/BFb0048754

Для цитирования: РапакOV Г.Г., Лебедева Е.А., Горбунов В.А., Абдалов К.А., Мельничук О.В. Анализ пространственных кластеров и идентификация выбросов с помощью геоинформационных технологий // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 25–35. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-3

For citation: Rapakov G.G., Lebedeva E.A., Gorbunov V.A., Abdalov K.A., Mel'nichuk O.V. Spatial cluster analysis and outlier detection using geoinformation technology. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 25–35. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-3

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-4
УДК 81.42

© **Баева Н.А., Фомин А.А., 2018**

Баева Наталья Александровна
Кандидат филологических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
E-mail: baeva-angl@rambler.ru

Baeva Natalia Alexandrovna
PhD in Philology Sciences, Associate
Professor, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)
E-mail: baeva-angl@rambler.ru

Фомин Анатолий Анатольевич
Аспирант,
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
E-mail: anatoly.formean@gmail.com

Fomin Anatoly Anatolyevich
Post-graduate student,
Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)
E-mail: anatoly.formean@gmail.com

**СЕМАНТИКА
СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ
СЛОВ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО
КРИТЕРИЯ ЭТАЛОННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ
ДЖО АБЕРКРОМБИ)**

**THE SEMANTICS OF
SYNAESTHETIC WORD-
COMBINATIONS AS SEEN
THROUGH THE COGNITIVE
CRITERION OF BENCHMARK
(BASED ON J. ABERCROMBIE'S
NOVELS)**

Аннотация. В статье рассматривается явление синестезии как особый способ репрезентации когнитивных процессов. Синестезия вербализуется при помощи синестетических сочетаний слов, компоненты которых связаны со свойствами категорий. К числу таких свойств относится эталонность, с точки зрения которой анализируются данные сочетания, определяются их семантика, перцептивная отнесенность, стилистическая функция в романах британского писателя Дж. Аберкромби.

Abstract. This article deals with the phenomenon of synaesthesia as a special way of cognitive processes representation. Synaesthesia is verbalized by synaesthetic word-combinations, the components of which correlate with the properties of categories. Among these properties a benchmark is in the center; the synaesthetic word-combinations are analyzed from this point of view. The usage of this criterion helps identify semantics, perceptual reference, and stylistic function of synaesthetic word-combinations in J. Abercrombie's novels.

Ключевые слова: синестезия, синестетические сочетания слов, перцептивные модальности, категория, эталонность

Keywords: synaesthesia, synaesthetic word-combinations, perceptual modes, category, benchmark

---

Введение

Настоящая статья посвящена явлению синестезии, вербализуемой в виде синестетических сочетаний слов в англоязычных художественных текстах, вопросу их когнитивной семантики, рассматриваемой с позиции одного из категориальных

свойств – принадлежности эталону. Применение когнитивного подхода к изучению лингвистической синестезии определяет новизну исследования. Такой подход позволяет установить когнитивно-стилистические особенности синестетических сочетаний в англоязычных художественных текстах.

Большинство работ посвящено изучению, в основном, синестетической метафоры на материале русского, немецкого, французского языков, в меньшей степени на материале английского языка, что обуславливает актуальность данного исследования для германистики.

Основная часть

Взаимодействие человека с различными предметами и объектами мира осуществляется благодаря органам восприятия (органам зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания). Возможны случаи необычного восприятия качеств и свойств действительности, когда в процесс включены сразу несколько органов чувств, например, восприятие «цвета» звука или восприятие «громкости» цвета. Такое явление совмещенных ощущений называется синестезией. Синестезия в психологии определяется как явление, когда «какой-либо раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, помимо воли субъекта вызывает не только ощущение, специфичное для данного органа чувств, но и одновременно еще и добавочное ощущение или представление, характерное для другого органа чувств» [6, с. 321].

В лингвистике синестезия понимается как «явление восприятия, когда возникают ощущения, связанные с другим органом» или «соединение несоединимого» [4, с. 324]; синестезийная метафора определяется Л.М. Кольцовой, Ф. Али как «метафора, отражающая перенос от признака, который воспринимается одним органом чувств, к признаку, воспринимаемому другим органом чувств (*горячий взгляд*); а также отражающая перенос от конкретного к абстрактному признаку (*горячий спор*)» [5, с. 44]; Дж. Уильямс говорит о синестезии как обычном способе метафорического переноса в любом языке, при котором осуществляется перенос лексемы из одной сенсорной области в другую: «one of the most common types of metaphoric transfer in all languages is synaesthesia – the transfer of a lexeme from one sensory area to another» [18, p. 463].

Восприятие связано с категоризацией. На эту связь указывал Дж. Брунер, говоря о том, что «теория восприятия должна включать, подобно теории познания, какие-то механизмы, лежащие в основе вывода и категоризации», «всякий перцептивный опыт есть конечный продукт процесса категоризации» [3, с. 12–14]. Такое допущение автор делает исходя из того, что вся воспринимаемая информация относится к некому классу, обладающему рядом категориальных характеристик, то есть категории. Синестетические сочетания (метафоры, сравнения) репрезентируют перцептивные процессы, которые подвергаются когнитивной обработке, способствующей соотношению восприятия ряда перцептивных стимулов с объектом определенной категории. Под категорией нами понимается, вслед за Е.С. Кубряковой, «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать опыт и осуществлять его классификацию» [7, с. 45]. Связь метафоры с категорией отмечалась Н.Д. Арутюновой. Категориальный сдвиг как основа действия механизма метафоры, по меткому выражению автора, является неким «вызовом природе»: «метафора – созна-

тельная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге» [1, с. 17–18].

В основе каждой категории имеются центральный и периферийные элементы. Ряд исследователей полагает, что центральным элементом категории является ее самый лучший представитель, эталон. Так, Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко говорят о том, что ребенок начинает знакомство с миром при помощи перцепции: различные прикосновения и «пробование на вкус» предметов и далее по мере развития деятельности у него вырабатываются оперативные единицы восприятия и сенсорные эталоны, которые будут находиться в центре категорий. Эти эталоны выступают «своеобразными чувственными мерками для систематизации свойств окружающей действительности» [2, с. 345–346]. Дж. Лакофф отмечает, что Э. Рош на примере центральных цветов показала особый когнитивный статус некоторых членов категории, которые она называет «когнитивной точкой отсчета» и «прототипами» [8, с. 64]. Проявления прототипичности, по словам Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, заключаются в том, что центральные члены категории (более близкие к прототипу, чем остальные) проявляют иные когнитивные характеристики, чем нецентральные: быстрее опознаются, быстрее усваиваются, чаще употребляются, а также являются референтом для имени, то есть тем словом, которое используется при понимании категории в целом [7], [8]. На периферии располагаются менее типичные представители категории, которые не обладают всей полнотой качеств эталона.

Перцептивные эталоны, как и любые перцептивные характеристики, репрезентируются в языке через модусы перцепции. Под модусами перцепции И.Г. Рузин понимает «аспекты, относящиеся к восприятию окружающего мира с помощью пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса» [10, с. 79]. Они актуализируют в виде конкретного словесного выражения различное перцептивное взаимодействие с окружающим миром, отражая «языковую модель образа мира автора и персонажей, намеренно созданной им в процессе порождения художественного текста» [9, с. 166].

Критерий эталонности, как отмечает И.Г. Рузин, представляет собой максимальное соответствие модуса перцепции образцу [10]. Автор предлагает разграничивать эталонные лексемы в зависимости от способа выражения эталона: лексемы с прямым указанием на объект – это денотатные лексемы (может быть задан внутренней формой слова), лексемы с непрямым указанием на объект (может быть задан вне слова) – неденотатные лексемы [10, с. 80–81]. Денотативный макрокомпонент в структуре лексического значения слова, как говорит И.А. Стернин, это «основной компонент лексического значения слова, указывающий на свойства, признаки предмета номинации. Он передает основную, коммуникативно значимую информацию» [11, с. 44].

При помощи приема сплошной выборки было отобрано 1021 синестетическое сочетание из романов жанра фэнтези британского писателя Джо Абберкромби (с референцией ко всем модусам перцепции) и проанализировано с точки зрения выявления эталонных характеристик у компонентов этих сочетаний. Эталонные характеристики встречаются в 136 синестетических сочетаниях, что составляет 13,3 % от общего количества синестетических сочетаний. Синестетические сочетания с градуальными характеристиками (779 синестетических сочетаний – 76,3 %) и сочетания с

характеристиками, непосредственно репрезентирующими перцептивную деятельность (106 сочетаний – 10,4 %), в данной работе не рассматриваются.

Критерий эталонности представлен в синестетических сочетаниях денотатным и неденотатным способами. Денотатный способ встречается в 42 синестетических сочетаниях, что составляет 4,1 % от общего объема отобранных синестетических сочетаний или 30,9 % сочетаний с критерием эталонности.

Слуховое восприятие представлено синестетическими сочетаниями с референцией к слуховому модусу перцепции со следующими денотатными лексемами (15 сочетаний – 11 %):

whistle – встречается в 3 синестетических сочетаниях: “*The Northman whistled softly through pursed lips*” [12];

yawn – встречается в 1 синестетическом сочетании: “*Quai gave a wide yawn, smacked his lips and blinked at the fire*” [12];

croak – встречается в 1 синестетическом сочетании: “*‘But they’ll die.’ His voice was a tiny croak*” [13];

jingle – встречается в 6 синестетических сочетаниях: “*Horses and men snorted out smoke, harness jingled sharp on the cold air*” [14];

sigh – встречается в 4 синестетических сочетаниях: “*‘There could be war, but that’s the least of my troubles right now.’ West breathed a heavy sigh*” [13].

Вкусовое восприятие представлено вкусовым модусом перцепции в 6 (4,4 %) синестетических сочетаниях следующими денотатными лексемами:

salt / salty – встречается в 4 синестетических сочетаниях: “*Yarvi breathed deep the salt chill and longed for home*” [15];

honey/ honeyed – встречается в 2 синестетических сочетаниях: “*And Yarvi brought Gorm’s eyes back to his with the honeyed tone his mother used to use...*” [15].

Тактильное восприятие репрезентируется в 21 синестетическом сочетании (15,5 %) такими денотатными лексемами, как:

oily – встречается в 1 синестетическом сочетании: (“*He let his voice soften to an oily purr*” [14];

velvet – встречается в 1 синестетическом сочетании: “*He walked slowly, the taps of his footfalls echoing in the velvet dimness of that great space*” [15];

iron – встречается в 7 синестетических сочетаниях: “*The Breaker of Swords shrugged his great shoulders and his heavy mail, forged with zigzag lines of gold, gave an iron whisper*” [16];

metal / metallic – встречается в 2 синестетических сочетаниях: “*Her voice was a storm of metal*” [16];

stone / stony – встречается в 2 синестетических сочетаниях: “*He stared up at Harod’s face, locked into that stony frown that sculptors reserve for the truly great*” [17];

sting – встречается в 8 синестетических сочетаниях: “*He wiped the wet from under his stinging eyes*” [12].

Зрительное и обонятельное восприятие в рассматриваемых синестетических сочетаниях денотатными лексемами не представлены.

Денотатные лексемы репрезентируют более конкретные и основные перцептивные свойства объектов окружающего мира. Благодаря передаче таких свойств и черт объектов интерпретация синестетических сочетаний упрощается. Несмотря на связь

такой лексемы с несколькими свойствами как, например, iron («железо») («холодный», «блестящий», «твердый»), и несмотря на отсутствие у такой лексемы как, например, jingle («звенеть»), ярко выраженного коннотативного значения, их корреляция с конкретными физическими объектами (iron, metal, stone и др.) облегчает определение перцептивных характеристик и понимание синестетического сочетания. Простота интерпретации таких сочетаний говорит о меньшей степени художественной образности синестетических сочетаний.

Неденотатный способ, представляющий собой выражение эталона вне слова, встречается в 94 синестетических сочетаниях, что составляет 9,2 % всех отобранных синестетических сочетаний или 69,1 % синестетических сочетаний с критерием эталонности. Лексемы, внутренняя форма которых прямо не указывает на эталонный признак, но соотносится языковым сознанием с таким признаком, более характерна для зрительного модуса.

Неденотатные лексемы, коррелирующие со зрительным восприятием, представлены в 35 синестетических сочетаниях (25,7 %).

Лексемы цвета встречаются в 25 синестетических сочетаниях (18,4 %): “...*the sky thick white with streaks of heavy grey*” [12].

Лексемы размера встречаются в 10 синестетических сочетаниях (7,3 %):

thin – встречается в 4 синестетических сочетаниях: “*A thumping sound, echoing from some distance, then a voice, thin on the wind*” [12];

thick – встречается в 6 синестетических сочетаниях: (“*‘Sit,’ he said, accent so thick that West could scarcely understand him*” [12].

Тактильный модус перцепции представлен в 43 синестетических сочетаниях (31,6 %) такими неденотатными лексемами, как:

harsh – встречается в 30 синестетических сочетаниях: “*The air was trembling, like the air above a bonfire, more and more as Silber’s harsh voice droned on*” [14];

even / evenly – встречается в 9 синестетических сочетаниях: “*Her voice was deep, and calm, and even*” [16];

sticky – встречается в 4 синестетических сочетаниях: “*The head was sticky dark with blood and strands of matted hair*” [12].

Для слухового модуса наиболее частотными являются неденотатные звукоподражательные лексемы (13 сочетаний – 9,6 %):

snar – встречается в 4 синестетических сочетаниях: “*‘No indeed!’ snapped Lord Isher sharply, shifting in his seat on the front row with a scowl*” [17];

snort – встречается в 2 синестетических сочетаниях: “*A miserable effort which she dismissed with a bitter snort*” [14];

crack / crackle – встречается в 5 синестетических сочетаниях: “*Thank you, sir. Thuel’s cracking, wispy voice was absurdly small in the vast space*” [17];

fizz / fizzing – встречается в 2 синестетических сочетаниях: (“*Up, and up in the fizzing darkness, Hurik and Keimdal toiling behind him*” [15].

Неденотатные лексемы вкусового модуса представлены 2 лексемами (1,5 %):

savour – встречается в 1 синестетическом сочетании: “*Logen wiped his lips, savouring the hot, bitter taste*” [17];

mellow – встречается в 1 синестетическом сочетании: “*Another voice, deep and mellow*” [17].

Ольфакторное (обонятельное восприятие) репрезентировано одной лексемой (0,7 %) – *fusty*: “*Shelves rose up high on every wall, lost in the fusty darkness overhead*” [12].

Неденотатные лексемы, смещенные от центра базового уровня категоризации, передают перцептивные свойства объектов действительности менее определенно и точно. Менее конкретная передача свойств и черт объектов усложняет интерпретацию синестетических сочетаний. Например, в синестетическом сочетании “*harsh voice*” («*грубый голос*») лексема “*harsh*” («*грубый*») репрезентирует ощущение чего-то шершавого или жесткого, чего-то неприятного на ощупь. Наличие отрицательной коннотации в лексеме “*harsh*” дает возможность установить неприятный для слуха тип звучания, однако не позволяет определить степень дискомфорта для слушающего. Так, степень признака лексемы “*harsh*” варьируется: например, объект может быть шершавым, как камень или как кора дерева, перцептивные характеристики для этих двух объектов отличаются.

Необходимо подчеркнуть, что эталон для перцептивных модусов синестетических сочетаний может задаваться вне данных сочетаний при помощи сравнительных оборотов “*like...*”, “*as*” и “*as...as*”:

“*It was less painful to talk than it had been, but he still had to speak quietly, carefully, the words thick and stumbling like some village halfwit’s*” [12];

“*The voice was harsh as a hammer falling*” [12];

“*His voice came as harsh as the grinding of a whetstone*” [16].

Добавление неденотатным лексемам денотатных качеств, встречающееся в 48 синестетических сочетаниях (35,3 %), способствует более точному пониманию описываемых объектов и событий. Ограничение возможности интерпретации синестетических сочетаний и указание автором на конкретные перцептивные свойства объектов свидетельствуют о его желании упростить понимание описываемых явлений и донести до читателя синестетический образ таким, каким видит его сам автор.

Выводы

Итак, когнитивный подход позволил выявить семантические особенности синестетических сочетаний слов с позиции их принадлежности эталону перцептивной категории.

Исследуемый материал текстов романов Д. Аберкромби показал, что критерий эталонности, предполагающий выраженность признака внутренней формой слова, в синестетических сочетаниях представлен денотатными и неденотатными лексемами.

Денотатные лексемы встречаются в 30,9 % синестетических сочетаний с признаками эталона. Они репрезентируют более конкретные свойства и качества предметов и объектов действительности. Передача таких свойств способствует упрощению понимания синестетических сочетаний из-за отсутствия значительных трудностей при определении конкретных перцептивных характеристик.

Неденотатные лексемы встречаются в 69,1 % синестетических сочетаний с признаками эталона. Они соотносятся с эталонными признаками при помощи языкового сознания без прямого указания на этот признак и передают менее конкретные перцептивные свойства объектов окружающего мира, способствуя усложнению интерпретации синестетических сочетаний и увеличению степени их образности.

Значение денотатных и неденотатных лексем в тексте может уточняться автором посредством сопоставления этих лексем с эталонами модусов перцепции путем использования сравнительных оборотов (“like...”, “as” и “as...as”), что способствует конкретизации авторского видения описываемых объектов и явлений и, соответственно, упрощению понимания описываемых событий.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 632 с.
3. Брунер Дж. О готовности к восприятию // Психология познания: За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. С.12–63.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО Пилигрим, 2010. 486 с.
5. Кольцова Л.М., Али Ф.Х.А. Синестезийная метафора в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. 2016. №2. С. 44–46.
6. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
7. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 245 с.
8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
9. Оконешникова И.Г. Особенности воплощения полисенсорности (полимодальности) авторского восприятия в художественном тексте // Омский научный вестник. 2006. №6 (42). С. 102–104.
10. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. №6. С. 79–99.
11. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с.
12. Abercrombie J. Before They Are Hanged. 2007. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/Before_They_Are_Hanged.html
13. Abercrombie J. Half the World. 2015. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/half_the_world.html
14. Abercrombie J. Last Argument of Kings. 2008. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/Last_Argument_of_Kings.html
15. Abercrombie J. Half a king. 2014. Available at: http://royallib.com/get/rtf/Abercrombie_Joe/half_a_king.zip
16. Abercrombie J. Half a War. 2015. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/half_a_war.html
17. Abercrombie J. The Blade Itself. 2006. Available at: http://royallib.com/get/rtf/Abercrombie_Joe/The_Blade_Itself.zip
18. Williams J.M. Synaesthetic adjectives: A possible law of semantic change // Language, 1976, pp. 461–472. Available at: <http://www.daysyn.com/Williams1976.pdf>

References

1. Arutiunova N.D. *Metafora i diskurs. Teoriia metafori* [Metaphor and Discourse. Metaphor Theory]. Moscow, 1990, pp. 5–32.
2. *Bolshoy psikhologicheskii slovar* [Big psychological dictionary]. Moscow, 2003. 632 p.
3. Bruner J. *O gotovnosti k vospriyatiyu* [About readiness for perception]. Moscow, 1977, pp. 12–63.

4. Zherebilo T.V. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, 2010. 486 p.
5. Koltsova L.M., Ali F.Kh.A. Sinesteziynaya metafora v romane L.N. Tolstogo “Voyna i mir” [The synaesthetic metaphor in the novel “War and Peace” by L.N. Tolstoy]. *Vestnik VGU. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series of Philology. Journalism], 2016, no. 2, pp. 44–46.
6. *Kratkiy psikhologicheskii slovar* [Brief psychological dictionary]. Moscow, 1985. 431 p.
7. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1997. 245 p.
8. Lakoff J. *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind]. Moscow, 2004. 792 p.
9. Okoneshnikova I.G. Osobennosti voploshcheniya polisensornosti (polimodalnosti) avtorskogo vospriyatiya v khudozhestvennom tekste [Features of the embodiment of polysensory (multimodality) of the author's perception in a literary text]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2006, no. 6 (42), pp. 102–104.
10. Ruzin I.G. Kognitivnye strategii imenovaniia: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osiazanie, obonianie, vkus) i ikh vyrazhenie v iazyke [Cognitive naming strategy: modes of perception (vision, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1994, no. 6, pp. 79–99.
11. Sternin I.A. *Kontrastivnaya lingvistika* [Contrastive linguistics]. Moscow, 2006. 206 p.
12. Abercrombie J. *Before They Are Hanged*. 2007. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/Before_They_Are_Hanged.html
13. Abercrombie J. *Half the World*. 2015. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/half_the_world.html
14. Abercrombie J. *Last Argument of Kings*. 2008. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/Last_Argument_of_Kings.html
15. Abercrombie J. *Half a King*. 2014. Available at: http://royallib.com/get/rtf/Abercrombie_Joe/half_a_king.zip
16. Abercrombie J. *Half a War*. 2015. Available at: http://royallib.com/book/Abercrombie_Joe/half_a_war.html
17. Abercrombie J. *The Blade Itself*. 2006. Available at: http://royallib.com/get/rtf/Abercrombie_Joe/The_Blade_Itself.zip
18. Williams J.M. *Synaesthetic adjectives: A possible law of semantic change*, 1976, pp. 461–472. Available at: <http://www.daysyn.com/Williams1976.pdf>

Для цитирования: Баева Н.А., Фомин А.А. Семантика синестетических сочетаний слов в свете когнитивного критерия эталонности (на материале романов Джо Аберкромби) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 36–43. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-4

For citation: Baeva N.A., Fomin A.A. The semantics of synaesthetic word-combinations as seen through the cognitive criterion of benchmark (based on J. Abercrombie's novels). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 36–43. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-4

Беленов Николай Валерьевич

Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный
социально-педагогический университет
(Самара, Россия)
E-mail: belenov82@gmail.com

Belenov Nikolay Valeryevich

PhD in Pedagogical Sciences,
Samara State University of Social Sciences
and Pedagogical
(Samara, Russia)
E-mail: belenov82@gmail.com

**К ВОПРОСУ
О ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ
НАЗВАНИИ РЕКИ ВОЛГИ**

**THE PROBLEM
OF THE TURKO-MONGOL NAME
OF THE RIVER VOLGA**

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о названии реки Волги, известном с эпохи раннего средневековья и бытующем в тюрко-монгольской этноязыковой среде, – *Итиль*. Впервые в источниках гидроним появляется в форме «Тил/Тиль», лишь через несколько веков принимая форму «Итиль/Атыл». На основании анализа византийской и арабо-персидской историко-географической литературы, этноисторической ситуации в Поволжье в раннем средневековье, с учетом основных топонимических закономерностей автором выдвигается гипотеза о появлении гидронима в угорской этноязыковой среде от гидронимического термина, близкого современному мансийскому «eetl» – «морская вода», который впоследствии был воспринят и адаптирован сменившимися угров тюрками.

Abstract. This article discusses the name of the Volga river, known from the early middle ages and existing in the Turkic-Mongolian ethno – linguistic environment-Itil. At first the hydronym appears in the form of "til" in the sources and takes the form of "Itil/Atyl" only a few centuries later. On the basis of the analysis of Byzantine and Arab-Persian historical and geographical literature, of the ethno-historical situation in the Volga region in the early middle ages and taking into account the basic toponymic laws, the author puts forward a hypothesis about the derivation of the hydronym in the Ugric ethnolanguage environment from the hydronemic term, close to the modern Mansi "eetl" with the meaning of "sea water" which was taken and adapted by the Turks (who replaced the Ugric) at a later time.

Ключевые слова: топонимика, гидронимия, Волга, Итиль, угры, тюрки, гунны

Keywords: toponymy, hydronymy, Volga, Itil, Ugric, Turks, Huns

Введение

Вопрос о происхождении названия главной русской реки – Волги – занимает умы ученых уже не одно столетие. При этом не менее интересным представляется вопрос о происхождении и этимологии иных вариантов названия реки. В центре нашего внимания название Волги, бытующее в тюрко-монгольской этноязыковой среде: чувашское *Атӑл*, татарское *Идел*, башкирское *Изел*, казахское *Еділ*, ногайское *Эдиль*, калмыцкое *Ижыл* и т.д. Ниже в общих случаях мы будем использовать общепотребительную в русской историко-географической литературе форму «Итиль».

Название, как принято полагать, дано огуроязычными тюрками – хазарами и булгарами и впервые появилось в устье реки или, во всяком случае, в ее низовьях. Пер-

вые упоминания гидронима встречаются у византийских авторов VI века, например, у Феофилакта Симокатты, в форме «Тиль». Если верна трактовка В.В. Напольских списка этнонимов в историческом трактате Иордана «О происхождении и деяниях гетов», относящемся к тому же VI веку, то название «Тил/Тиль» применительно к Волге встречается и там, что уже говорит не о случайной вариации, а об устоявшейся форме, предшествующей варианту «Итиль/Атыл» [9]. У византийского хрониста Феофана Исповедника, автора VIII века, гидроним упоминается уже в форме «Ател» [15]. Насколько древними источниками пользовался Феофан Исповедник при написании своего труда (так, у него указывается, что Волга протекает по землям сарматов, которые перестали быть в Поволжье исторической реалией еще в IV веке), установить сложно, поскольку за византийской историко-географической литературой известна традиция архаизации этнонимов. Таким образом, для фиксации гидронима в форме, близкой современному чувашскому варианту «Атыл», пока надо принимать время написания труда Феофана Исповедника.

Также известно, что в древнетюркских рунических памятниках VIII века упоминается какая-то река «Итиль/Идель», в которой, впрочем, нет оснований видеть Волгу [7]. С IX – X веков Волга под данным именем уже часто фигурирует на страницах арабо-персидских историко-географических источников. Кроме того, появляются сведения об одноименном хазарском городе в низовьях реки и местности с таким названием в земле волжских булгар [8].

В это же время, как можно полагать, гидроним претерпевает цепочку вторичных этимологизаций в различных тюркских языках: так как дельта Волги при впадении в Каспийское море образует множество островов, то одной из таких этимологизаций, насколько можно судить по косвенным указаниям источников, было возведение названия реки к древнетюркскому географическому термину «ата» – «остров» (в современных тюркских языках: в чувашском «утӑ»; в азербайджанском и турецком «ada»; в башкирском и татарском «утрау»; в остальных кыпчакских языках близко к монгольской форме – «арал»). Сравните, в связи с этим, с чувашским вариантом гидронима – «Атыл».

Еще одна версия происхождения гидронима, имевшая некоторую популярность у отечественных и венгерских ученых на этапе становления ориенталистики, связывает средневековое название Волги у тюркских народов с именем предводителя гуннов – Аттилы. Такая этимология впоследствии неоднократно подвергалась, в целом, обоснованной критике. Вместе с тем надо признать, что, как вариант вторичной этимологизации, данную версию рано снимать с рассмотрения. Так, в среде чувашей еще в конце позапрошлого столетия передавались легенды о «древнем царе Атыле» [12]. Примечательно, что Атыл в этих легендах выступает вождем не собственно чувашей, а родственного им народа, причем в понимании сказителей имя царя и название реки идентичны, хотя прямая связь, насколько можно понять из источников, не постулируется.

Также можно рассматривать название реки как отражение одной из ее важнейших характеристик, при этом не исключено, что оно на определенном этапе могло возводиться к булгаро-чувашскому «атлы» – «широкий, просторный», данный эпитет широко применяется по отношению к Волге в чувашском фольклоре [5].

Однако все перечисленные версии могут рассматриваться лишь как вторичные этимологизации гидронима в различных тюркских этноязыковых средах, но к какому же языку восходит название «Итиль» и какова была его исходная семантика?

Основная часть

Учитывая время и обстоятельства появления гидронима на страницах источников, можно предположить, что его возникновение было связано с резкой сменой в эпоху великого переселения народов иранского населения на берегах Волги (в среде которого бытовало прежнее, упомянутое у Птолемея, название реки – Ра) неиранским, которое и дало реке новое название. Такая резкая смена населения произошла именно в Нижнем Поволжье, где прежняя иранская гидронимия (и сохранившаяся наряду с ней более архаичная индоиранская и древнеиндоевропейская) вообще представлена беднее, чем в Среднем Поволжье, что объясняется особенностями этноисторических процессов, происходивших в этих регионах в раннем средневековье [3]. Если в Среднем Поволжье прежнее название реки сохранилось у местных лесных племен, подтверждение чему мы имеем в мордовском названии Волги «Рав/Рава/Раво», то в Нижнем Поволжье топонимическая преемственность в раннем средневековье была нарушена. Согласно современным этноисторическим концепциям, в первую очередь это было связано с приходом в низовья Волги гуннов.

Здесь необходимо отметить, что в зарубежной историографии популярна точка зрения о нетюркской принадлежности языка гуннов, равно как и нетюркском происхождении гидронима «Итиль/Атыл». Впрочем, с недавнего времени подобное мнение стало популярным и у ряда отечественных исследователей, например в работе С.Г. Боталова «Язык и имена гуннов» [4]. Если нетюркское происхождение гидронима мы считаем весьма вероятным, то вопрос о языке гуннов, как представляется, не может решаться столь однозначно.

Наиболее последовательно версия о нетюркском происхождении гидронима «Итиль» сформулирована у Г. Шрамма и Я. Харматты [16]. Так, Г. Шрамм полагает, что данный гидроним был заимствован тюрками в низовьях реки у какого-то нетюркского населения. По его мнению, таким населением могли быть гунны, язык которых также рассматривается им как нетюркский. Со своей стороны отметим, что тюркоязычность гуннов не только достаточно удачно вписывается в лингвистические схемы – что в языкознании, вообще говоря, бывает нечасто – но и те немногие материалы, которые дошли до нас от языка гуннов, не дают оснований сомневаться в их тюркоязычности. Время исхода гуннов (хунну/сюнну) от границ Китая на запад и отделение их от остального тюркского массива достаточно точно совпадает с данными глоттохронологии о разделении тюркских языков на западную и восточную ветви [2]. При этом последовательная цепочка *гуннский язык – хазарский и болгарский языки (возможно, единый язык) – чувашский язык* также представляется обоснованной.

Материалы по гуннскому языку, дошедшие до нас, оказались очень неоднородны, причем дело здесь не только в неточной фонетической передаче гуннских слов греческими и латинскими авторами, но и в явном включении в «гуннский словарь» заведомо негуннских лексем, как то было у Приска Панийского или Иордана, относивших к гуннскому лексикону, например, слова «страва» и «мед» [6], [11]. Если же

исключить эти явные негуннские элементы, то под вопросом остаются всего несколько слов, такие, как, например, личное имя гуннского вождя *Ругиласа (Poa)*, так как начальная фонема «р» для исконно тюркских слов нетипична. Однако известно, что антропонимы зачастую могут быть заимствованными. Здесь кроме прочего могла произойти смысловая ономастическая подмена: на место личных имен античные авторы поставили два различных названия Волги: *Ра (Poa)* и *Атыл (Аттила)*. Сравните в этой связи названия двух крупных мажарских рек у ал-Марвази – *Рута* и *Атил*, которые также могут являться вариантами наименования Волги.

Таким образом, полагаем, что на данном этапе нецелесообразно пересматривать устоявшуюся в отечественном языкознании и наиболее аргументированную точку зрения о гуннском языке как тюркском языке огузской подгруппы, предком для болгарской группы языков. При этом очевидно, что гунны, путь которых от границ Китая до низовьев Волги растянулся на тысячи километров и несколько веков, выбрали и адаптировали на этом пути значительное количество изначально нетюркских элементов. Этот процесс не мог не отразиться на языке самих гуннов, который при этом, по-видимому, все же оставался тюркским.

Если же считать, что гидроним «Итиль/Атыл» был гуннами заимствован, то источником заимствования, согласно современным этноисторическим концепциям, могла быть только угорская этноязыковая среда.

Так, из источников известно, что венгры называли Волгу «Атель/Этель». Сравните, например, у того же ал-Марвази: «...и там две реки, которые впадают в море. Одна из них больше Джайхуна. Там живут мажары, между этими двумя реками. Названия этих рек – Рута и Атил» [8, с. 133]. О реке с названием «Этул» в Восточной Европе писал и венгерский хронист Шимон из Кезы, понимая под этим именем Дон или Волгу. Также известен венгерский термин «Ателькуза» (*Etelköz*) для обозначения первоначальных территорий расселения угро-мажар до проникновения их в Паннонию.

Долгое время гидроним рассматривался в венгерском языке в общей группе чувашизмов-булгаризмов, которых в нем различные исследователи насчитывают от нескольких сотен до полутора тысяч (наиболее взвешенной представляется оценка примерно в 900 заимствованных в венгерский язык болгарских слов). Ответить на этот вопрос однозначно затруднительно, так как в угорских языках также есть подходящие семантически соответствия для рассматриваемого гидронима. Так, Э.Р. Тенишев указывает мансийский термин «eetl» – «морская вода» (угро-мажарская форма гидронима «Этел» ближе всего к этому термину, также надо отметить и нередко фигурирующую в арабо-персидских сочинениях форму «Атл» – например, у Гардизи). И хотя сам исследователь предполагает в данном случае заимствование из тюркских языков (в частности, из башкирского, хотя фонетически это затруднительно – см. работы А.А. Камалова), достоверно это не доказано. Учитывая же современные этноисторические концепции, угорское присутствие в Среднем Поволжье фиксируется на полтора – два века раньше, чем проникновение сюда первых тюркоязычных кочевников [14].

Наконец, веским аргументом в пользу нетюркского происхождения гидронима является свидетельство Феофилакты Симокатты о том, что реку «Тиль» «тюрки называют Черной» [13]. Здесь, разумеется, необходимо принимать во внимание то об-

стоятельство, что во времена Феофилакта Симокатты под тюрками понимались не все тюркоязычные народы, а лишь представители племени, из которого выделился род Ашина, правящий в Тюркском каганате (иногда именуется «тюркютами», по предложению Л.Н. Гумилева). Наиболее широкая трактовка термина при этом, надо полагать, могла распространяться на входившие в каганат тюркские народы, не распространяясь при этом ни на гуннов, ни на болгар, которых тюрками не считал и писавший в XI веке Махмуд Кашгарский [1]. Тем не менее, данный факт говорит о том, что для каганатских тюрков, из среды которых впоследствии вышли носители огузских и кыпчакских тюркских языков, название «Итиль/Атыл» было чужим. Почему эти тюркские народы именовали Волгу именно «Черной рекой», в источниках не объясняется. Можно предположить, исходя из распространенных в арабо-персидской историко-географической литературе концепций, что тюрки воспринимали Волгу как продолжение не только Камы, но и Иртыша. Сама эта традиция, очевидно, у персов восходит к географическим представлениям авторов «Авесты» и более ранним временам, а арабами заимствована, скорее всего, уже от персов. Кроме того, кочевые народы Евразии – индоиранцы, иранцы, тюрки – на протяжении тысячелетий являлись носителями данных представлений (возможно, с небольшими вариациями). В тюркских языках Средней Азии верховья Иртыша и сегодня называются «Кара Ирчис», то есть «Черный Иртыш». Учитывая, что сам гидроним *Иртыш*, по всей вероятности, нетюркский, можно полагать, что данная река у древних тюрков носила название «Черной» (то есть питающейся по преимуществу подземными, родниковыми водами), что и было вследствие устоявшейся традиции перенесено на Волгу, которую древние тюрки считали нижним течением реки. Угры Иртыш именовали иначе и в силу лучшего знакомства с бассейнами Иртыша и Камы угорских народов с верховьями Волги его не связывали. Так, ханты именуют Иртыш *Тангат* или *Лангал*, манси – *Йани Ас*, очевидно связывая с Обью [10].

Вопрос о том, к какой из двух возможных исторически обоснованных этноязыковых сред может восходить данный гидроним – тюрко-огурской или угорской, – пока остается открытым.

Выводы

Как нам представляется, на данном этапе исследований несколько предпочтительнее выглядит все же угорская гипотеза, поскольку, во-первых, установлено, что угры вышли к берегам Волги раньше тюрков [14]; во-вторых, по крайней мере в VI столетии тюрки именовали реку «Тил/Тиль» «Черной», то есть данный гидроним был для них чуждым; в-третьих, угорский гидронимический концепт в гораздо большей степени предполагает возникновение в Нижнем Поволжье для Волги нового наименования, чем тюркский, согласно которому Волга являлась продолжением Иртыша и Камы.

Возвращаясь же к вопросу о языке гуннов и проникновению к ним рассматриваемого гидронима, отметим, что нам представляется вполне вероятностно-приемлемым вариант, при котором тюркоязычные гунны вобрали в себя угорские элементы в Приуралье и Нижнем Поволжье, а от них заимствовали и гидроним.

Литература

1. Ауэзова З-А. М. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Тюрк. Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 2010. 246 с.
3. Беленов Н.В. Архаичная индоевропейская гидронимия в Среднем Поволжье // Материалы XV международной научной конференции «Ономастика Поволжья». 2016. Арзамас-Саров: Интерконтакт. С. 188–191.
4. Боталов С.Г. Язык и имена гуннов. Относительно одного устоявшегося стереотипа о тюркоязычности гуннов // Челябинский гуманитарий. 2010. №3. С. 122–130.
5. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки). Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1959. 408 с.
6. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. 334 с.
7. Камалов А.А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа: Китап, 1997. 384 с.
8. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Харьковский государственный университет, 1956. 343 с.
9. Напольских В.В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. 2018. №1. С. 7–29.
10. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. Москва: Мысль, 1966. 514 с.
11. Приск Панийский. Готская история // Вестник древней истории. 1948. №4. С. 244–267.
12. Рекеев А.В. Из чувашских преданий и верований. Казань, 1897. 25 с.
13. Феофилакт Симокатта. История. М.: Арктос, 1996. 272 с.
14. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. 296 с.
15. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1979. 216 с.
16. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. М.: Eastern Communications, 1997. 196 с.

References

1. Auezova Z-A. M. *Makhmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Tiurk* [M. Mahmud al-Kashgari. *Sofa Lugat at-Türk*]. Alma-Ata, 2005. 1288 p.
2. Baskakov N.A. *Tiurkskie iazyki* [Turkic languages]. Moscow, 2010. 246 p.
3. Belenov N.V. Arkhaichnaia indoevropskaia gidronimiia v Srednem Povolzh'e [Archaic Indo-European hydronyms in the middle Volga region]. *Materialy XV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Onomastika Povolzh'ia* [Proceedings of the XV international scientific conference. Onomastics of the Volga region], 2016, Arzamas-Sarov, pp. 188–191.
4. Botalov S.G. Iazyk i imena gunnov. Otnositel'no odnogo ustoiavshegosia stereotipa o tiurkoiazыchnosti gunnov [The language and names of the Huns. Regarding one well-established stereotype about the Turkic language of the Huns]. *Cheliabinskii gumanitarii* [Chelyabinsk humanitarian], 2010, no. 3, pp. 122–130.
5. Denisov P.V. *Religioznye verovaniia chuvash (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [The religious beliefs of the Chuvash (Historical and ethnographic essays)]. Cheboksary, 1959. 408 p.
6. Iordan. *O proiskhozhdenii i deianiiakh getov* [The origin and deeds of the Geths]. St Petersburg, 1997. 334 p.
7. Kamalov A.A. *Bashkirskie geograficheskie terminy i toponimiia* [Bashkir geographical terminology and toponymy]. Ufa, 1997. 384 p.
8. Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The book of Ahmed Ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921–922]. Kharkiv, 1956. 343 p.

9. Napol'skikh V.V. Etnolingvisticheskaia situatsiia v lesnoi zone Vostochnoi Evropy v pervye veka nashei ery i dannye "Getike" Iordana [The ethnolinguistic situation in the forest zone of Eastern Europe in the first century a.d., and the data of "Getike" Jordan]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics], 2018, no. 1, pp. 7–29.

10. Nikonov V.A. *Kratkii toponimicheskii slovar'* [Short toponymic dictionary]. Moscow, 1966. 514 p.

11. Prisk Paniiskii. Gotskaia istoriia [Gothic history]. *Vestnik drevnej istorii* [Herald of Ancient History], 1948, no. 4, pp. 244–267.

12. Rekeev A.V. *Iz chuvashskikh predanii i verovanii* [From Chuvash legends and beliefs]. Kazan, 1897. 25 p.

13. Feofilakt Simokatta. *Istoriia* [History]. Moscow, 1996. 272 p.

14. Fedorov Ia.A., Fedorov G.S. *Rannie tiurki na Severnom Kavkaze* [Early Turks in the North Caucasus]. Moscow, 1978. 296 p.

15. Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: "Khronografii" Feofana, "Breviarii" Nikifora* [Byzantine historical works: "Chronographia" of Theophanes, the "Breviary" of Nicephorus]. Moscow, 1979. 216 p.

16. Shramm G. *Reki Severnogo Prichernomor'ia* [Rivers Of The Northern Black Sea]. Moscow, 1997. 196 p.

Для цитирования: Беленов Н.В. К вопросу о тюрко-монгольском названии реки Волги // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 44–50. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-5

For citation: Belenov N.V. The problem of the turko-mongol name of the river Volga. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 44–50. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-5

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-6
УДК 81.42

© Волкова Т.Ф., 2018

Волкова Татьяна Федоровна

Доктор филологических наук, доцент,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)
E-mail: volkovatf777@gmail.com

Volkova Tatyana Fedorovna

Doctor of Philology Sciences,
Associate Professor,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
(Syktyvkar, Russia)
E-mail: volkovatf777@gmail.com

**РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ И
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ВАРИАНТОВ В УСТАНОВЛЕНИИ
РЕДАКЦИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ
СОЧИНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕЧОРСКИХ СПИСКОВ
«ПОВЕСТИ О КУПЦЕ,
ОБОГАТИВШЕМСЯ УТВАРИЮ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»)**

**THE ROLE OF LEXICAL AND
PHRASEOLOGICAL VARIANTS IN
THE ESTABLISHMENT OF
EDITORIALS OF THE ANCIENT
COMPOSITIONS (ON THE
MATERIAL OF THE PECHORISTIC
LISTS "TO REMEMBER ABOUT THE
MERCHANT, ENRICHED WITH THE
UTENSILS OF THE BLESSED
VIRGIN")**

Аннотация. В статье путем анализа лексических и фразеологических разночтений показывается их роль в создании новых редакций и вариантов древнерусских сочинений, переосмысленных в старообрядческой среде XIX в. Эти приемы редакторской работы анализируются на материале вводимой в научный оборот ранее не исследованной переработки печорским книжником второй половины XIX в. Иваном Степановичем Мяндиным древнерусской «Повести о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы», дошедшей в двух разных вариантах. Автор проводит текстологическое исследование мяндинских списков Повести в сопоставлении со списком XVII в. и устанавливает, с одной стороны, текстуальную связь между ранним списком повести и печорскими списками XIX в., с другой стороны, выявляет их различия, позволяющие охарактеризовать редакторскую работу крестьянина-устыцилема.

Abstract. In the article, by analyzing lexical and phraseological discrepancies one reveals their role in the creation of new editions and versions of ancient Russian works, rethought in the Old Believer environment of the 19th century. These methods of editorial work are shown on the material of the introduced into scientific circulation Old Russian revision, made by the Pechora scribe Ivan Stepanovich Myandin (the second half of the nineteenth century) "Tale of a Merchant, Enriched with the Utensils of the Blessed Virgin". This tale which is extant in two different versions and has not been studied yet. The author carries out a textual study of the Myandinian lists of the Tale in comparison with the list of the 17th century and makes, on the one hand, a textual connection between the early list of the story and the Pechora lists of the 19th century, on the other hand, reveals their differences, which gives the possibility to characterize the editorial work of the peasant Ustsilem.

Ключевые слова: лексика, фразеология, текстология, древнерусская литература,

Keywords: vocabulary, phraseology, textology, Old Russian literature, Old Believers

Введение

Для текстологических исследований средневековых повествовательных произведений важнейшее значение приобретают лексические и фразеологические разночтения списков. Они позволяют охарактеризовать стиль писца, уточнить его представления о развитии сюжета, выявить изменения в образе героя повествования и в конечном счете установить факт создания данным писцом новой редакции или варианта исследуемого произведения. Покажем значение исследования лексических и фразеологических вариантов в поздней старообрядческой литературе, часто обращавшейся к древнерусским сочинениям, по-своему их интерпретируя. К числу таких сочинений, ставших материалом для старообрядческих книжников, относится и древнерусская «Повесть о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы». Она стоит в ряду практически не исследованных памятников древнерусской литературы. Нам пока известен только один ранний список Повести, опубликованный в «Памятниках», издаваемых Г. Кушелевым-Безбородко [8]. Список озаглавлен «Слово о некоем купце» и сопровождается краткими комментариями издателя, в которых он указывает, что Повесть находится в сборнике XVII в., который был «доставлен гжею Савушкиной», но откуда он был привезен, не сообщается. Однако издатель высказывает предположение о происхождении легенды, ссылаясь на текст Повести: «Плачь, вместо плачь, особенность новгородского наречия, в котором ч заменяет ц. Вместе с этим признаки характера торгового быта этой легенды также заставляют предполагать, не сложилась ли она в Великом Новгороде? Особенности языка и склада показывают, что она старинного происхождения» [8, с. 134]. В дальнейшем этот ранний список Повести мы будем условно обозначать как список К.

Во второй половине XIX в. Повесть привлекла внимание известного печорского книжника-старообрядца Ивана Степановича Мяндина (см. о нем: [10], [6]), который неоднократно редактировал древнерусские литературные тексты, создавая свои редакции этих произведений [3]. Сохранилось два списка Повести, переписанные легко узнаваемым почерком Мяндина и входящие в известные сборники его переработок. Один из списков находится в составе сборника РНБ, НСРК О. 100 (л. 71–74) из собрания проф. М.А. Яковлева, который получил ее от В.И. Малышева для работы со студентами [9, с. 39, сн. 1] (см. о рукописи: [5, с. 208–209]), и имеет заглавие «Повесть о некоем милостивом купце, како обнища и помощью пресвятыя Богородицы паки обогате» (далее – список Як).

Другой мяндинский список Повести о купце находится в сборнике, сейчас хранящемся в Научной библиотеке Сыктывкарского университета им. Питирима Сорокина (Усть-Цилемское собр. рукописей, № 46 (л. 331 об. 333)). О происхождении сборника и его составе см.: [4, с. 208–209]. По жанру сборник можно отнести к Торжественникам [15], хотя Мяндин соединил в нем тексты, читающиеся в разных видах Торжественника, и добавил в него целый ряд нетрадиционных для этого типа книги литературных текстов, причем в собственной редакции [2, с. 412–419]. В этом списке Повесть имеет иное название – «Чудо пресвятыя Богородицы о купце, како

обнищавшу ему, обогатися утварию пресвятыя Богородицы». Непосредственный источник Мяндина пока не установлен. Возможно, при изучении северно-русских рукописных сборников из разных регионов найдутся и другие списки этой повести, текст которых окажется близок тексту мяндинских списков. Пока же при характеристике мяндинских списков Повести мы можем сопоставлять их только с опубликованным списком XVII в., с текстом которого, как будет показано ниже, в списках Мяндина много дословных совпадений.

Изучением Повести о купце я начала заниматься еще в 2006 г. вместе со своей ученицей Л.Л. Малышевой, защитившей в 2011 г. дипломную работу «Образ купца в средневековой русской литературе и печорской рукописной традиции», однако результаты этого исследования до сих пор не были введены в научный оборот, так как приведенные в нем наблюдения о соотношении списков Повести нуждались в корректировке и углублении. Вернувшись к этой теме, я заново провела текстологический анализ всех списков Повести, результаты которого предлагаю в данной статье.

Основная часть

Исследуемая нами Повесть относится к жанру чудес от богородичных икон, представляющему собой особую разновидность агиографических сочинений [11], достаточно широко представленную в печорской рукописной традиции (см., например: [7], [12], [13]). Фабула повести такова: некий богатый купец, разорившись, стал молиться перед иконой Богородицы о том, чтобы она отдала ему на время свою богатую «утварь» – убранство иконы, чтобы он мог с его помощью поправить свои торговые дела. Богородица услышала мольбу купца, и однажды он нашел в церкви ее «утварь» отделившейся от иконы. Купец забрал богатое убранство иконы и отправился на «гостьбу». Ему удалось снова разбогатеть, поэтому он смог вернуть иконе Богородицы ее «утварь» и поделиться своим богатством со служителями церкви и нищими.

Сопоставительный анализ трех списков Повести показал, что эта фабула сохраняется в обеих мяндинских версиях Повести, однако на уровне сюжета в них произошли под пером печорского книжника определенные изменения, связанные главным образом с лексической разработкой темы Мяндиным, что будет показано ниже. Наши наблюдения над текстами трех списков сводятся к следующему.

Во-первых, связь печорских списков Повести XIX в. со списком XVII в. прослеживается не только на уровне фабулы: целый ряд фрагментов текста и отдельные чтения во всех трех списках совпадают дословно, иногда с небольшими орфографическими вариантами, например:

К	Т	Як
<p>Бѣ нѣкий челоувѣкъ купецъ христолюбивъ и милостивъ до нищихъ. Куплю дѣя, раздѣляше на три части: едину нищимъ, а вѣторую на пищу себѣ, а третюю на куплю</p>	<p>Бѣ нѣкий купецъ христолюбивъ и милостивъ к нищимъ. Куплю свою раздѣляше на три части: едину нищимъ и страннымъ, другую же на пищу дому своему, третюю на куплю</p>	<p>Бѣ нѣкий купѣць в нѣкомъ градѣ, христолюбивъ и многомилостивъ к нищимъ. Куплю раздѣляше на три части: едину нищимъ, вѣторую на пищу себѣ, а третюю на куплю</p>

Сходно во всех трех списках и описание богатого убранства иконы:

К	Т	Як
<p>Бяше бо икона святая Богородица украшена всякою <i>тварью</i>: златомъ и серебромъ, и каменимъ драгимъ (...)</p>	<p>Бяше бо икона пресвятая Богородицы украшена всякою утварию: златомъ и серебромъ, и каменимъ драгимъ (...)</p>	<p>Бъ же ту икона пресвятая Богородица украшена всякою утварию: златом и серебром, и камением драгим (...).</p>

Есть такие дословные совпадения во всех трех списках Повести и в других фрагментах, хотя к концу Повести их становится меньше. В целом же текст мяндинских списков существенно отличается от текста списка К, при этом целый ряд чтений объединяет только мяндинские списки и свидетельствует о том, что эти списки сходны не только почерком, а принадлежат руке одного редактора.

Текстовые совпадения списков Т и Як, отличные от К, многочисленны, но выявляются только после тщательного их сопоставления, так как они окружены в тексте мяндинских списков, с одной стороны, чтениями, восходящими к архетипу Повести и потому сходными во всех трех списках, с другой стороны, оригинальными чтениями печорских списков, присущими только одному из них. Приведу примеры таких общих чтений Т и Як.

Мянин последовательно в обоих списках именуется Богородицу «пресвятой», тогда как в списке К она всегда «святая»; в обоих списках прослеживается другой, чем в К, порядок слов («о своихъ грѣсѣхъ» (Т и Як) – «о грѣсѣхъ своихъ» (К)); Мянин использует наименование служителей церкви «церковницы» (в К – абстрагированное «нѣдии»); почти дословно в печорских списках совпадают фразы и отдельные словосочетания: «яко уже три дни погипе (...) утварь» (Т); «яко три дни погипе утварь» (Як) – ср. в К: «погибшую утварь на иконѣ 3 дни»; «...моляхся (...), еже бы вдати мнѣ утварь» (Т) – «моляся (...), еже дати ми утварь» (Як); ср. в К, где обращение купца к иконе Богородицы дано в форме прямой речи: «Пречистая! Дай же ми утварь...»; «И во единъ день внидохъ по обычаю и начахъ молитися (Т); «... во единъ день пришедшу в церковь по обычаю» (Як); ср. в К: «Во единъ же день внидохъ в церковь на заутреню»; «Се же слышавше церковницы, дивишася, яко **чрезъ** все **годищное время ...**» (Т); «Се же слышавше вси, дивишася, како **чрезъ годищное время...**» (Як); ср. в К: «И се слышавше, удивишася вси и прославиша ... Богородицю»; «... и обрѣтохъ утварь, лежащу саму о себѣ **пред иконою** ея (Т); «... и абие узрѣ утварь оную **пред иконою** лежащу просту» (Як); ср. в К: «... и обрѣтохъ на мѣстѣ утварь лежащу».

В большей степени явная работа печорского книжника над сюжетом Повести ощущается на текстовом уровне, и наличие в нашем распоряжении списка XVII в., текст которого, как мы показали, «просвечивает» в поздних печорских списках, позволяет охарактеризовать эту работу. Во-первых, при внимательном сравнении текстов обнаруживается разное соотношение печорских списков со списком К: в одних случаях ближе к тексту XVII в. оказывается список Т, в других – Як.

Обратимся к тем фрагментам, в которых список Т дословно совпадает с К, а второй мяндинский список – Як – дает иное чтение. Например, в эпизоде, рассказывающем о том, как купец обнаружил отделившуюся от иконы «утварь», список Т

сохраняет некоторые чтения К, отсутствующие в Як: купец кланяется иконе «с плачем» (в К – «с плацемъ»); в Т, как в К, он «узрѣ» украшения иконы, тогда как в Як он «зрить» их (те же чтения, совпадающие с К – «с плачем», «узрѣ» – сохраняются в Т и в рассказе купца служителям иконы о том, как он обрел ее «утварь»). Взяв украшения иконы, купец в Т, как и в К, идет «в домъ свой, славя святую Богородицу, помощницу печальнымъ», тогда как в Як. говорится только, что он «вземъ утварь оную и отиде». В сообщении о том, что служители церкви стали рассказывать купцу после его возвращения о пропаже «утвари» на иконе, в списке Т, как и в К, они «начаша повѣдати», а в Як – «сказаша». В обещании купца удвоить стоимость украшений иконы в Т используется то же чтение «вдвое», как и в К, тогда как в Як оно заменено синонимом «сугубо».

Вместе с тем, и в списке Як тоже есть чтения, сближающие его со списком К XVII в., отличные от Т. Например, в самом начале Повести, рассказывая о том, как купец до разорения делил свой капитал на три части, в Як, как и в К, говорится, что «вторую» часть он оставлял «на пищу **себѣ**», тогда как в Т – «другую же на пищу **дому своему**». Приведенный выше фрагмент, в котором описывается убранство иконы Богородицы, в списке Як заканчивается сходно со списком К: помимо золота, серебра и драгоценных камней икона была украшена «жемчугомъ и множествомъ утвари» (К); «жемчугом и множеством других благолѣпнѣйших украшений» (Як), тогда как в Т добавлено только «и бисеромъ». Рассказывая о том, что купец делал, получив «утварь» от иконы, список Як повторяет формулу К: «И пришедь в гостьбу» (ср. в Т: «и отиде в гозбу»), и повторяет порядок слов списка К в словосочетании «лѣто все», говоря о продолжительности торговли купца (в Т: «все лѣто»). Список Як сохраняет мотив расспрашивания разбогатевшим купцом служителей церкви об иконе, следующий за сообщением, что купец после возвращения с «гостьбы» сразу пошел в церковь поклониться иконе: «И **вопроси** вины о иконѣ» (К); «И **вопроси** о иконѣ» (Як), тогда как в Т этот мотив отсутствует и служители церкви сами, без вопросов купца, начинают рассказывать о том, что уже три дня икона висит без «утвари». Сохраняет список Як некоторые слова и словосочетания списка К – дословно или в синонимическом варианте, опущенные в Т и в рассказе купца о приобретении им иконной «утвари» и возвращении с богатством после «гостьбы»: «понежѣ быхъ **убожаль**» – К; «егда бѣхъ **в убожествѣ**» – Як (ср. в Т: «Егда азъ обнищавъ»); «И нынѣ придохъ со множествомъ богатства» (К и Як); ср. в Т: «И се точию три дни возвратихся во свой градъ».

Приведенные выше наблюдения могут быть объяснены двояко: либо Мяндин дважды обращался к одному и тому же источнику, близкому по тексту к списку К, либо в его распоряжении были два разных списка, и на одном этапе работы над текстом Повести он обращался к одному, а на другом – ко второму. Мы склонны предполагать первое, так как различия списков таковы, что наличие у печорского редактора двух разных и в то же время весьма близких по тексту списков Повести менее вероятно, чем его повторное обращение к одному и тому же источнику, тем более что такая практика отмечена исследователями на материале других переработок Мяндина.

Но в тексте мяндинских списков есть и такие фрагменты, которых вообще нет в тексте XVII в., и по своему стилю они близки к другим мяндинским переработкам. В

этих случаях мы можем говорить о художественной разработке печорским книжником ключевых эпизодов Повести. Рассмотрим те чтения мяндинских списков, которые позволяют рассматривать их как два варианта печорской редакции Повести.

Сравнительное исследование списков Т и Як привело нас к предположению, что первичным был список Т. Постараемся обосновать это анализом. Примем первичность списка Т как рабочую гипотезу и проанализируем, что в нем изменилось по сравнению со списком XVII в.

Первое, что сразу бросается в глаза, это стремление печорского книжника, которое прослеживается и в других его переработках, усилить эмоциональную сторону повествования. Данного эффекта Мяндин добивается, внося в текст в дополнение к архетипным чтениям, отразившимся в списке К, свои синонимы, подчеркивающие эмоциональное состояние героя Повести. Например, если в К упоминаются только слезы купца, когда он пришел к иконе Богородицы, то в списке Т это эмоциональное состояние героя усилено: перед иконой он **«плачяся вельми» «со многимъ сокрушением сердца»** (ср. в К: «И пришедь челоуѣкъ ко иконѣ святыя Богородица, со слезами глаголаше»). Сообщая о том, что Богородица услышала плач купца, Мяндин добавляет **«сердечный»**. Рассказывая о судьбоносном приходе купца в церковь, когда он обретает вымоленное убранство иконы, к словам, читающимся в К, «и поклонився с плацемъ», Мяндин добавляет **«и рыданиемъ»**.

В списке Т Мяндин старается усилить мотив чуда, случившегося в церкви, когда по молению купца богатое убранство иконы оказалось **«пред иконоу лежашу»** (К). Он вводит возглас, который передает отношение к случившемуся самого рассказчика: **«О чудо! Внезапу узрѣ: драгая та утварь лежаше пред иконоу сама о себѣ»**. В этой фразе каждое внесенное Мяндиным слово **«работает»** в нужном редактору направлении: **«внезапу»** драматизирует повествование, вносит мотив неожиданности в ту картину, которую **«узрѣ»** купец, напоминая о богатстве иконной **«утвари»** – **«драгая»** – подчеркивает материальную значимость дара Богородицы; замечание о том, что **«утварь»** иконы лежала **«сама о себѣ»**, подчеркивает чудесное отделение **«утвари»** от иконы: она становится как бы самостоятельным, независимым от иконы предметом. Значимость для Мяндина этого уточнения подтверждается его повторным употреблением в рассказе купца служителям церкви: **«и обрѣтохъ утварь, лежашу саму о себѣ пред иконоу ея»**.

Второе чудо, тема которого также разрабатывается Мяндиным в списке Т, – это сокрытие иконой потери своего убранства – все то время (**«все лѣто»**), что купец торговал, используя богатую **«утварь»** иконы, никто не замечал ее отсутствия на иконе, и обнаружилась ее пропажа только с возвращением купца после **«гостьбы»**. Разрабатывая тему этого второго чуда, Мяндин вводит целый фрагмент, подчеркивая удивление своего героя услышанным от служителей церкви, которые рассказали ему, что уже **«три дни» «погибе от иконы Богородицыны драгая утварь»**, хотя купец завладел ею год назад: **«Купецъ же слышавъ таковыя глаголы, и дивися в себѣ, како чрезъ годищное время не бѣ онъ, а утварь та явися тогда, когда онъ уже возвратися в домъ свой»**. Здесь выражение **«а утварь та явися»** по контексту означает, что на самом деле **«явились»** следы ее пропажи. Тексты Мяндинских переделок зачастую свидетельствуют о том, что печорский крестьянин не всегда справлялся со стилем и логикой изложения событий. Сравним мяндинское описание реакции

купца на известие о пропаже украшений иконы с соответствующим фрагментом списка К: «И начаша повѣдати по граду, кто есть возмя утварь на иконѣ», а когда купец пришел в церковь, «начаша повѣдати погибшую утварь на иконѣ 3 дни». Ни о каком удивлении купца здесь речи не идет – дальше следует рассказ купца о том, что он «взяль утварь на иконѣ, понеже быхъ убожалъ», и о всех последующих событиях. Как видим, чтобы эмоционально усилить мотив чуда, Мяндин передает чувства героя-участника событий («дивися в себѣ») и его мысли: купец недоумевает, как могло случиться, что он торговал с помощью взятой у иконы «утвари» целый год, а пропажа «утвари» «явися» только три дня назад. Это хронологическое указание Мяндин еще раз повторяет уже в рассказе купца служителям церкви: «И се **точно три дни** возвратихся во свой градъ».

Временная дистанция между получением купцом «утвари» от иконы и моментом обнаружения «церковниками» ее пропажи подчеркивается Мяндиным еще одной вставкой: говоря о времени обнаружения утраты «утвари» на иконе, Мяндин добавляет «И **по времени многомъ** внидоша церковницы в церковь...» (ср. в К: «И внидоша нѣции в церковь...»). Благодаря всем этим уточнениям и разъяснениям, внесенным печорским редактором, факт чуда – сокрытия иконой Богородицы от глаз посторонних утраты своих украшений до того момента, когда купец уже смог бы вернуть их иконе, – становится еще более очевидным.

Это второе чудо иконы Богородицы, по-видимому, показалось Мяндину более удивительным, чем первое – дарение купцу богатой утвари, так как он сделал одну перестановку, которая об этом свидетельствует: слова благодарности купца Богу и Богородице, несколько перефразированные по сравнению со списком К, он помещает сразу после вставного фрагмента об удивлении вернувшегося героя, что его «воровство» иконной утвари из церкви (а именно так оно могло бы выглядеть, если бы сразу обнаружилась пропажа) икона сокрыла до его возвращения с наторгованным богатством. «И **тогда**, – читаем мы в списке Т, – купецъ нача благодарити Бога и пречистую Богородицу». В списке К трактовка благодарности купца Богородице иная: «И по **лѣтъ** возвратися в домъ свой со многомъ богатствомъ, славяще святую Богородицу». Таким образом, прославление Богородицы в К связывается с обретением купцом богатства благодаря помощи Богородицы, что вполне вписывается в развитие сюжета, но, усилив мотив второго чуда от иконы, печорский книжник связал именно с ним благодарность купца его покровительнице.

Такое заострение сюжета в версии Мяндина на чудесной стороне описываемых в повести событий поддерживается и ее заглавием в этом списке – «**Чудо** пресвятыя Богородицы о купцѣ, како обнищавшу ему, обогатися утварию пресвятыя Богородицы». Как мы сообщили в начале статьи, два других списка Повести дают ей иные жанровые обозначения – «Слово» (К) и «Повесть» (Як).

В списке Т можно проследить и целый ряд мелких дополнений уточняющего и мотивирующего характера, которые отсутствуют в раннем списке К: ускоряется действие («И **абие** поять ю («утварь») ... – Т; «И возмя... – К); одно событие связывается с другим лексической связкой («И **оттолѣ** начать куплю дѣяти» – Т; «И пришед в гостьбу, начать куплю дѣяти» – К); уточняется объект рассказа («повѣдати **ему**» – Т; «начаша повѣдати» – К). Уточнения Т иногда носят и более развернутый характер:

К	Т
И то слышавъ купецъ онъ и прииде в церковь...	Слышавъ же купецъ той, яко утварь ту испытуютъ по всему граду, и прииде в церковь, поклонися пред иконою пресвятыя Богородицы.

Таковы особенности мяндинского списка Повести из Торжественника. Что же представляет собой другой печорский список и почему он показался нам вторичным? Главное основание для такой гипотезы – стиль Повести в этом списке. Как и во многих других переработках Мяндина, он отражает новую (часто третью) стадию освоения печорским книжником древнерусского сюжета. Алгоритм редакторской работы Мяндина при создании нескольких списков древнерусских повестей был выявлен Е.К. Ромодановской на материале исследованной ею мяндинской переработки Повести о гордом царе Аггее [14, с. 220–225]. Он состоял в том, что первый вариант переработки обычно был близок к тексту источника и редакторская работа в основном ощущалась в тех эпизодах, которые были близки крестьянскому опыту редактора; на второй стадии Мяндин работал главным образом над стилем, устраняя погрешности и неточности первого варианта, а в третьем списке читателю предлагался уже достаточно свободный пересказ сюжета, как правило языком самого Мяндина, соединявшего фрагменты древнерусского текста с собственными высказываниями, в которых ощущается язык крестьянина XIX в., а также обнаруживаются характерные для крестьян-устыцилемов (к которым принадлежал и Мяндин) нарушения синтаксических конструкций, ошибки в падежах. Если применить этот «алгоритм» к переработке Повести о купце, то списки Т и Як будут соответствовать второй (Т) и третьей (Як) стадиям обычной редакторской работы Мяндина. Возможно, существовал еще один список Мяндина, возникший в начале его работы над сюжетом понравившейся повести, но он до нас не дошел. Приведем примеры дальнейшей переработки Мяндиным текста в списке Як.

Как и в списке Т, во втором списке Мяндина сохранились рудименты архетипного текста Повести, дословно совпадающие во всех трех списках. Я привела выше и случаи, когда Мяндин снова обращался к тексту своего источника, но выбирал из него другие, чем в списке Т, фрагменты текста. Сохранил он и многие чтения списка Т, что тоже мы показали выше. Но в списке Як есть целые фрагменты другого, чем в К и Т, текста и многочисленные отдельные оригинальные чтения. Так, рассказывая о молитве купца в церкви перед иконой Богородицы, повлекшей чудесное обретение им «утвари» от иконы, Мяндин, используя некоторые архетипные чтения источника, дополняет их уточняющими выражениями, не совпадающими с первым его списком Т: «Единою же пришед человекъ той в церковь и **па[д] пред иконою** пресвятыя Богородицы и рече со **многими** слезами...» (Як; ср. в К: «И пришедъ человекъ ко иконѣ святыя Богородица, *со слезами* глаголаше...»; в Т: «Той же человекъ *плачяся вельми* пред иконою...»). Таким же образом обработан в Як и фрагмент об отклике Богородицы на молитвы купца: «**Всемиловитая же небесная царица и госпожа пречистая** Богородица услыша **теплыя молитвы человека онаго сицевым образом**» (ср. в К: «И услыша плаць его Богородица»; в Т: «Пресвятая же Богородица услыша его плачь сердечный»). Увидев лежащие пред иконой ее богатые украшения, в Як «человекъ же онъ **возрадовася радостию, паче же и надежду велию обь-**

емся, возьмь утварь оную и отиде» (ср. в К: «И возмя, идяше в домъ свой, радуясь...»; в Т: «И абие поять ю с радостию и иде в домъ свой ...»). Во всех приведенных примерах в списке Як Мяндин лишь отталкивается от текста своих источников (какого-то раннего списка, близкого к К, и своего первого списка Т), вводя новые слова и выражения: так, он в наименовании Богородицы увеличивает число традиционных ее наименований: «всемиловитая», «небесная царица», «госпожа», «пречистая»; вносит в описание зримые подробности: купец, придя в церковь, падает пред иконой, уходя из церкви с «утварью» иконы, он не только «возрадовася радостию», но и «недеждею велиею объемся». Весьма характерна и замена в списке Як в сообщении о том, что «церковницы» «начаша заповѣдывати по всему граду» о пропаже убранства иконы, глагола «взял» («возмя» в К; «взя» в Т) на **«украде»**, передающая осмысление Мяндиным на этой стадии работы описываемого происшествия: «И начаша заповѣдывати по всему граду, кто есть **украде** утварь оную». Передавая содержание рассказа служителей церкви пришедшему в нее купцу, Мяндин в списке Як прибавляет к тексту списка Т («яко уже три дни погибе от иконы ... утварь») слова о неведении «церковников», куда она подевалась: **«и не вѣмы, кто оную взя»**. Все эти изменения, внесенные в список Як, создают впечатление вторичности этого списка, в котором Мяндин пытался заново передать более простым языком и с большими деталями сюжет Повести.

Однако, по-видимому, эта работа над текстом Повести в списке Як не была доведена печорским редактором до конца: список Як заканчивается текстом, который не стыкуется с предшествующим, хотя по содержанию он вполне мог быть последней фразой Повести в этом списке, так как в нем речь идет о главной ее героине – Богородице, хотя имя ее не названо ни в этом тексте, ни в предшествующем: «Еи же молитвами вси избавимся от мук ...». Этот текст следует сразу за фрагментом, упоминающим, как и в Т, об удивлении присутствующих в церкви рассказом купца о приобретении им спасительного для него убранства иконы и его годичной торговле в другом месте: «Се же слышавше вси, дивишася, како чрез годищное время не яви никому о погибшей утвари, но по возвращении из гозбы». Обе приведенные фразы списка Як производят впечатление недоработанных, это как бы заготовки для дальнейшей работы. Формируя финальную часть Повести в списке Як, Мяндин явно ориентировался не на свой предшествующий список, хотя взял именно из него выражение «чрез годищное время», а на последовательность эпизодов в другом своем источнике: в К Повесть заканчивается также мотивом удивления присутствующих в церкви рассказом купца, за которым следует этикетное сообщение о прославлении Богородицы («И се слышавше, удивишася вси, и прославиша святую владычицу нашу Богородицу»). В Т после упоминания о том, что «церковницы дивишася», следует рассказ об украшении купцом иконы новой утварью, «еще драгоцѣннѣе» прежней, и о раздаче нажитого богатства «церковникомъ и нищимъ».

Выводы

Таким образом, сопоставление двух мяндинских списков Повести о купце со списком XVII в. позволяет увидеть в них два варианта созданной Мяндиным редакции этой повести и выявляет сложную работу печорского книжника над текстом своих источников, которая проявилась в монтировании текста, соединении в нем

своей лексики и фразеологии с чужим текстом, почерпнутым из его источника, в использовании на второй стадии работы как своего предшествующего списка, так и списка нам пока не известного источника, близкого к опубликованному тексту XVII в. Исследование новой переработки талантливого печорского редактора расширяет наши представления о методах его редакторской работы, в которой важную роль играли вводимые им синонимические варианты к лексике его источника, вводимые им фразеологические обороты, позволяющие несколько иначе передать чудесный характер описываемых событий, лучше передать эмоциональное состояние героя. Текст обоих мяндинских списков Повести мы предполагаем опубликовать в ближайшее время в Вестнике гуманитарного факультета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Литература

1. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, 2005.
2. Волкова Т.Ф. Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Торжественника. (К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 411–421.
3. Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839–890.
4. Волкова Т.Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина. («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2003. С. 163–170.
5. Волкова Т.Ф. Рукописные сборники печорского книжника И.С. Мяндина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Вып. 8: Филология. С. 201–215.
6. Волкова Т.Ф. Усть-цилемский книжник И.С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия // Первые мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2009. С. 52–66.
7. Волкова Т.Ф. , Носова О.С. Печорские списки «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Великий Новгород, 2010. С. 274–288.
8. Легенда о купце // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860–1862. Вып. 1. С. 131–134.
9. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.
10. Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность. Л., 1985. С. 323–337.
11. Нечаева Т.В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 103–123.
12. Носова О.С. Сказания об Иверской иконе Богоматери в составе печорских рукописных сборников // Первые Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2009. С. 81–100.
13. Носова-Ермолина О.С. «Повесть об огненной туче» (из Жития Прокопия Устюжского) в печорской рукописно-книжной традиции // Вторые Мяндинские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 114–121.
14. Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск: Наука, 1985.

15. Черторицкая Т.В. Торжественник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. С. 432–435.

References

1. Volkova T.F. *Drevnerusskaja literatura v krugu chtenija pechorskih krest'jan. Pechorskie redakcii drevnerusskih povestej* [Old Russian literature in the circle of Pechora peasants' reading. Pechora Editions of Old Russian Narratives]. Syktyvkar, 2005. 306 p.
2. Volkova T.F. Zhitie Kirilla Belozerskogo v sostave Ust'-Cilemskogo Torzhestvennika (K voprosu o rukopisnom nasledii pechorskogo knizhnika I.S. Myandina) [The Life of Kirill Belozersky in the composition Ust'Tsilma Torzhestvennika (the question of the manuscript heritage Pechora scribe I.S. Myandin)]. *Knizhnye centry Drevnej Rusi. Kirillo-Belozerskij monastyr'* [Book centers of Ancient Russia. Kirillo-Belozersky monastery]. St Petersburg, 2008, pp. 411–421.
3. Volkova T.F. Ivan Stepanovich Myandin – redaktor drevnerusskih povestej (Nekotorye itogi izucheniya literaturnogo nasledija pechorskogo knizhnika) [Ivan Stepanovich Myandin – editor of Old Russian stories (Some results of studying the literary heritage of the Pechora scribe)]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St Petersburg, 2006, vol. 57, pp. 839–890.
4. Volkova T.F. K voprosu o rukopisnom nasledii pechorskogo knizhnika I.S. Myandina («Torzhestvennik» iz sobraniya E.I. Toropovoj) [On the issue of the handwritten heritage of the Pechora scribe I. S. Myandin («The solemn» from the collection of E.I. Toropova)]. *Universitetskie biblioteki: proshloe, nastojashhee, budushhee* [University libraries: past, present, future]. St Petersburg, 2003, pp. 163–170.
5. Volkova T.F. Rukopisnye sborniki pechorskogo knizhnika I.S. Myandina [Hand-written collections of the Pechora scribe I.S. Myandina]. *Vestnik Novgosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series history, philology], 2011, vol. 10, pp. 201–215.
6. Volkova T.F. Ust-Tsilem scribe I.S. Myandin: results of the study of manuscript heritage [Ust-Tsilem scribe I.S. Myandin: results of the manuscript heritage study]. *Pervye myandinskie chtenija: Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [The first myandinsky readings: Materials of the republican scientific-practical conference]. Syktyvkar, 2009, pp. 52–66.
7. Volkova T.F., Nosova O.S. Pechorskie spiski o bitve novgorodcev s suzdal'cami [Pechora lists of Legends about the battle of Novgorod and Suzdal]. *Starobrjadchestvo. Istorija. Kul'tura. Sovremennost'* [Old Believers. History. Culture. Modernity]. Velikiy Novgorod, 2010, pp. 274–288.
8. Legenda o kupce [The Legend of the Merchant]. *Pamjatniki starinnoj russkoj literatury, izdavaemye G. Kushelevym-Bezborodko*. [Monuments of ancient Russian literature, published by G. Kushelev-Bezborodko]. St Petersburg, 1860–1862, release 1, pp.131–134.
9. Malyshev V.I. *Ust'-Cilemskie rukopisnye sborniki XVI–XX vv.* [Ust-Tsilma handwritten collections of the XVI–XXth centuries]. Syktyvkar, 1960.
10. Malyshev V.I. Ust'-Cilemskij knigopisec i pisatel' XIX v. I.S. Myandin [Ust-Tsilma the scribe and writer of the XIXth century I.S. Myandin]. *Drevnerusskaja knizhnost'* [Old Russian book culture]. Leningrad, 1985, pp. 323–337.
11. Nechaeva T.V. Nabljudeniya nad zhanrovymi osobennostjami skazaniy o chudotvornyh ikonah [Observations over genre features of legends about miraculous icons]. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, 1995, vol. 8, pp. 103–123.
12. Nosova O.S. Skazaniya ob Iverskoj ikone Bogomateri v sostave pechorskih rukopisnyh sbornikov [Legends about the Iberon Icon of the Mother of God as part of the Pechora manuscript collections]. *Pervye Myandinskie chtenija*. [The first Myandin readings]. Syktyvkar, 2009, pp. 81–100.

13. Nosova-Ermolina O.S. "Povest' ob ognennoj tuche" (iz Zhitija Prokopija Ustjuzhskogo) v pechorskoj rukopisno-knizhnoj tradicii ["The Story of a Fiery Cloud" (from the Life of Prokopy Ustyuzhsky) in the Pechora Manuscript-Book Tradition]. *Vtorye Myandinskie chtenija. Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Second Myandin Readings. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Syktyvkar, 2011, vol. 1, pp. 114–121.

14. Romodanovskaja E.K. *Povesti o gordom care v rukopisnoj tradicii XVII–XIX vv.* [The story of the proud king in the manuscript tradition of the XVII–XIXth centuries]. Novosibirsk, 1985.

15. Chertorickaja T.V. Torzhestvennik [The solemnist]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia]. Leningrad, 1989, vol. 2, pp. 432–435.

Для цитирования: Волкова Т.Ф. Роль лексических и фразеологических вариантов в установлении редакций древнерусских сочинений (на материале печорских списков «Повести о купце, обогатившемся утварию Пресвятой Богородицы») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 51–62. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-6

For citation: Volkova T.F. The role of lexical and phraseological variants in the establishment of editorials of the ancient compositions (on the material of the pechoristic lists "To remember about the merchant, enriched with the utensils of the blessed virgin"). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 51–62. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-6

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-7
УДК 81.22

© Грудева Е.В., Бучилова И.А., Волкова Н.А., 2018

Грудева Елена Валерьевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: egrudeva@gmail.com

Grudeva Elena Valeryevna

Doctor of Philology, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: egrudeva@gmail.com

Бучилова Ирина Анатольевна

Кандидат психологических наук,
аспирант, Череповецкий государственный
университет (Череповец, Россия)
E-mail: ibuchilova@yandex.ru

Buchilova Irina Anatolyevna

PhD in Psychology Sciences,
post-graduate student,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: ibuchilova@yandex.ru

Волкова Наталия Александровна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: volkova35@rambler.ru

Volkova Nataliya Aleksandrovna

Doctor of Philology, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: volkova35@rambler.ru

**КОРПУСЫ ОШИБОК: ЦЕЛЕВАЯ
АУДИТОРИЯ, ВОЗМОЖНАЯ
АРХИТЕКТУРА КОРПУСА¹**

**CORPORA OF ERRORS: TARGET
AUDIENCE, A POSSIBLE
ARCHITECTURE OF THE CORPUS**

Аннотация. В статье рассматривается особый тип языковых корпусов – корпусы ошибок, которые обычно относятся к категории учебных корпусов. Представлены общие вопросы создания корпусов ошибок, дан обзор наиболее известных на сегодняшний день учебных корпусов русского языка, а также предложен проект по созданию электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области.

Abstract. In the article a special type of the linguistic corpora i.e. the corpora of errors which, as a rule, refer to the category of didactic corpora, is examined. One deals with the general questions about the creation of corpora of errors. The survey of today's most significant didactic corpora of the Russian language is given. Also the authors offer the project of forming an electronic database of speech errors made by the foreign children who study at the comprehensive schools of Cherepovets, Vologda region.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, электронная база данных, учебный корпус, корпус ошибок, дети-инофоны

Keywords: corpus Linguistics, electronic database, Learner Corpus, Corpus of Errors, foreign children

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №18-412-350003 «Создание электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области»).

Введение

В последние годы в работах лингвистов-теоретиков в истории лингвистики XX века проводится достаточно четкая демаркационная линия между лингвистикой так называемой «докорпусной» эпохи и лингвистикой эпохи создания корпусов (см.: [6], [12]).

Как известно, создание языковых корпусов было связано с появившейся возможностью использования новых – компьютерных – технологий в работе лингвиста: прежде всего языковой корпус экономит время и силы лингвиста, собирающего эмпирический материал для исследования. Корпусные технологии активно внедряются в лингвистическую практику¹, практически сразу лингвисты осознали, что самые разные типы текстов могут стать материалом для создания языковых корпусов разного типа (на данный момент в типологии корпусов выделяют корпуса диахронические и синхронические, региональные и диалектологические, газетные и публицистические, поэтические, корпуса звучащей речи, монологичные и полиязычные корпуса, корпуса параллельных текстов, корпуса разных редакций/переводов одного памятника и т.п.). Создание национального языкового корпуса в этой связи стало восприниматься как некая сверхзадача – создание универсального инструмента для всестороннего изучения того или иного национального языка.

В последние десятилетия в мировой и отечественной корпусной лингвистике активизировалась работа по созданию корпусов языковых/речевых ошибок, которые в западной традиции относятся к разряду учебных корпусов [13]. Цель данной статьи – рассмотреть общие вопросы создания корпусов ошибок (целевая аудитория, возможная архитектура корпуса), представить обзор наиболее известных на сегодняшний день учебных корпусов русского языка, а также предложить проект по созданию электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области.

Основная часть

1. Цели и задачи создания корпусов ошибок

Традиционно корпуса языковых/речевых ошибок рассматриваются в рамках учебных корпусов. Повышение интереса к созданию разного рода корпусов ошибок связано, с одной стороны, с использованием корпусных данных в образовательной деятельности. Известно, что сегодня, например, при изучении иностранного языка считается недостаточным ограничиваться только традиционными средствами обучения – словарем и грамматикой, в числе обязательного третьего средства обучения называется корпус целевого (изучаемого) языка. Работа с корпусом позволяет учащимся верифицировать лексическую и грамматическую сочетаемость слов в порожденных ими текстах, допустимость употребления той или иной языковой единицы в том или ином контексте, т.е. обращаться к корпусу с вопросами, с которыми ранее учащийся обращался к носителям изучаемого языка. Основоположник корпусной лингвистики Джон Синклер в свое время предсказывал, что «с более широким рас-

---

¹ Конечно, не все лингвистические вопросы могут быть решены путем обращения к корпусным данным. Об ограничениях в использовании корпусных данных в решении целого ряда лингвистических вопросов см., например: [4], [7], [11].

пространением корпуса носитель языка будет смещен с роли главной модели и верховного арбитра в вопросах языковой практики» [15].

С другой стороны, корпус ошибок нужен не только тем, кто изучает иностранный язык, но и тем, кто его преподает. Учителя и преподаватели иностранных языков должны быть осведомлены о сравнительной характеристике изучаемого и родного для учащегося языка, о возможной интерференции двух языковых систем (методологические основы в этой области разрабатывает контрастивная лингвистика), а также о типичных ошибках, которые допускают носители определенного языка при изучении того или иного иностранного языка. Работая с такого рода корпусом, практик-преподаватель мог бы постоянно корректировать свою педагогическую деятельность и более эффективно обучать иностранному языку.

За рубежом интерес к созданию корпусов ошибок появился в 90-е гг. XX в. Один из теоретиков этой отрасли корпусной лингвистики С. Гранже назвал появление учебных корпусов революцией в прикладной лингвистике (см. характерное название его статьи: «The learner corpus: a revolution in applied linguistics» [19]).

В последние десятилетия в отечественной лингвистике наблюдается новая волна лингвистического интереса к языковым/речевым ошибкам в теоретическом аспекте (см., например, работы А.А. Залевской, Е.В. Рахилиной). Е.В. Рахилина пионером в этой области называет А. Фрея [14] и его работу 1929 г. «Грамматика ошибок» [16]. Однако, как представляется, в отечественной теоретической лингвистике интерес к языковым/речевым ошибкам был осознан гораздо раньше. Вспомним, что именно наблюдения над речевыми ошибками-оговорками позволили И.А. Бодуэну де Куртэне обнаружить особую знаковую языковую единицу – морфему¹. Не случайно ученик И.А. Бодуэна де Куртэне по Петербургской лингвистической школе Л.В. Щерба в своей знаменитой статье 1928 г. «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», посвященной памяти учителя, вводит понятие отрицательного языкового материала и утверждает незаменимую роль отрицательного языкового материала при изучении речевой деятельности. По сути дела, изложенные в указанной статье Щербы положения послужили на долгие десятилетия программой развития нового лингвистического направления – психолингвистики. К видам отрицательного языкового материала Щерба относит афатические расстройства, ослышки, оговорки, речевые ошибки носителей языка, детскую речь, а также материал, полученный в ходе специально организованных лингвистических экспериментов с носителями языка [17].

Дополнительным стимулирующим фактором для развития грамматики ошибок и для создания языковых корпусов, в основу которых положен отрицательный языковой материал, как представляется, выступают процессы глобализации и, в связи с этим, увеличение числа поликультурных школ, в составе которых могут находиться учащиеся с разной степенью владения языком страны пребывания / языком обучения.

¹ Бодуэн де Куртэне писал, например, о замеченных им оговорках школьников при чтении басни И.А. Крылова «Ворона и лисица», типа: «Лиса вертом хвостит» вместо «Лиса хвостом вертит», где заменам подвергаются значимые части слова – корень и окончание [1, с. 124].

Так, в отечественном образовании несколько десятилетий тому назад была предпринята попытка разграничить понятия «русский язык как иностранный» и «русский язык как неродной» [8]. Сегодня многие ученые и педагоги-практики приходят к выводу, что методически особой разницы в преподавании русского языка как иностранного и русского языка как неродного нет. В то же время в некоторых вузах (например, в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена) ведется набор на разные бакалаврские образовательные программы – «Русский язык как иностранный» и «Русский язык как неродной», тем самым утверждаются существенные различия в этих смежных областях.

Специалисты в сфере корпусной лингвистики и в сфере разработки вопросов использования языковых корпусов в образовательной деятельности выявили разные группы носителей языка в зависимости от их статуса в области владения языком. Так, А. Мустайоки с соавторами предложил разграничивать следующие группы «нестандартных» носителей русского языка:

- студенты, изучающие русский язык как иностранный (РКИ),
- носители регионального русского,
- носители так называемого «эритажного», или унаследованного, русского (heritage Russian),
- дети и подростки,
- взрослые носители стандартного русского в определенных обстоятельствах [21].

В идеале должны быть созданы корпуса ошибок разных категорий «нестандартных» носителей русского языка.

2. Обзор русских корпусов ошибок

Подробный обзор наиболее известных в мировой корпусной лингвистике учебных корпусов представлен в статье Yukio Tono «Learner corpora: design, development and applications» [22]. Примечательным фактом является то, что большинство представленных учебных корпусов построены на текстах иностранцев, изучающих английский язык.

Интерес к созданию русских учебных корпусов возник относительно недавно. Лидером этого направления на данный момент является Лингвистическая лаборатория по корпусным технологиям НИУ «Высшая школа экономики».

Далее мы рассмотрим некоторые корпуса ошибок русского языка с точки зрения их состава и архитектуры.

Корпус русских учебных текстов (КРУТ, <https://ling.hse.ru/krut>) – это коллекция текстов на русском языке, в основу которой положены тексты, написанные студентами разных вузов [23]. Общий объем корпуса по сведениям, представленным на сайте http://web-corpora.net/CoRST/search/?interface_language=ru, составляет около 3,1 млн. слов. Как утверждают разработчики, тексты в корпусе прошли через метатекстовую, морфологическую разметку и разметку по ошибкам. Поиск по корпусу поэтому может быть осуществлен с учетом указанных видов разметки. На данный момент в корпусе КРУТ недоступен поиск по ошибкам, т.к. разметка по ошибкам проходит вручную и на данный момент эта работа еще не завершена.

Метатекстовая разметка включает информацию об авторе (пол, возраст, направление, в рамках которого студент получает образование, дисциплина, в рамках изу-

чения которой написан данный учебный текст, в ряде случаев указывается регион, в котором до 18 лет проживал автор, а также принадлежность (в случае таковой) к билингвам).

В жанровом отношении в корпусе представлены основные разновидности учебных студенческих текстов: курсовые работы, выпускные квалификационные работы, контрольные работы, эссе, письменные домашние задания, конспекты, рефераты и т.п.

Что касается морфологической разметки, то разработчики Корпуса русских учебных текстов использовали ту же систему тэгов, которая используется в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, www.ruscorgora.ru). Морфологическая разметка осуществлялась автоматически с помощью программы MYSTEM.

Что касается разметки по ошибкам, то, как утверждают разработчики, в корпусе будет представлена многомерная система разметки текстов по ошибкам. Планируется классифицировать тип ошибки (лексическая, грамматическая, стилистическая, дискурсивная), а также причину ошибки. В числе причин возникновения ошибок пока названы лишь две: опечатки и контаминации конструкций.

Как отмечают разработчики корпуса КРУТ, работа с ним может осуществляться для коррекции и предупреждения ошибок на занятиях со школьниками и студентами в курсах типа «Литературное редактирование», «Стилистика», на практикумах по письменной речи, а также в исследовательских целях – для изучения направления развития русского языка [13].

Русский учебный корпус RLC (<http://web-corpora.net/RLC/>) создан в 2013 г. под руководством Е.В. Рахилиной в Лингвистической лаборатории по корпусным технологиям НИУ ВШЭ. В основу корпуса положены устные и письменные тексты двух категорий носителей русского языка – иностранцев, изучающих русский язык как иностранный, и так называемых эритажных носителей русского языка. Для последней категории носителей русский язык является родным, но в силу разных причин (чаще всего – эмиграция) в качестве основного средства общения используется другой язык [2].

Метатекстовая разметка включает информацию об авторе (пол, возраст, тип носителя (эритажный/иностранец), доминантный язык, уровень владения русским языком), а также информацию о тексте (письменный/устный, жанровая принадлежность)).

В тексте размечены различные типы так называемых отклонений от стандартного русского языка.

Как отмечают разработчики RLC, «Русский учебный корпус – это ценный ресурс для исследований в области усвоения иностранных языков (Second Language Acquisition), преподавания иностранных языков (Second Language teaching), языковой интерференции, а также других лингвистических исследований.

Данные корпуса и его поисковая система предоставляют основу для сравнительного исследования текстов эритажных носителей и изучающих русский язык как иностранный. Корпус позволяет глубоко изучить такие сложные явления, как нестандартное использование русского вида, падежей, предложных конструкций, а также неверное использование слов или неверное понимание смысла в многословных конструкциях» (Использование корпуса. <http://web-corpora.net/RLC/>).

Наиболее известной базой данных детской речи, куда входят и тексты русскоязычных детей, является международная база данных детской речи CHILDEERS (Children Language Database Exchange System).

Международная база данных детской речи CHILDEERS (<http://chil-des.psy.cmu.edu>) была создана в начале 1980-х гг. американскими учеными К. Сноу и Б. Мак-Винни в Питтсбургском университете для анализа разговорной речи, спонтанной речи детей и их родителей, а также для исследования усвоения второго языка (подробнее см.: [5]). База данных CHILDEERS позволяет любому зарегистрированному пользователю разместить свои материалы по детской речи. Особенности базы данных CHILDEERS связаны с тем, что в ней собраны материалы разговорной, спонтанной речи детей. Указанная база данных является источником материала для многочисленных исследований в области освоения различных языков мира детьми с рождения.

Как видим, в мировой и российской практике наблюдается устойчивый интерес к созданию электронных баз данных, в основу которых положены тексты «нестандартных» носителей русского языка, в речи которых довольно часто встречаются отклонения от нормы. Такого рода продукты используются при решении как исследовательских, так и педагогических задач.

3. Корпус текстов и база данных: сходства и различия

Несмотря на то, что термин «база данных» имеет широкое употребление в самых разных областях, исследователи отмечают, что в настоящее время, в силу аксиоматичности этого понятия, нет единого определения данного термина (см., например, подробный анализ самых разных определений термина «база данных» в статье М.А. Мирошниченко [10]). В то же время, Мирошниченко приходит к выводу, что среди обязательных признаков базы данных следующие: «1) любая БД хранится и обрабатывается в вычислительной системе; 2) БД является сильно структурированной системой; 3) БД включает схему данных» [10, с. 87].

Попытка сравнить близкие термины, имеющие отношение к корпусной лингвистике, такие как «языковой корпус», «лингвистический корпус», «лингвистическая база данных» и другие, представлены в статье М.С. Мальцевой [9]. Любопытно, что автор находит определение языкового корпуса через понятие базы данных в работах зарубежных авторов [18], [20], ср.: «Джоанна Барздал определяет корпус как «языковую (лингвистическую) базу данных», уточняя ее как базу данных, представляющую примеры использования языка, как устно, так и письменно» [9, с. 256].

Как представляется, одно из основных отличий корпуса от базы данных – наличие в нем лингвистической разметки и пользовательского интерфейса. Предполагается, что корпус должен быть удобен для дальнейшей работы с ним. Таким образом, создание электронной базы данных можно рассматривать как предшествующий этап по отношению к разработке языкового корпуса того или иного типа.

4. Проект по созданию электронной базы речевых ошибок детей-инофонов

В данный момент группа лингвистов во главе с одним из авторов данной статьи занимается разработкой электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области. Несмотря на то, что до сих пор город Череповец и Вологодская область в целом относятся к числу моноэтнических регионов Российской Федерации, число детей-

инофонов в школах г. Череповца постоянно увеличивается, и состав их с точки зрения этнической и языковой принадлежности довольно пестрый [2].

Научная новизна предлагаемого проекта связана с тем, что объектом анализа является письменная речь детей-инофонов, обучающихся в российских школах. Предполагается включить в число параметров базы речевых ошибок детей-инофонов такие категории, как: 1) имя ребенка-инофона, 2) возраст, 3) родной язык, 4) класс обучения, 5) целевое слово/словосочетание, 6) контекст, 7) тип текста, в котором встретилась ошибка, 8) квалификация ошибки.

Одна из самых сложных задач при создании базы – типология ошибок. Основная идея создания указанной базы – возможность поиска ошибок по заданным параметрам, в том числе по заданному типу ошибок.

Включение указанных параметров позволит проводить лингвистические исследования, осуществлять систематизацию речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в российских школах, а также разрабатывать диагностические модели языковой адаптации детей-инофонов разных возрастных и этнических категорий.

Выводы

Проведенное исследование показало интенсивное развитие в мировой, а с некоторым опозданием и в российской практике такого направления в корпусной лингвистике, как создание учебных корпусов (корпусов ошибок). К целевой аудитории корпусов ошибок относятся как основные участники образовательного процесса (преподаватели иностранных языков, студенты и школьники, изучающие иностранные языки), так и лингвисты, изучающие языковые явления, связанные с языковыми/речевыми ошибками.

Несмотря на появление в последние годы русских учебных корпусов, в основу которых положены устные и письменные тексты разных категорий «нестандартных» носителей русского языка (иностранцев, изучающих русский язык как иностранный; эритажных носителей русского языка), за пределами внимания пока оказываются другие категории «нестандартных» носителей, в частности – дети-инофоны, изучающие русский язык в российских школах.

Создание электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области, призвано заполнить данную лакуну.

Литература

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 1998. 368 с.
2. Бучилова И.А. Языковая и этническая идентичность детей-билингвов, обучающихся в школах г. Череповца // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XIV выездной школы-семинара / отв. ред. Е.В. Грудева. Череповец, 2017. С. 65–73.
3. Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. №3. С. 3–19.
4. Грудева Е.В. Языковой корпус: апология и критика // Девятая выездная школа-семинар «Порождение и восприятие речи»: Материалы. Череповец, 2010. С. 48–55.

5. Зырянова Е.В. Система CHILDES как метод сбора материалов и изучения детской речи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №76-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-childes-kak-metod-sbora-materialov-i-izucheniya-detskoj-rechi>.
6. Копотев М.В. Введение в корпусную лингвистику. Прага, 2014. 230 с.
7. Копотев М.В., Гурин Г.Б. Разметка синтаксической неполноты в корпусе // Труды международной конференции «Диалог-2007». URL: <https://goslide.org/Documents/razmetka-sintaksicheskoy-nepolnoty-v-korpuse-2007>.
8. Лысакова И.П. Русский язык для мигрантов: РКИ или РКН? (к вопросу о содержании терминов) // XXXVIII Международная филологическая конференция. Вып. 21: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. СПб., 2009. С. 181–186.
9. Мальцева М.С. К определению термина «лингвистический корпус» и его вариантов // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-termina-lingvisticheskij-korpus-i-ego-variantov>.
10. Мирошниченко Е.А. К формальному определению понятия «база данных» // Проблемы информатики. 2011. №2. С. 83–87. URL: <http://www.problem-info.sccc.ru/2011-2/12.pdf>.
11. Перцов Н.В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1(11). С. 227–245.
12. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
13. Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Симпозиум «Русская грамматика 4.0»: Лингвистика. URL: chrome-extension://esnphlgnajanjnkmbpancdjoidceilk/content/web/viewer.html?source=extension_pdfhandler&file=http%3A%2F%2Fwww.rakhilina.ru%2Ffiles%2Frahilina_foreign_err.pdf.
14. Рахилина Е.В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок. URL: http://www.rakhilina.ru/files/compar_er.pdf
15. Синклер Джон. Предисловие к книге «Как использовать корпуса в преподавании иностранного языка». URL: http://studiorum-ruscorpora.ru/wp-content/themes/bootstrap-basic4-child/texts/sinclair_introduction.pdf
16. Фрей А. Грамматика ошибок. М.: Комкнига, 2006. 304 с.
17. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
18. Barðdal Jóhanna. A Crash Course in Corpus Linguistics. May. 2002. Linguistics Division, UNT.
19. Granger S. The learner corpus: a revolution in applied linguistics. English Today. 1994. 39 (10/3): 25-9.
20. McEnery T. Corpus Linguistics. Edinburgh, 1997.
21. Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian. Helsinki, 2010.
22. Yukio Tono. Learner corpora: design, development and applications. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/cl2003/papers/tono.pdf>.
23. Zevakhina N.A., Dzhakupova S.S. Corpus of russian student texts: design and prospects. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1144/zevakhinanadzakupovass.pdf>.

References

1. Alpatov V.M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenij* [History of Linguistic Studies]. Moscow, 1998. 368 p.
2. Buchilova I.A. *Yazykovaya i etnicheskaya identichnost' detej-bilingvov, obuchayushchihsya v shkolah g. Cherepovca* [Language and ethnic identity of children-bilinguals studying in schools of Cherepovca].

the city of Cherepovets]. *Problemy porozhdeniya i vospriyatiya rechi* [Problems of generation and perception of speech: Proceedings of the XIV exit school-seminar]. Cherepovets, 2017, pp. 65–73.

3. Vyrenkova A.S., Polinskaya M.S., Rahilina E.V. Grammatika oshibok i grammatika konstrukcij: "ehritazhnyj" ("unasledovannyj") russkij yazyk [Grammar of errors and grammar of constructions: "erytazhny" ("inherited") Russian language]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of linguistics], 2014, no. 3, pp. 3–19.

4. Grudeva E.V. YAzykovoij korpus: apologiya i kritika [Language Corps: Apology and Criticism]. *Porozhdenie i vospriyatie rechi* [Generation and Perception of Speech]. Cherepovets, 2010, pp. 48–55.

5. Zyryanova E.V. Sistema CHILDES kak metod sbora materialov i izucheniya detskoj rechi [The system CHILDES as a method of collecting materials and studying children's speech]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* [Izvestiya RSPU them. A.I. Herzen], 2008, no. 76-2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-childes-kak-metod-sbora-materialov-i-izucheniya-detskoj-rechi>.

6. Kopotev M.V. *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to corpus linguistics]. Prague, 2014. 230 p.

7. Kopotev M.V., Gurin G.B. Razmetka sintaksicheskoi nepolnoty v korpusе [Marking of syntactic incompleteness in the case]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Dialog–2007"* [Proceedings of the international conference "Dialogue-2007"]. Available at: <https://goslide.org/Documents/razmetka-sintaksicheskoi-nepolnoty-v-korpusе-2007>.

8. Lysakova I.P. Russkij yazyk dlya migrantov: RKI ili RKN? (k voprosu o sodержanii terminov) [Russian for migrants: RCT or ILV? (to the question of the content of terms)]. *XXXVIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferenciya. Vyp. 21: Russkij yazyk kak inostrannyj i metodika ego prepodavaniya* [XXXVIII International Philological Conference. Issue. 21: Russian as a Foreign Language and the Technique of Teaching]. St Petersburg, 2009, pp. 181–186.

9. Mal'ceva M.S. K opredeleniyu termina «lingvisticheskij korpus» i ego variantov [To the definition of the term "linguistic corpus" and its variants]. *Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i processy* [Socio-economic phenomena and processes], 2011, no. 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-termina-lingvisticheskij-korpus-i-ego-variantov>.

10. Miroshnichenko E.A. K formal'nomu opredeleniyu ponyatiya «baza dannyh» [To the formal definition of the concept of "database"]. *Problemy informatiki* [Problems of Informatics], 2011, no. 2, pp. 83–87. Available at: <http://www.problem-info.ssc.ru/2011-2/12.pdf>.

11. Percov N.V. K suzhdeniyam o faktah russkogo yazyka v svete korpusnyh dannyh [To judgments about the facts of the Russian language in the light of corpus data]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [The Russian Language in Scientific Lighting], 2006, no. 1(11), pp. 227–245.

12. Plungyan V.A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotoryh urokah sovremennoj korpusnoj lingvistiki [The hull as an instrument and as an ideology: about some lessons of modern case linguistics]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2008, no. 2 (16), pp. 7–20.

13. Rahilina E.V. O novyh instrumentah opisaniya russkoj grammatiki: korpus oshibok [On the new tools for describing Russian grammar: the body of errors]. *Simpozium «Russkaya grammatika 4.0»: Lingvistika* [Symposium "Russian Grammar 4.0": Linguistics]. Available at: http://chrome-extension://ecnphlganjanjnkcmpancdjoidceilk/content/web/viewer.html?source=extension_pdfhandler&file=http%3A%2F%2Fwww.rakhilina.ru%2Ffiles%2Frahilina_foreign_err.pdf.

14. Rahilina E.V. *Stepeni sravneniya v svete russkoj grammatiki oshibok* [Degrees of comparison in the light of the Russian grammar of errors]. Available at: http://www.rakhilina.ru/files/compar_er.pdf.

15. Sinkler Dzhon. *Predislovie k knige "Kak ispol'zovat' korpusa v prepodavanii inostrannogo yazyka"* [Foreword to the book "How to Use Corps in Teaching a Foreign Language"]. Available at:

http://studiorum-ruscorpora.ru/wp-content/themes/bootstrap-basic4-child/texts/sinclair_introduction.pdf.

16. Frej A. *Grammatika oshibok* [The grammar of errors]. Komkniga, 2006. 304 p.
17. Shcherba L.V. O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob ehksperimente v yazykoznanii [On the Three-Dimensional aspect of Linguistic Phenomena and the Experiment in Linguistics]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, 1974, pp. 24–39.
18. Barðdal Jóhanna. *A Crash Course in Corpus Linguistics*. May. 2002. Linguistics Division, UNT.
19. Granger S. The learner corpus: a revolution in applied linguistics. *English Today*. 1994. 39 (10/3): 25-9.
20. McEney T. *Corpus Linguistics*. Edinburgh, 1997.
21. Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. *Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian*. Helsinki, 2010.
22. Yukio Tono. *Learner corpora: design, development and applications*. Available at: <http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/cl2003/papers/tono.pdf>.
23. Zevakhina N.A., Dzhakupova S.S. *Corpus of russian student texts: design and prospects*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1144/zevakhinanadzhakupovass.pdf>.

Список ресурсов

Корпус русских учебных текстов КРУТ (<https://ling.hse.ru/krut>)
Международная база данных детской речи CHILDERS (<http://chil-des.psy.cmu.edu>)
Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
Русский учебный корпус RLC (<http://web-corpora.net/RLC/>)

Для цитирования: Грудева Е.В., Бучилова И.А., Волкова Н.А. Корпусы ошибок: целевая аудитория, возможная архитектура корпуса // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 63–72. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-7

For citation: Grudeva E.V., Buchilova I.A., Volkova N.A. Corpora of errors: target audience, a possible architecture of the corpus. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 63–72. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-7

Кудинова Наталия Леонидовна
Кандидат филологических наук, доцент,
Национальный исследовательский ядерный
университет «МИФИ»
(Москва, Россия)
E-mail: nataliakudinova@mail.ru

Kudinova Natalia Leonidovna
PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow, Russia)
E-mail: nataliakudinova@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТАКСИСНОЙ
СЕМАНТИКИ
ОДНОВРЕМЕННОСТИ
СРЕДСТВАМИ ЗАВИСИМОГО
ТАКСИСА В РУССКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**THE REALIZATION
OF THE TAXIS SEMANTICS
OF SIMULTANEOUSNESS
BY MEANS OF DEPENDENT TAXIS
IN THE RUSSIAN AND ENGLISH
LANGUAGES**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и сопоставлению функционирования в русском и английском языках различных составляющих когнитивно-функциональных моделей, содержащих центральные компоненты зависимого таксиса, в процессе реализации семантики одновременности. В ходе анализа автор приходит к выводу о том, что основные сходства между сопоставляемыми языками заключаются в функционировании глагольного компонента, а именно в употреблении глаголов, выражающих процессы, и выборе соответствующих видовременных форм. Основные же различия заключаются в функционировании именного компонента и временного выражения.

Abstract. The article is devoted to the analysis and comparison of the functioning of different constituents of cognitive-functional models, containing the central components of dependent taxis in the process of realization of the semantics of simultaneousness in the Russian and English languages. In the course of the research the author comes to the conclusion that the main similarities between the languages in question lie in the functioning of the verb component, i.e. in the use of the verbs, denoting processes, and in the choice of corresponding tense forms. At the same time the main differences are to be found in the functioning of the nominal component and the time expression.

Ключевые слова: деепричастный оборот, герундиальный комплекс, комплекс с причастием, когнитивно-функциональная модель, зависимый таксис, семантическая функция, одновременность

Keywords: adverbial participle construction, construction with the gerund, construction with the participle, cognitive-functional model, dependent taxis, semantic function, simultaneousness

Введение

Таксис как функционально-семантическая категория имеет универсальный характер, что делает возможным сопоставительное и типологическое изучение форм ее выражения в языках самого различного строя [9, с. 96]. Данная статья посвящена сопоставительному анализу реализации таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках. До настоящего вре-

мени рассмотрение данного вопроса с позиций теории функциональной грамматики не проводилось.

Основная часть

С позиций функциональной грамматики таксис рассматривается учеными как функционально-семантическое поле, имеющее так называемую бицентрическую структуру. Это означает, что поле таксиса включает в себя два микрополя – зависимого и независимого таксиса, каждое из которых характеризуется своими ядерными и периферийными компонентами.

Так, микрополе зависимого таксиса в английском языке имеет следующую структуру:

А. Ядро: 1) причастие и причастные комплексы; 2) герундий и комплексы с герундием.

Б. Периферия: 1) инфинитив и комплексы с инфинитивом; 2) конструкции с существительным типа: "*Homework done, I turned on the TV*".

В русском языке структура микрополя зависимого таксиса такова:

А. Ядро: 1) деепричастные конструкции (по словам О.С. Биккуловой, прототипической формой зависимого таксиса в русском языке является именно деепричастие, поскольку эта форма неизменяема и имеет только одну четко выделяемую грамматическую категорию – категорию вида. В отличие от финитных форм и причастия, которые имеют категорию времени и могут соотноситься с моментом речи, деепричастие соотносится только со временем основного глагола, то есть является исключительно таксисной формой [3]).

Б. Периферия: 1) конструкции с причастиями; 2) предложно-падежные конструкции типа: «*при рассмотрении*», «*при переходе*» и т.п. [4].

В силу ограниченного объема настоящей статьи мы подробно рассмотрим функционирование центральных компонентов микрополя зависимого таксиса, исключив периферийные компоненты из объектов исследования.

Исходя из принципов теории функциональной грамматики, основополагающих для настоящего исследования, мы считаем, что в английском языке реализация всех таксисных функций (предшествования, одновременности и следования) как средствами независимого, так и средствами зависимого таксиса происходит при участии трех основных компонентов: 1) именной составляющей; 2) глагольной составляющей; 3) временного выражения.

Под именной составляющей мы понимаем реализацию таксисных функций в а) моносубъектных или б) полисубъектных структурах.

Глагольная составляющая – это а) аспектуальный класс глагола и б) видовременная (грамматическая) форма глагола.

К временным выражениям мы относим любые временные показатели (наречия времени, существительные с предлогом, подчинительные союзы), способные участвовать в реализации различных таксисных функций.

Нам представляется, что данная модель применима и к русскому языку, с той лишь оговоркой, что в данном случае глагольный компонент будет включать в себя аспектуальный класс глагола и синтагматику видов, иными словами, синтагматику аспектуальности, поскольку, по словам А.В. Бондарко, «таксисные ситуации всегда

заключают в себе единство собственно таксисных и аспектуальных элементов, по существу это всегда аспектуально-таксисные ситуации» [4, с. 15].

В английском языке причастные и герундиальные комплексы могут выражать отношения одновременности в моносубъектных и в полисубъектных структурах. Иными словами, полисубъектные структуры с нефинитными формами, хотя и характеризуются низкой частотностью употребления, являются нормой для английского языка. Это наблюдение подтверждается многочисленными лингвистическими исследованиями, в которых подчеркивается, что в английском языке нефинитные формы обычно соотносятся с семантическим субъектом, обозначаемым подлежащим [6, с. 85], если субъект структуры с неличной формой эксплицитно не выражен [14, р. 288].

Например: *I can't watch the destruction of our universe **without protesting*** [17, р. 95].

*Why **did you stop the Dark Lord procuring the Sorcerer's Stone?*** [16, р. 25].

В то же время важной структурной особенностью предложений с деепричастиями в русском языке является наличие общего для обоих предикатов подлежащего [3]. Иными словами, деепричастие всегда соотносится с семантическим субъектом, обозначаемым подлежащим. Отсюда полисубъектные структуры с неличными формами не являются нормой для русского языка. Следовательно, деепричастные конструкции служат для выражения отношений одновременности только в моносубъектных структурах.

Например: «*Вы по три, по четыре часа играете на рояле*», – *говорил он, идя за ней...* [10, с. 557].

Далее можно выделить следующие особенности функционирования глагольного компонента моделей зависимого таксиса в процессе реализации функции одновременности в английском языке. Сопутствующие события могут быть выражены только неперфектным причастием или герундием, в то время как основные события в описываемых структурах могут быть выражены глаголами в различных видовременных формах. Важно подчеркнуть, что события в обеих частях рассматриваемых полипредикативных комплексов могут быть выражены глаголами, относящимися к любым аспектуальным классам. При этом в пропозиции с глаголом в финитной форме глаголы класса простых процессов в большинстве случаев употребляются в длительной форме, которая подчеркивает незавершенный характер процесса и наблюдаемость события в момент его протекания. Кроме того, семантика длительных и перфектно-длительных форм, а также неперфектной формы причастия и герундия ведет к тому, что глаголы, относящиеся к другим аспектуальным классам, например, события, имеющие фазы изменений, квантифицированные, однократные и предельные процессы, а также достижения, переходят в класс простых процессов. Иными словами, имеет место реинтерпретация семантики аспектуальных классов глаголов [7, с. 69].

Например: *In the background, **music was playing**, its slow, sexy beat accentuating the movements onstage* [17, р. 52] (основное событие – простой процесс; сопутствующее событие – событие, имеющее фазы изменений => простой процесс).

*By the time he got to 'Pennyroyal Tea', the eighth or ninth track, he'd had enough of listening to Kurt Cobain and Marcus: Marcus could obviously hear the music through the door, and **was providing his own accompaniment by buzzing in time*** [13, р. 160] (основ-

ное событие – однократный процесс => простой процесс; сопутствующее событие – однократный процесс => простой процесс).

On the landing he bumped into Ginny, who was returning to her room carrying a pile of freshly laundered clothes [16, p. 131] (основное событие – достижение => простой процесс; сопутствующее событие – простой процесс).

Что касается русского языка, то в конструкциях с деепричастными оборотами, используемых для выражения семантики одновременности, сопряженные действия являются процессными, то есть выступают в динамике своего протекания [5]. Иными словами, в большинстве случаев как основное, так и сопутствующее события выражаются глаголами, относящимися к аспектуальному классу процессов. Кроме того, важно отметить, что в данном случае в аспектуально-таксисной ситуации «одновременность процессов» второстепенный процесс выражается деепричастием несовершенного вида [3], основной – личной формой несовершенного вида [5], который обозначает незавершенное, продолжающееся действие, состояние или процесс (одновременность может также выражаться деепричастием совершенного вида, см. об этом ниже).

Например: *Старцев едва нашел ворота, – уже было темно, как в осеннюю ночь, – потом часа полтора бродил, отыскивая переулок, где оставил своих лошадей* [10, с. 560].

Также важно подчеркнуть, что в английском языке структуры, содержащие центральные компоненты зависимого таксиса, могут служить для выражения полной и частичной одновременности.

Например: *I was sitting on a desk in the front room of the Times's offices reading a magazine, when a midget in a pair of pointed toes strutted in the front door and asked for Wilson Caudle* [12, p. 5].

"If Draco succeeds," said Snape, still looking away from her, "he will be honored above all others" [16, p. 33].

В русском языке можно выделить следующие разновидности ситуаций одновременности: одновременность процессов и одновременность второстепенного процесса и основного целостного факта [5]. Иными словами, здесь также речь идет о полной либо частичной одновременности.

Например: *И Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт, и когда заставал в каком-нибудь доме семейный праздник и его приглашали откусывать, то он садился и ел молча, глядя в тарелку...* [10, с. 564].

Она остановилась, как бы желая что-то сказать, потом неловко сунула ему в руку записку и побежала в дом и там опять села за рояль [10, с. 558].

Кроме того, в английском языке структуры, содержащие конструкции с причастием и герундиальные конструкции, могут служить для выражения одновременности не только двух, но и трех и более событий.

Например: *She crumpled, falling at his feet, sobbing and moaning on the floor* [16, p. 35].

В русском языке конструкции с деепричастным оборотом также могут служить для выражения одновременности не только двух, но и трех и более событий.

Например: *Она пожала плечами, как бы недоумевая и не понимая, что ему нужно от нее, но встала и пошла* [10, с. 557].

Наконец, в английском языке одновременность в структурах, содержащих ядерные компоненты микрополя зависимого таксиса, во многих случаях подчеркивается семантикой временных выражений: *without, by, when, while (whilst), thereby*. Вероятно, это объясняется тем, что неперфектные нефинитные глагольные формы обладают широкой семантикой и, хотя чаще всего они используются для выражения одновременности [6], [14], в то же время, в зависимости от контекста, а также от конкретного лексического значения глагола, они могут использоваться как для выражения предшествования, так и для выражения следования, а также употребляться для обозначения вневременных действий [15]. Следовательно, возрастает роль других компонентов таксисных моделей, в частности, временных выражений в установлении семантики одновременности – они позволяют избежать двусмысленности, уточняя таксисные отношения одновременности между сопоставляемыми событиями.

Например: *Her shapely, thin figure was usually camouflaged under a loose cotton drip-dry dress, or a bulky chambray workshirt, which she preferred when gardening* [12, p. 22].

Harry wondered whether he could slip his Invisibility Cloak back on, thereby gaining his seat at the long Gryffindor table (which, inconveniently, was the farthest from the entrance hall) without being noticed [16, p. 162].

He watched her house while holding a loaded shotgun, anxious to blast anything that moved [12, p. 37].

В русском языке семантика одновременности в структурах с деепричастными оборотами также может подчеркиваться семантикой временных выражений. Хотя использование лексических единиц типа *одновременно, в то же время, попутно* и т.п. в сочетании с деепричастиями несовершенного вида является нормой для русского языка (например: *Он рассказывал мне эту историю, одновременно наливая чай*), такие примеры крайне редко встречаются в художественной литературе. Вероятно, это объясняется тем, что форма деепричастия несовершенного вида способна сама по себе выражать отношения одновременности наиболее простым, но достаточно точным способом, поэтому роль других компонентов таксисной модели, в частности, временных выражений, ослабевает. Однако употребление рассматриваемых временных выражений для реализации функции одновременности возможно в сочетании с деепричастием совершенного вида. Таким образом, функционирование временных выражений ведет к реинтерпретации семантики деепричастий, расширяя тем самым набор средств, участвующих в реализации таксисной семантики одновременности.

Например: – *Что же вы не начинаете, Михаил Ларионович? – поспешно обратился император Александр к Кутузову, в то же время учтиво взглянув на императора Франца* [8, с. 498].

В сочетании с деепричастием несовершенного вида чаще всего используются лексические конкретизаторы, вносящие в семантику одновременности дополнительные оттенки и смыслы, например, *еще / все еще* (действие, начавшееся раньше действия глагола-сказуемого), *то и дело* (действие, осуществлявшееся непрерывно на протяжении действия глагола-сказуемого), *с каждой минутой* (интенсификация действия) и т.п.

Например: *Мойсейка, которого Никита постеснялся обыскивать в присутствии доктора, разложил у себя на постели кусочки хлеба, бумажки и косточки и, все еще дрожа от холода, что-то быстро и невнятно заговорил по-еврейски* [11, с. 381].

Вдруг профессор Кранк перестал плакать и вновь начал сердиться, с каждым мгновением приходя во все большее неистовство [2, с. 6].

Поджиги переходил от группы к группе, много шутил и взволнованно вытирал платком руки, то и дело поглядывая на дверь – вероятно, терзался нетерпением и мысленно поторапливал приподнявшегося Бубенцова [1, с. 164].

Выводы

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы о сходствах и различиях функционирования различных компонентов таксисных моделей зависимого таксиса в процессе реализации семантики одновременности в русском и английском языках.

Основные сходства между сопоставляемыми языками заключаются в функционировании глагольного компонента модели – в обоих языках структуры, содержащие ядерные компоненты зависимого таксиса, служат для обозначения одновременности процессов, что находит свое отражение в аспектуальной семантике используемых глаголов и выборе соответствующих видовременных (глагольных) форм. Кроме того, в обоих языках модели, содержащие ядерные компоненты зависимого таксиса, могут выражать отношения полной или частичной одновременности, а также служить для выражения отношений одновременности не только между двумя, но и между тремя и более событиями.

Различия между английским и русским языками заключаются в функционировании именного компонента и временного выражения. Так, в английском языке модели с причастными и герундиальными комплексами могут употребляться как в моносубъектных, так и в полисубъектных структурах, в то время как в русском языке употребление модели с деепричастным оборотом возможно только в моносубъектных структурах. Кроме того, роль временного выражения в английском языке заключается в уточнении семантики одновременности, в то время как в русском языке временное выражение в сочетании с деепричастием несовершенного вида служит для конкретизации различных оттенков рассматриваемой семантики.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что наиболее интересной особенностью употребления моделей зависимого таксиса для выражения функции одновременности в русском и в английском языках является реинтерпретация глагольной семантики. В русском языке реинтерпретация семантики деепричастий совершенного вида связана с употреблением временных выражений, в то время как в английском языке к реинтерпретации аспектуальной семантики глаголов приводит употребление видовременных форм: длительных форм для обозначения основного события и неперфектной формы причастия и герундия для обозначения сопутствующего события. Можно с большой долей уверенности предположить, что данное явление способствует расширению репертуара языковых средств, способных участвовать в реализации семантики одновременности.

Литература

1. Акунин Б. Пелагия и белый бульдог. М.: АСТ, 2009. 288 с.
2. Акунин Б. Планета Вода. М.: Захаров, 2017. 416 с.
3. Биккулова О.С. Деепричастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2011. URL: <http://rusgram.ru>
4. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 2001. 260 с.
5. Ефимова А.С., Данилова Е.А. Конструкции с зависимым таксисом с семантикой одновременности в русском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 28. С. 23–26. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770677.htm>
6. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
7. Кудинова Н.Л. Выражение таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. №2 (48). С. 65–70.
8. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Правда, 1987. Т. 1. 543 с.
9. Хасанова М.С. Таксис следования в русском и татарском языках: функционально-семантические соответствия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 96–100.
10. Чехов А.П. Ионыч // Рассказы и повести. М.: Правда, 1981. С. 552–570.
11. Чехов А.П. Палата №6 // Рассказы и повести. М.: Правда, 1981. С. 357–412.
12. Grisham J. The Last Juror. N.Y.: Bantam Dell, 2004. 512 p.
13. Hornby N. About a Boy. N.Y.: Riverhead Books, 1998. 278 p.
14. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. Moscow, 1982. 391 p.
15. Reznik R.V., Sorokina T.S., Kazaritskaya T.A. A Grammar of Modern English Usage. Moscow, 1996. 688 p.
16. Rowling J.K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. N.Y.: Arthur A. Levine Books, 2005. 607 p.
17. Sheldon S. Are You Afraid of the Dark? L.: Harper Collins Publishers, 2005. 337 p.

References

1. Akunin B. *Pelagiya i belyj bul'dog* [Pelagiya and a white bulldog]. Moscow, 2009. 288 p.
2. Akunin B. *Planeta Voda* [Planet Water]. Moscow, 2017. 416 p.
3. Bikkulova O.S. *Deeprichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* [Adverbial participle. Materials for the project of a comprehensive description of the Russian grammar]. Moscow, 2011. Available at: <http://rusgram.ru>
4. Bondarko A.V. *Osnovy funkcional'noj grammatiki. Yazykovaya interpretaciya idei vremeni* [The basics of functional grammar. The linguistic interpretation of the idea of time]. St Petersburg, 2001. 260 p.
5. Efimova A.S., Danilova E.A. Konstrukcii s zavisimym taksisom s semantikoj odnovernennosti v russkom yazyke [Structures with dependent taxis, denoting simultaneousness in the Russian language]. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Koncept"* [Scientific-methodological electronic journal "Concept"], 2017, vol. 28, pp. 23–26. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/770677.htm>
6. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pochepcov G.G. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka* [The theoretical grammar of the modern English language]. Moscow, 1981. 285 p.

7. Kudinova N.L. Vyrazhenie taksisnoj semantiki odnovremennosti sredstvami zavisimogo taksisa [Expression of the taxis semantics of simultaneousness by the means of dependent taxis]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2013, vol. 2, no. 2 (48), pp. 65–70.
8. Tolstoj L.N. *Vojna i mir* [War and Peace]. Moscow, 1987, vol. 1. 543 p.
9. Hasanova M.S. Taksis sledovaniya v russkom i tatarskom yazykah: funkcional'no-semanticheskie sootvetstviya [Taxis of consecution in the Russian and Tatar languages: functional-semantic correspondence]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 10 (301). Philology. Study of art, pp. 96–100.
10. Chekhov A.P. Ionych [Ionych]. *Rasskazy i povesti* [Short stories and stories]. Moscow, 1981, pp. 552–570.
11. Chekhov A.P. Palata №6 [Ward №6]. *Rasskazy i povesti* [Short stories and stories]. Moscow, 1981, pp. 357–412.
12. Grisham J. *The Last Juror*. N.Y.: Bantam Dell, 2004. 512 p.
13. Hornby N. *About a Boy*. N.Y.: Riverhead Books, 1998. 278 p.
14. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A University Grammar of English*. Moscow, 1982. 391 p.
15. Reznik R.V., Sorokina T.S., Kazaritskaya T.A. *A Grammar of Modern English Usage*. Moscow, 1996. 688 p.
16. Rowling J.K. *Harry Potter and the Half-Blood Prince*. N.Y.: Arthur A. Levine Books, 2005. 607 p.
17. Sheldon S. *Are You Afraid of the Dark?* L.: Harper Collins Publishers, 2005. 337 p.

Для цитирования: Кудинова Н.Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 73–80. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-8

For citation: Kudinova N.L. The realization of the taxis semantics of simultaneousness by means of dependent taxis in the Russian and English languages. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 73–80. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-8

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-9
УДК 81.33

© Кушнир О.Н., 2018

Кушнир Ольга Николаевна

Доктор филологических наук, профессор
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)
E-mail: info17275@mail.ru

Kushnir Olga Nikolajevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
(Syktyvkar, Russia)
E-mail: info17275@mail.ru

**К ВОПРОСУ О КОРПОРАТИВНОМ
ЯЗЫКЕ И КОРПОРАТИВНОЙ
НОРМЕ В КОНТЕКСТЕ
ДОКУМЕНТНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**TO THE QUESTION OF CORPORATE
LANGUAGE AND CORPORATE
NORM IN THE CONTEXT OF
DOCUMENT COMMUNICATION**

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «корпоративный язык» и «корпоративная норма» как дискуссионные вследствие того, что специфика документной коммуникации обусловлена особенностями официально-делового стиля современного русского литературного языка. В статье это утверждение аргументируется анализом ряда слов и выражений, семантика которых сформировалась в документном дискурсе.

Abstract. In the article the concepts of “corporate language” and “corporate norm” are considered as controversial, because the specificity of documentary communication is conditioned by the peculiarities of the official and business style of the contemporary Russian literary language. In the article this statement is argued by analyzing a number of words and expressions, the semantics of which was formed in the document discourse.

Ключевые слова: корпоративный язык, корпоративная норма, документная коммуникация, кодификация, узус

Keywords: corporate language, corporate norm, document communication, codification, usage

Введение

Понятие «корпоративный» (*нем.* korporativ, *фр.* corporative < *ср.-лат.* corporation «объединение, сообщество») сегодня весьма распространено. Оно функционирует в значении «относящийся к корпорации», «характерный, свойственный для данной корпорации», когда речь идет о корпорации как «акционерном обществе, управляемом работающими по найму менеджерами, форме монополии», а в значении «узкогрупповой, обособленный, замкнутый пределами корпорации» – когда речь идет о корпорации как «устойчивой социальной группе, выделяемой как общности обычно по профессиональному признаку и опирающейся на определенные традиции» [1], [16], [18]. В последнем из указанных значений оно активно употребляется в сочетаниях *корпоративный стиль, корпоративное мероприятие, корпоративные интересы* и др.

Появились и понятия *корпоративная языковая норма (корпоративный вариант языковой нормы), корпоративный дискурс, корпоративная языковая политика* и др.

[5], [6], [14]. Понятие корпоративной языковой нормы, обусловленной «традицией корпоративного языка госслужащих», стало применяться и в отношении «письменного профессионального общения в сфере государственного управления» [7, с. 160]. Между тем письменное профессиональное общение есть не что иное, как документная коммуникация, и распространение понятия «корпоративный» на язык документов нам кажется неточным: сама сфера государственного управления не может быть рассмотрена как «узкопрофессиональная», а «результаты» государственного управления, выраженные в документах, не могут быть оценены как «корпоративные», созданные в узкокорпоративной среде и для узкокорпоративной среды. Особенности данной коммуникации обусловлены особенностями официально-делового стиля русского литературного языка, представленными в документных текстах.

Основная часть

В документной коммуникации реализуется государственный язык Российской Федерации, определяемый как «официальный, утвержденный органами власти, обязательный для употребления, законодательно регламентирующий языковые отношения в обществе», или *языковой стандарт*. Речь идет о современном русском литературном языке, для которого понятие *нормы* «приобретает особый статус, не только собственно лингвистический, но также и эстетический, аксиологический, правовой, политический» [20].

Между тем, по мнению ряда исследователей, «составители лингвистических словарей, отслеживая современные тенденции развития литературного языка... не в полной мере учитывают целый пласт текстов, относящихся к корпоративной культуре, имеющей многолетнюю историю и традиции, – государственной службе» [7, с. 161]. Такая критическая оценка объективна, очевиден и факт «происхождения» языка документов в сфере его государственного применения, в том числе на государственной службе, однако вряд ли можно согласиться с тем, что тексты документов являются принадлежностью корпоративной культуры государственных служащих.

Официально-деловой стиль – это та сфера употребления литературного языка, где должны соблюдаться нормы литературного языка, «соответствующие конкретным условиям коммуникации», а используемые при этом средства литературного языка должны иметь «дополнительную качественную характеристику, отличающуюся от нейтральной» [8, с. 31]. Безусловно, специфику документной коммуникации определяют стандартизация и унификация формы и содержания документа, при этом разработка языкового стандарта документного текста зависит от комплекса характеристик: вида (нормативный правовой, распорядительный, информационно-справочный и др.), статуса (официальный / неофициальный), правовой природы (имеющий юридическую силу / юридическую значимость) документа и многих других его свойств и признаков [2], [9]. Например, важным свойством нормативных правовых актов является их иерархичность, поэтому правовая норма, определенным образом сформулированная в законодательном акте, должна быть сохранена в тексте следующего по уровню нормативного правового акта, например, в документе федерального органа исполнительной власти, затем акта субъекта России, при необходимости – муниципального правового акта, а далее реализована в тексте локального

нормативного акта [2]. Такая иерархическая преемственность требований к текстам разноуровневых по сфере действия правовых документов объективна и может быть оценена только положительно.

Исходя из специфики документной коммуникации, укажем на актуализацию проблемы «выработки регламента речевой коммуникации в условиях языкового равноправия», или формирования «стилевых образцов языка», или «свода тех единиц и правил, которые представляют языковую норму в определенном речевом стиле» [8]. Действительно, «образованный носитель языка» обнаруживает в тексте документа непривычный выбор вариантов словоупотребления, правописания, использования грамматических форм [7, с. 162]. Этот выбор определяется, с одной стороны, указанными выше важными характеристиками документа (прежде всего, его видом), с другой стороны – нормами, установленными для отдельных случаев словоупотребления и правописания, которые и определяют, на наш взгляд неточно, как корпоративные.

Обратимся вновь к разноуровневым по сфере действия нормативным правовым документам. Так, правила проектирования *законодательного* акта закреплены в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [14] и детализированы в специальных методических рекомендациях [11]. Данные правила находят применение в требованиях к тексту нормативного правового акта федерального органа исполнительной власти [15]. Далее преемственность требований сохраняется при проектировании текста нормативного правового акта органа власти субъекта России, и наконец – при проектировании текста муниципального правового акта. Добавим, что те же принципы и правила применяются в организации при проектировании локальных нормативных актов [3].

Заметим, что чем жестче регламентирован стандарт документа, тем меньше трудностей возникает при проектировании локальных актов, например, распорядительных документов (приказов, распоряжений и др.), организационно-правовых документов (положений, инструкций и др.). Конечно, определяющую роль играет профессиональная компетенция составителя документа, его квалификация и опыт. Однако даже для опытных составителей документов наиболее сложным оказывается процесс создания текста служебного письма: очевидно, что трудности продиктованы главным образом как раз отсутствием стандарта письма.

Выбор вариантов языкового оформления документа оказывается сложной задачей: составители документов действительно сталкиваются с многочисленными трудностями, продиктованными, в том числе, противоречивыми рекомендациями лингвистических словарей и справочников, положениями национальных стандартов СИБИД (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу) и нормами законодательных актов. Как видим, составителям документов приходится пользоваться разными источниками, кодифицирующими языковую норму. Однако вопрос состоит не в том, кто прав: лексикографы, составители государственных стандартов или нормативных правовых актов, а в том, как в *реальной* речевой практике и в условиях документной коммуникации точно выразить мысль и коммуникативное намерение.

Выбор варианта нормы при кодификации в лексикографических источниках и законодательных актах возникает, в частности, при написании отдельных наимено-

ваний с прописной либо со строчной буквы: *Конституционный Суд / Конституционный суд, Государственная Дума / Государственная дума* и др. Споры по этому поводу ведутся давно. С.А. Кузнецов, например, оценивает подобные противоречия как «недостаточную нормализаторскую деятельность лингвистов», которые должны «устанавливать новые образцы речевой деятельности» и «предохранять литературный язык от стихии узусных употреблений» [8, с. 32–33]. Мы, вслед за О.Н. Кияновой и М.Н. Поповой, считаем, что варианты языковой нормы, реализуемые в документной коммуникации, «не противоречат требованиям к норме как условию стабильности и единства языка», а правомерность применения таких вариантов подкреплена их «массовой и регулярной воспроизводимостью в письменной деловой речи» [7, с. 163]. Таким образом, при столкновении варианта нормы, закрепленной в лингвистических словарях, и варианта нормы, кодифицированного в законодательных и иных нормативных правовых актах, мы считаем правомерным придерживаться последнего, поскольку данный вариант кодифицирован как имя собственное и поддержан регулярным употреблением в документной коммуникации. Поясним, что имена собственные, кодифицированные в законодательных документах, мы оцениваем как имена *официальные, документальные* (как определял официальное имя человека Н.А. Петровский [12, с. 17]), то есть основанные на документах, подтвержденные документами [1].

Придерживаться законодательно закрепленного написания мы предлагаем и в отношении употребления ряда сокращенных наименований, прежде всего – сокращения *РФ*. Напомним, что Конституция Российской Федерации закрепила официальное имя нашего государства – *Российская Федерация*, или *Россия*. Между тем аббревиатура *РФ* широко распространена в неофициальном дискурсе, как и сокращенные наименования практически всех субъектов России [10]. В последнее время аббревиатура *РФ* стала проникать в документную коммуникацию. При этом единства в оценке данного факта у лингвистов нет: одни считают, что аббревиатура *РФ* «прижилась в канцелярско-бюрократическом языке» и рекомендуют ее не употреблять [16¹], другие констатируют, что *РФ* – «аббревиатурное название» [16²]. Заметим, однако, что в нормативных правовых актах данная аббревиатура не применяется. Несмотря на широкую распространенность, мы считаем нежелательным употребление сокращения *РФ* в документных текстах.

Таким образом, если различаются нормы, кодифицированные законодательными актами и словарями (справочниками) русского языка, то в документной коммуникации предпочтение, с нашей точки зрения, следует отдавать законодательно закрепленным нормам.

Выбор варианта нормы возникает также при кодификации в лексикографических источниках и стандартах СИБИД, методических рекомендациях по составлению документов и др.

Напомним, что систему стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу (СИБИД) составляют межгосударственные стандарты СНГ, обозначаемые как *ГОСТ*. В СИБИД входят системы стандартов научно-технической информации, библиотечного дела и библиографической деятельности, редакционно-

¹ Данное мнение зафиксировано на портале ГРАМОТА.РУ как ответ на вопрос № 276700.

² Данное мнение зафиксировано на портале ГРАМОТА.РУ как ответ на вопрос № 242828.

издательского дела. В контексте обсуждаемой нами проблемы языковой нормы в документном тексте важно обратиться к ГОСТ Р 7.0.97-2016. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов [3]. Данный стандарт распространяется на организационно-распорядительные документы и определяет правила их составления. Следует обратить внимание на состав реквизитов, регламентированных стандартом, и рекомендации к их оформлению.

Так, можно констатировать, что посредством ГОСТ Р 7.0.97-2016 внедряются элементы языкового стандарта письма: текст письма может начинаться со вступительного обращения и завершаться заключительной этикетной фразой «С уважением». Обратим внимание на некоторые приведенные в стандарте примеры вступительного обращения: «Уважаемый господин Председатель!», «Уважаемый господин Губернатор!», «Уважаемый господин Прохоров!», «Уважаемая госпожа Захарова!», «Уважаемый Николай Петрович!», «Уважаемые господа!» Как видим, наименование лица по должности во вступительном обращении текста служебного письма, вопреки правилам русского языка, предложено писать со строчной буквы (вероятно, по аналогии с традиционным русским уважительным *Вы*). Очевидно, что такая регламентация продиктована исключительно узусом документной коммуникации, поскольку в более ранних изданиях авторов-составителей ГОСТ Р 7.0.97-2016 те же примеры приведены в написании, соответствующем правилам русского языка [21, с. 83].

Кодифицировано стандартом в качестве обращения слово «господа», что свидетельствует о его закреплении «в нейтрально-вежливом регистре общения... в официальной обстановке» [18, с. 47]. Заметим, что научные консультанты портала ГРАМОТА.РУ заявляют, что «при обращении к адресату необходимо учитывать его сферу деятельности и служебное положение. К народным избранникам, заслуженным деятелям науки и культуры, к высокопоставленным чиновникам обращаются со словами «глубокоуважаемый» и «многоуважаемый». В остальных случаях – «уважаемый», а в «деловой корреспонденции принято обращаться к адресату по имени и отчеству» [16¹]. Между тем исследователи-документоведы в качестве официальных регламентируют формы обращения по должности или по фамилии, а форму обращения по имени и отчеству считают возможной «при налаженных деловых отношениях, в деловом общении, имеющем устойчивый, регулярный характер» [20, с. 83].

Добавим, что ГОСТ Р 7.0.97-2016 не закрепляет вариант оформления вступительного обращения текста письма при помощи запятой, хотя такая практика, продиктованная влиянием англоязычной деловой переписки, весьма распространена. Консультанты портала ГРАМОТА.РУ не дают рекомендаций о предпочтительном для деловой переписки варианте, а лишь констатируют, что после обращения необходимо ставить либо восклицательный знак, либо запятую, и напоминают, что при выборе последнего из указанных вариантов следует продолжать писать текст со строчной буквы. Заметим, что на практике закрепляется иной вариант, полностью соответствующий принятому в англоязычной пере-

¹ Данная рекомендация зафиксирована на портале ГРАМОТА.РУ в разделе «Письмовник».

писке, когда после обращения с запятой текст продолжают писать со строчной буквы.

Составители ГОСТ Р 7.0.97-2016 взяли на себя смелость кодифицировать написание заключительной этикетной фразы с запятой: «С уважением,...». Как известно, такая пунктуация также результат влияния англоязычной практики, целиком «захватившей» деловую переписку на русском языке. Консультанты портала ГРАМОТА.РУ вынуждены констатировать данный факт, противоречащий правилам русского языка, как корректный [16¹].

Таким образом, противоречия, возникающие между действующими правилами русского языка и рекомендациями стандартов СИБИД, а также рекомендациями специалистов в области документоведения, в настоящее время могут быть разрешены только на «корпоративном» уровне. Однако, как показывает практика, организации принимают вариант, нормированный в делопроизводственной практике вышестоящей организации. Другими словами, речь идет не столько о корпоративной норме, сколько о «ведомственной» норме, которая, между тем, в силу влияния на социальные, в том числе профессиональные, отношения распространяется и на иную, вневедомственную делопроизводственную практику и очень быстро перестает быть «корпоративной» или «ведомственной».

Важно добавить, что при разработке «регламента» документной коммуникации и формировании языкового стандарта документа определенного вида имеют значение и правила, закрепленные в учебниках и пособиях по документной лингвистике, редактированию служебных документов и издательскому делу, а также опыт кодификации, представленный в специальных справочниках организаций.

Выводы

Понятия *корпоративный язык* и *корпоративная норма*, с нашей точки зрения, не могут быть применены к профессиональной письменной коммуникации, представленной документами. Особенности языка документа продиктованы реализацией в нем официально-делового стиля современного русского литературного языка и представляют собой «языковую норму в определенном речевом стиле». Нормирование в документной коммуникации происходит на основе действующих правил русского литературного языка, но с учетом узуса документной коммуникации. Языковой узус, как известно, динамичен; динамична в силу своей функциональной природы и сама документная коммуникация. Следовательно, языковая норма в документной коммуникации не может долго оставаться статичной: реальная речевая практика (воздействие юридического языка, влияние англоязычной деловой культуры, а иногда и лингвистическая необразованность составителей документов) «нарушает» нормативные установления лингвистических словарей, и возникает проблема выбора варианта языковой нормы. Как правило, нормированный вариант распространяется на весь «речевой стиль» и не носит корпоративный характер, поэтому его регламентация – задача не узкокорпоративная, а общегосударственная, имеющая

---

¹ Данная рекомендация зафиксирована на портале ГРАМОТА.РУ в разделе «Письмовник».

лингвистическую, правовую, политическую, эстетическую и аксиологическую значимость.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. Бунчук Т.Н., Ильина Ю.Н., Кушнир О.Н. Свойства документа как важный фактор лингвистической экспертизы документного текста // Вестник Череповецкого государственного университета. №5 (74), 2016. С. 46–50.
3. Бунчук Т.Н., Ильина Ю.Н., Кушнир О.Н. Методологические принципы лингвистической экспертизы документного текста // Язык. Право. Общество. Пенза: ПГУ, 2016. С. 128–133.
4. ГОСТ Р 7.0.97-2016. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Евтушенко О.В. Языковая норма в корпоративном и индивидуальном преломлении // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ. М.: МГУ, 2016. С. 76–85.
6. Жукова Т.С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2015.
7. Киянова О.Н., Панова М.Н. Использование государственного языка РФ в сфере государственного управления: проблема статуса «корпоративных» языковых норм // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Вып. 6. Ростов-н/Д: Дониздат, 2016. С. 159–163.
8. Кузнецов С.А. Языковая норма и правила речевой деятельности // Русский язык как государственный. URL: <http://rus-gos.spbu.ru>.
9. Кушнир О.Н. О взаимообусловленности текстов ведомственных правовых актов и внутренних документов организации // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. С. 158–163.
10. Кушнир О.Н., Тодика М.В. Официальное имя государства: к вопросу об употреблении имени собственного // Экология языка и речи. Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 283–285.
11. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М.: Издание Государственной Думы, 2013.
12. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
13. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 №1009 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, утв. постановлением от 22.01.1998 № 2134-П ГД // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
15. Ромашова И.П. Языковая политика отечественных корпораций: уровень словоупотребления // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. №2. С. 8–15.
16. Русский язык как государственный // <http://rus-gos.spbu.ru>.
17. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех. <http://gramota.ru>.
18. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996.
19. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.

20. Химик В.В. Государственный язык Российской Федерации: языковая норма и ценностные ориентиры русской речи // Русский язык как государственный. URL: <http://rus-gos.spbu.ru>.
21. Янковая В.Ф. Деловая переписка. М.: ВНИИДАД, 2007.

References

1. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Gl. red. S.A. Kuznetsov* [Great Dictionary of the Russian language. Ch. Ed. S.A. Kuznetsov]. St Petersburg, 2000.
2. Bunchuk T.N., Ilyina J.N., Kushnir O.N. Svoystva dokumenta kak vazhnyj faktor lingvisticheskoj ehkspertizy dokumentnogo teksta [Properties of the document as an important factor in the linguistic expertise of the document text]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Cherepovets State University]. Cherepovets, 2016, no. 5 (74), pp. 46–50.
3. Bunchuk T.N., Ilyina J.N., Kushnir O.N. Metodologicheskie principy lingvisticheskoj ehkspertizy dokumentnogo teksta [Methodological principles of the linguistic expertise of the documentary text]. *Yazyk. Pravo. Obshchestvo* [Language. Law. Society]. Penza: PGU, 2016, pp. 128–133.
4. GOST R 7.0.97-2016. Sistema standartov po informacii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Organizacionno-rasporyaditel'naya dokumentaciya. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov. [GOST R 7.0.97-2016. System of standards on information, librarianship and publishing. Organizational and administrative documentation. Requirements for the preparation of documents]. *Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus»* [Reference and legal system «ConsultantPlus»]. Available at: <http://www.consultant.ru>
5. Evtushenko O.V. Yazykovaya norma v korporativnom i individual'nom prelomlenii [Language norm in corporate and individual refraction]. *Uchimsya govorit' po-russki. Problemy sovremennogo yazyka v ehlektronnyh SMI* [Learn to speak Russian. Problems of the modern language in the electronic media]. Moscow, 2016, pp. 76–85.
6. Zhukova T.S. *Obrashcheniya v reglamentirovannyh sferah obshcheniya: stanovlenie novoy normy: avtoref. dis.* [Appeals in regulated spheres of communication: the formation of a new norm: the author's abstract Dr. dis.]. Moscow, 2015.
7. Kiyanova O.N., Panova M.N. Ispol'zovanie gosudarstvennogo yazyka RF v sfere gosudarstvennogo upravleniya: problema statusa «korporativnyh» yazykovykh norm [Use of the state language of the Russian Federation in the sphere of public administration: the problem of the status of «corporate» language norms]. *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstviya* [Language and law: actual problems of interaction]. Issue 6. Rostov-on-Don: Donizdat, 2016, pp. 159–163.
8. Kuznetsov S.A. Yazykovaya norma i pravila rechevoj deyatel'nosti [Language norm and rules of speech activity]. *Russkij yazyk kak gosudarstvennyj* [Russian as a state language]. Available at: <http://rus-gos.spbu.ru>.
9. Kushnir O.N. O vzaimoobuslovlennosti tekstov vedomstvennyh pravovyh aktov i vnutrennih dokumentov organizacii [On the interdependence of texts of departmental legal acts and internal documents of the organization]. *Delovoj i publicisticheskij stili v istorii russkogo yazyka i kul'tury* [Business and journalistic styles in the history of the Russian language and culture]. Petrozavodsk, 2015, pp. 158–163.
10. Kushnir O.N., Todika M.V. Oficial'noe imya gosudarstva: k voprosu ob upotreblenii imeni sobstvennogo [The official name of the state: to the question of the use of the proper name]. *Ehkologiya yazyka i rechi* [Ecology of language and speech]. Tambov: Print Service, 2016, pp. 283–285.
11. *Metodicheskie rekomendacii po lingvisticheskoj ehkspertize zakonoproektov* [Methodical recommendations on the linguistic examination of bills]. Moscow: Publication of the State Duma, 2013.

12. Petrovsky N.A. *Slovar' russkih lichnyh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, 1966.
13. Pravila podgotovki normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i ih gosudarstvennoj registracii, utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13.08.1997 №1009 [Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration, approved. Decree of the Government of the Russian Federation of 13.08.1997, no. 1009]. *Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus»* [Reference and legal system «ConsultantPlus»]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
14. Reglament Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii, utv. postanovleniem ot 22.01.1998 № 2134-II GD [Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Decree of 22.01.1998 No. 2134-II GD]. *Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus»* [Reference and legal system «ConsultantPlus»]. Available at: <http://www.consultant.ru>
15. Romashova I.P. Yazykovaya politika otechestvennyh korporacij: uroven' slouupotrebleniya [Language policy of domestic corporations: level of usage]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2016, no. 2, pp. 8–15.
16. *Russkij yazyk kak gosudarstvennyj* [Russian as a state language]. Available at: <http://rus-gos.cpbu.ru>
17. *Spravochno-informacionnyj portal GRAMOTA.RU – russkij yazyk dlya vsekh* [Reference and information portal GRAMOTA.RU – Russian language for all]. Available at: <http://gramota.ru>.
18. Sternin I.A. *Russkij rechevoj ehtiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: VOIPKRO, 1996.
19. Krysin L.P. *Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Russian language, 2000.
20. Khimik V.V. Gosudarstvennyj yazyk Rossijskoj Federacii: yazykovaya norma i cennostnye orientiry russkoj rechi [The State Language of the Russian Federation: the Language Norm and the Value Guidelines of Russian Speech]. *Russkij yazyk kak gosudarstvennyj* [Russian as a State Language]. Available at: <http://rus-gos.spbu.ru>.
21. Yankova V.F. *Delovaya perepiska* [Business correspondence]. Moscow: VNIIDAD, 2007.

Для цитирования: Кушнир О.Н. К вопросу о корпоративном языке и корпоративной норме в контексте документной коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 81–89. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-9

For citation: Kushnir O.N. To the question of corporate language and corporate norm in the context of document communication. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 81–89. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-9

Миколайчик Маргарита Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)
E-mail: margarita8383@mail.ru

Mikolaychik Margarita Vladimirovna

PhD in Philology Sciences, Associate Professor,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Russia)
E-mail: margarita8383@mail.ru

**МЕСТОИМЕНЕНИЯ ПЕРВОГО ЛИЦА
И ДРУГИЕ СРЕДСТВА
САМОУПОМИНАНИЯ В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-
АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ
АННОТАЦИЙ**

**FIRST PERSON PRONOUNS
AND OTHER SELF-MENTION
DEVICES IN ENGLISH ACADEMIC
DISCOURSE: A CORPUS-BASED
STUDY OF ANGLO-AMERICAN AND
RUSSIAN ECONOMICS RESEARCH
ARTICLE ABSTRACTS**

Аннотация. Использование местоимений первого лица в англоязычном дискурсе в российской научной среде – актуальная, но малоизученная проблема. В статье приводятся результаты исследования местоимений и других средств самоупоминания в 500 англоязычных аннотациях носителей языка и 500 двуязычных российских аннотациях, опубликованных в 2014–2017 годах в 12 ведущих научных экономических журналах Великобритании, США и России. Выделяются типичные для англо-американского и российского англоязычного научного дискурса стратегии и особенности обозначения авторского присутствия в тексте.

Abstract. Despite extensive studies of English academic discourse in various non-native contexts, self-mention in English abstracts of Russian research articles is still a largely under-researched although highly relevant area. This paper presents the results of a corpus-based study of first person pronouns, self-citations and other self-mention devices in 500 native English and 500 native Russian bilingual abstracts published between 2014 and 2017 in 12 leading British, American and Russian economics journals. The study reveals the most favoured self-mention strategies used in English abstracts by Anglo-American and Russian academic writers.

Ключевые слова: авторизация, автореференция, английский язык, аннотация, экономика, корпус, научный дискурс, частотность

Keywords: abstract, academic discourse, authorial presence, corpus, economics, English, frequency, self-reference

---

Введение

В отечественной академической среде прочно утвердилась традиция избегать в научных текстах местоимения «я» [2], [5], заменяя его более приемлемыми с этической точки зрения описательными наименованиями типа «автор» либо авторским «мы» [5, с. 48]. Последнее, впрочем, рассматривается некоторыми авторами как имеющее «легкий оттенок провинциальности», а потому постепенно исчезающее из научного дискурса [2, с. 135]. Достаточно распространенной у нас остается и такая точка зрения, что для обеспечения объективности и беспристрастности изложения в научных работах желательнее вообще не использовать самообозначений [4, с. 314],

отдавая предпочтение безличным конструкциям [2, с. 135]. В очень популярном и неоднократно переиздававшемся британско-американском руководстве по написанию научных работ, напротив, звучит призыв «отбросить ложную скромность предыдущих поколений ученых» и смело использовать вместо громоздких пассивных конструкций местоимения *I* и *we* [11, р. 198]. При этом создатель руководства, американский профессор Р.А. Дэй настоятельно советует единоличным авторам воздерживаться от авторского *we*, называя его употребление «вопиющим педантизмом» [11, р. 199].

Каких стратегий в отношении самообозначения придерживаются российские авторы при написании англоязычных аннотаций к научным статьям? Отличаются ли они в этом смысле от носителей языка? Совпадают ли эти стратегии с теми, которые используются в аннотациях на русском языке? Представляя практический интерес как для самих авторов, так и для преподавателей английского языка, обучающихся аннотированию магистрантов и аспирантов, ответы на эти вопросы позволили бы расширить лингвистические представления об особенностях реализации научного дискурса и жанра аннотации на английском лингва франка представителями российской и англо-американской лингвокультурных общностей.

Основная часть

Отечественные лингвисты, в частности Е.А. Барляева и С.Т. Нефедов, рассматривают проблему авторского присутствия в научном тексте в контексте достаточно широкого понятия авторизации, под которой понимается «совокупность разноуровневых языковых средств, актуализирующих автора и создающих его «портрет» как языковой личности и как субъекта научно-познавательной деятельности» [1, с. 5]. К важнейшим показателям эксплицитной авторизации относят, среди прочего, частотность личных местоимений первого лица [1, с. 7], [4, с. 317].

Значительная роль в концептуализации рассматриваемой проблемы принадлежит К. Хайланду, который предлагает термин «самоупоминание» (англ. *self-mention*) и определяет его место в системе понятий, описывающих способы взаимодействия автора с читателем в академическом дискурсе [16, р. 177]. К средствам самоупоминания в своих исследованиях К. Хайланд относит личные и притяжательные местоимения первого лица в эксклюзивных значениях, а также самоцитирования и выражения типа *this writer*, *the research team* и т.п. [15, р. 211]. Отметим, что предлагаемый К. Хайландом перечень средств самоупоминания хорошо согласуется с тремя классами выражений, которые традиционно выделяются в теории референции как предназначенные для конкретной референции (дейктические местоимения, имена собственные и дескрипции, т.е. выражения, состоящие из имени нарицательного и детерминатива в виде артикля или указательного местоимения) [6, с. 10].

На сегодняшний день учеными из разных стран мира проведен целый ряд кросс-культурных корпусных исследований англоязычного научного дискурса. Многие из них свидетельствуют о более высокой частоте использования местоимений первого лица, особенно местоимения *I*, носителями английского языка по сравнению с представителями иных лингвокультурных общностей. Такие результаты получены, например, на материале англоязычных статей по лингвистике болгарских [17], чешских [12] и тайландских [20] авторов, аннотаций иракских статей по лингвистике,

сельскому хозяйству, сестринскому и инженерному делу [13], аннотаций китайских статей по естественным наукам [10], турецких диссертаций по общественным наукам [8], выпускных работ гонконгских студентов по различным дисциплинам [14]. Такое положение дел объясняется выраженной индивидуалистичностью англо-американской культуры по сравнению с коллективистически ориентированными восточными, сложившиеся представления которых о неприемлемости употребления местоимений первого лица в целом и местоимения «я» в частности в научных текстах соответствующим образом сказываются и на англоязычном дискурсе их представителей [14, p. 1110].

Что касается англоязычного российского дискурса, то он остается в интересующем нас отношении малоизученным. Исключение составляет лишь исследование Т. Яхонтовой, которая обратила внимание на широкое использование в тезисах докладов лингвистов, являющихся носителями русского и украинского языков, не характерного для аутентичного англоязычного дискурса авторского *we* [19, p. 226–227], а также выполненная на материале аннотаций статей русскоязычных студентов-геологов работа М. Беляковой [9]. Впрочем, результаты последней в той части, которая касается использования местоимений единственного и множественного числа, как отмечает сам автор, не являются окончательными ввиду несбалансированности соотношения включенных в выборку одноавторных и многоавторных аннотаций [9, p. 36]. Сравнительный анализ статей российских лингвистов, социологов и специалистов по другим гуманитарным наукам, а также украинских математиков, с одной стороны, и англоязычных работ их зарубежных коллег, с другой, проводился И. Вассилевой [17], И.Ю. Щемелевой [7], О.А. Крапивкиной [3], Т. Яхонтовой [18]. Перечисленные исследования подтвердили факт более редкого использования местоимений первого лица русскоязычными авторами, однако исключительно на материале их работ на русском языке, без привлечения англоязычных версий.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выяснить степень выраженности авторского присутствия в англоязычных аннотациях российских статей по экономике по сравнению с аннотациями носителей английского языка, с одной стороны, и русскоязычными версиями российских аннотаций, с другой, путем сравнительного анализа частотности местоимений первого лица и прочих средств самоупоминания согласно модели К. Хайланда.

В рамках исследования было создано три корпуса текстов. В первый вошло 500 англоязычных аннотаций британских и американских научных статей, опубликованных в 2014–2017 гг. в авторитетных научных экономических журналах Великобритании и США: «Quarterly Journal of Economics», «Journal of Economic Perspectives», «American Economic Review», «Review of Economic Studies», «American Economic Journal: Applied Economics», «American Economic Journal: Macroeconomics». Второй корпус составлен из 500 англоязычных аннотаций российских научных статей, опубликованных в 2014–2017 годах в ведущих отечественных научных журналах по экономике. В выборку вошли: «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика», «Вопросы экономики», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Экономический журнал Высшей школы экономики» и «Terza economicus». В третий, параллельный второму, корпус были включены русскоязычные версии российских аннотаций. Каждый кор-

пус разбит на два подкорпуса, представленные аннотациями 250 единолично написанных статей и 250 статей, подготовленных в соавторстве. Обработка корпусов производилась преимущественно вручную с использованием технических возможностей программы Microsoft Office Word 2007 и заключалась в вычислении частотности каждого средства самоупоминания, а также количества аннотаций, в которых оно встретилось в каждом из подкорпусов. Результаты исследования аннотаций одоавторных и многоавторных статей отражены соответственно в табл. 1, 2.

Таблица 1

Средства самоупоминания в аннотациях статей, написанных одним автором

Средства самоупоминания	Англоязычные британские и американские аннотации (250 аннотаций / 27855 словоупотреблений)	Англоязычные российские аннотации (250 аннотаций / 33567 словоупотреблений)	Русскоязычные российские аннотации (250 аннотаций / 27318 словоупотреблений)
<i>I/я, ты/мой</i>	148 аннотаций / 316 словоупотреблений / 2,14 словоупотребления на аннотацию	2 аннотации / 7 словоупотреблений / 3,5 словоупотребления на аннотацию	0
<i>We/мы, our/наш</i> (в эксклюзивных значениях)	8 аннотаций / 15 словоупотреблений / 1,88 словоупотребления на аннотацию	47 аннотаций / 103 словоупотребления / 2,19 словоупотребления на аннотацию	12 аннотаций / 28 словоупотреблений / 2,33 словоупотребления на аннотацию
<i>The author/автор</i>	0	67 аннотаций / 85 словоупотреблений / 1,27 словоупотребления на аннотацию	52 аннотации / 64 словоупотребления / 1,23 словоупотребления на аннотацию
Самоцитирование	1 аннотация / 1 словоупотребление	0	0
Всего	157 аннотаций / 332 словоупотребления / 2,11 словоупотребления на аннотацию	112 аннотаций / 195 словоупотреблений / 1,74 словоупотребления на аннотацию	64 аннотации / 92 словоупотребления / 1,44 словоупотребления на аннотацию

Из табл. 1 видно, что российские авторы гораздо реже носителей английского языка используют в англоязычных аннотациях единолично написанных статей местоимения единственного числа *I* и *ты*: если в англо-американском подкорпусе они встречаются в 148 аннотациях, то в российском – всего в 2. При этом в русскоязычном корпусе местоимения *я* и *мой* не обнаружены вовсе. Значительно чаще, в 18,8 % англоязычных российских аннотаций употребляются для обозначения индивидуального автора местоимения множественного числа *we* и *our*, которые в англо-американском подкорпусе зафиксированы только в 3,2 % аннотаций, в российском русскоязычном – в 4,8 %. Подсчет суммарной частотности личных местоимений *I* и *we* в эксклюзивных значениях и соответствующих им притяжательных местоимений *ты* и *our* показывает, что носители английского языка, в целом, используют место-

имения первого лица значительно чаще, чем российские авторы: в англо-американском подкорпусе зафиксировано 331 словоупотребление, в российском англоязычном – всего 110, в русскоязычном подкорпусе этот показатель еще ниже – 28 словоупотреблений. Именная группа *the author/автор* (единственная дескрипция, встретившаяся в качестве средства самоупоминания в нашей выборке, как и в рассмотренных М. Беляковой аннотациях по геологии [9]), отмечается только в российском корпусе. Самоцитирование, напротив, зафиксировано только в одной работе из англо-американского подкорпуса.

Таблица 2

Средства самоупоминания в аннотациях статей, написанных в соавторстве

Средства самоупоминания	Англоязычные британские и американские аннотации (250 аннотаций / 29834 словоупотребления)	Англоязычные российские аннотации (250 аннотаций / 37623 словоупотребления)	Русскоязычные российские аннотации (250 аннотаций / 30897 словоупотреблений)
<i>We/мы, our/наш</i> (в эксклюзивных значениях)	227 аннотаций / 603 словоупотребления / 2,66 словоупотребления на аннотацию	91 аннотация / 258 словоупотреблений / 2,84 словоупотребления на аннотацию	28 аннотаций / 77 словоупотреблений / 2,75 словоупотребления на аннотацию
<i>The authors/авторы</i>	0	63 аннотации / 100 словоупотреблений / 1,59 словоупотребления на аннотацию	54 аннотации / 73 словоупотребления / 1,35 словоупотребления на аннотацию
Самоцитирование	4 аннотации / 9 словоупотреблений / 2,25 словоупотребления на аннотацию	1 аннотация / 2 словоупотребления / 2 словоупотребления на аннотацию	1 аннотация / 2 словоупотребления / 2 словоупотребления на аннотацию
Всего	227 аннотаций / 612 словоупотреблений / 2,7 словоупотребления на аннотацию	144 аннотации / 360 словоупотреблений / 2,5 словоупотребления на аннотацию	81 аннотация / 152 словоупотребления / 1,88 словоупотребления на аннотацию

В аннотациях статей, написанных в соавторстве, как видно из табл. 2, местоимения *we* и *our* в эксклюзивных значениях значительно чаще употребляются носителями английского языка: в англо-американском подкорпусе они встречаются в 90,8 % аннотаций, в российском – только в 36,4 %. Еще реже, всего в 11,2 % текстов, отмечаются эквивалентные им местоимения *мы* и *наш* в русскоязычном подкорпусе. Дескрипция *the authors/авторы*, как и в одноавторных работах, обнаружена только в российских аннотациях. В британских и американских работах данная именная группа, охарактеризованная в руководстве Р.А. Дзя как допустимая, хотя и не особенно удачная, ввиду ее «вычурности, многословности и неточности» [11, р. 199], не зафиксирована ни разу. Что касается самоцитирования, в аннотациях написанных в соавторстве статей оно встречается как в англо-американском, так и в российских корпусах, хотя в последних представлено как единичное явление.

В целом, как показывают итоговые строки табл. 1 и табл. 2, средства самоупоминания используют в аннотациях одноавторных и многоавторных статей соответственно 62,8 % и 90,8 % носителей английского языка, 44,8 % и 57,6 % российских авторов на английском языке и всего 25,6 % и 32,4 % российских авторов на русском языке. Это позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, среди носителей английского языка процент тех, кто делает выбор в пользу персонифицированной стратегии дискурса, значительно выше, чем среди российских экономистов, хотя при составлении англоязычных версий аннотаций часть российских авторов, не склонных к самообозначениям на русском языке, меняют свою стратегию в сторону усиления авторского присутствия. При этом выбирающий персонифицированную стратегию англо-американский автор, в среднем, склонен использовать в своей аннотации средства самоупоминания несколько чаще, чем российский. Учитывая, что средние значения по использованию местоимений у носителей языка не выше, чем в российских работах, такой итоговый результат объясняется тем, что многие российские авторы выбирают в качестве средства самоупоминания именную группу *the author(s)/автор(ы)*, которая ввиду ее громоздкости не может, в отличие от компактных местоимений, употребляться в пределах небольшого текста много раз (в нашей выборке были случаи использования местоимений до 10 раз в одной аннотации, в то время как максимальное количество словоупотреблений дескрипции *the author(s)/автор(ы)* не превышало пяти). В целом, насколько позволяют судить результаты исследования аннотаций, в российском англоязычном экономическом дискурсе авторское присутствие выражено слабее, чем в англо-американском, однако сильнее, чем в русскоязычном. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что как в англо-американском, так и в обоих российских корпусах авторское присутствие, в целом, заметнее в аннотациях многоавторных статей, главным образом за счет местоимений первого лица, которые пишущие в соавторстве употребляют значительно охотнее и, вероятно, смелее, чем единоличные авторы. Такой результат, по всей видимости, связан с тем, что в случае соавторства ответственность за истинность сделанных в работе утверждений, по выражению К. Хайланда, тяжким бременем ложащаяся на плечи автора [14, p. 1110], распределяется между несколькими сотрудниками. Различия в частоте использования именной группы *the author(s)/авторы* и самоцитирований между одноавторными и многоавторными аннотациями незначительны, при небольшом перевесе со стороны последних.

Представляет интерес распределение частотностей различных средств самоупоминания в рассматриваемых корпусах (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что как в одноавторных, так и в многоавторных подкорпусах соотношения частотностей средств самоупоминания в англоязычных российских аннотациях по сравнению с их русскоязычными версиями смещается в сторону употребления более типичных для аутентичного англоязычного дискурса местоимений при сокращении доли не характерной для носителей языка дескрипции *the author(s)*. Так, почти 70 % индивидуальных российских авторов, обозначающих свое присутствие в русскоязычном тексте, используют для этого дескрипцию *автор*, около 30 % – местоимения *мы/наш*. В англоязычных версиях российских аннотаций доля не свойственной англо-американскому дискурсу именной группы *the author*

Распределение частотностей средств самоупоминания, использованных в аннотациях

Средства самоупоминания	Англоязычные британские и американские аннотации		Англоязычные российские аннотации		Русскоязычные российские аннотации	
	один автор	два и более авторов	один автор	два и более авторов	один автор	два и более авторов
<i>I/я, ты/мой</i>	95,18 %	—	3,59 %	—	0 %	—
<i>We/мы, our/наш</i> (в эксклюзивных значениях)	4,52 %	98,53 %	52,82 %	71,67 %	30,44 %	50,66 %
<i>The author/автор</i>	0 %	0 %	43,59 %	27,78 %	69,56 %	48,02 %
Самоцитирование	0,3 %	1,47 %	0 %	0,55 %	0 %	1,32 %
Всего словоупотреблений	332	612	195	360	92	152

снижается до 43,59 %, а доля, хотя и редко, но все же употребляющихся отдельными носителями языка *we* и *our*, наоборот, увеличиваются почти до 53 %. При этом в англоязычных версиях российских аннотаций появляются и случаи употребления наиболее типичного для англо-американской академической среды местоимения *I*. Аналогично, в англоязычных аннотациях российских статей, написанных в соавторстве, доля именной группы *the authors* снижается по сравнению с русскоязычными версиями с 48,02 % до 27,78 %, а доля типичных для британского и американского дискурса местоимений, наоборот, увеличивается с 50,66 % до 71,67 %. Такой сдвиг соотношений средств самоупоминания в российских аннотациях на английском языке в сторону более типичных для аутентичного англоязычного дискурса, сопоставимый с зафиксированным И. Вассиловой на материале статей болгарских лингвистов [17], свидетельствует о том, что часть российских экономистов осведомлена о специфике обозначения авторского присутствия в англо-американской научной среде и при переводе на английский язык соответствующим образом корректирует свою дискурсивную стратегию. Как показывает сравнительный анализ англоязычных и русскоязычных версий российских аннотаций, количество таких авторов составляет 30–40 %.

Выводы

Корпусное исследование аннотаций англо-американских и российских научных статей показало, что и российские экономисты, и носители английского языка, в целом, смелее используют местоимения первого лица, когда пишут работы в соавторстве. К персонифицированной стратегии прибегает подавляющее большинство (90,8 %) авторских коллективов носителей английского языка, а также – при составлении англоязычных версий аннотаций – более половины российских исследовательских групп. Однако если в британских и американских многоавторных работах авторское присутствие выражается преимущественно местоимениями *we* и *our*, то в

российских наряду с ними широко используется и не характерная для носителей английского языка, привнесенная из русскоязычного научного дискурса именная группа *the authors*.

При написании работ единолично более двух третей ученых Великобритании и США эксплицитно обозначают свое присутствие в тексте, причем 95 % из них используют для этого наиболее лично окрашенные из всех возможных средств самоупоминания – местоимения единственного числа *I* и *my*. Среди российских экономистов при написании аннотаций на английском языке более половины отдают предпочтение традиционной для отечественной научной среды и наименее «рискованной» обезличенно-объективной стратегии. Из тех россиян, кто все же решает эксплицировать себя в англоязычном тексте, почти 53 % делают это с помощью авторского *we/our*, около 44 % – посредством не типичной для англоязычного научного экономического дискурса именной группы *the author* и лишь единицы рискуют прибегнуть к привычным для англоязычного научного сообщества *I* и *my*.

В целом, хотя при переводе аннотаций на английский язык около 30 % – 40 % российских авторов корректирует свою дискурсивную стратегию в сторону усиления авторского присутствия и использования более привычных для англоязычной аудитории средств самоупоминания, англоязычный российский научный экономический дискурс остается гораздо менее персонифицированным по сравнению с англо-американским.

Сделанные по итогам данного исследования выводы могут быть использованы российскими авторами при написании аннотаций на английском языке, а также преподавателями, обучающими аннотированию магистрантов и аспирантов направления подготовки «Экономика».

Литература

1. Барляева Е.А. Средства актуализации автора научного текста (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 16 с.
2. Колесникова Н.И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов // Высшее образование в России. 2010. №3. С. 130–137.
3. Крапивкина О.А. Вербализация субъекта в академическом дискурсе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. №4(34). С. 121–124.
4. Нефедов С.Т. Автореференция в научном лингвистическом дискурсе // XLIII Международная филологическая конференция. Избранные труды. СПб: СПбГУ, 2015. С. 313–320.
5. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: БГУ, 2009. 183 с.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.
7. Щемелева И.Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. 2013. Вып. 4. С. 143–153.
8. Akbas E., Hardman J. An exploratory study on authorial (in)visibility across postgraduate academic writing: Dilemma of developing a personal and/or impersonal authorial self // *Metadiscourse in Written Genres: Uncovering Textual and Interactional Aspects of Texts*. Bern: Peter Land, 2017. P. 139–174.

9. Belyakova M. English-Russian cross-linguistic comparison of research article abstracts in geosciences // *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*. 2017. №31. P. 27–45.
10. Cao Y., Xiao R. A multi-dimensional contrastive study of English abstracts by native and non-native writers // *Corpora*. 2013. Vol. 8(2). P. 209–234.
11. Day R.A., Gastel B. *How to Write and Publish a Scientific Paper*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 324 p.
12. Dontcheva-Navrátilová O. Authorial presence in academic discourse: Functions of author-reference pronouns // *Linguistica Pragensia*. 2013. Vol. 23. Iss. 1. P. 9–30.
13. Frigal E., Mustafa S.S. A comparison of U.S.-based and Iraqi English research article abstracts using corpora // *Journal of English for Academic Purposes*. 2017. Vol. 25. P. 45–57.
14. Hyland K. Authority and invisibility: authorial identity in academic writing // *Journal of Pragmatics*. 2002. Vol. 34. Iss. 8. P. 1091–1112.
15. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // *English for Specific Purposes*. 2001. Vol. 20. Iss. 3. P. 207–226.
16. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7. Iss. 2. P. 173–192.
17. Vassileva I. *Who is the Author? A Contrastive Analysis of Authorial Presence in English, German, French, Russian and Bulgarian Academic Discourse*. Sankt Augustin: Asgard, 2000. 142 p.
18. Yakhontova T. Cultural and disciplinary variation in academic discourse: The issue of influencing factors // *Journal of English for Academic Purposes*. 2006. Vol. 5. Iss. 2. P. 153–167.
19. Yakhontova T. 'Selling' or 'Telling'? The issue of cultural variation in research genre // *Academic Discourse* / Ed. J. Flowerdew. Harlow: Pearson Education, 2002. P. 216–232.
20. Yotimart D., Abd Aziz N.H. Authorial identity and linguistic features of native English and Thai writers in research articles // *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 2017. Vol. 25. Iss. 3. P. 1319–1334.

References

1. Barliaeva E.A. *Sredstva aktualizatsii avtora nauchnogo teksta (na materiale angliiskogo iazyka)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Means of authorial actualization in an academic text (based on the English language): Dr. dis.]. St Petersburg, 1993. 16 p.
2. Kolesnikova N.I. Chto vazhno znat' o iazyke i stile nauchnykh tekstov [What is important to know about the language and style of academic texts]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2010, no. 3, pp. 130–137.
3. Krapivkina O.A. Verbalizatsiia sub"ekta v akademicheskom diskurse [Subject verbalization in academic discourse]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science of Togliatti State University], 2015, no. 4(34), pp. 121–124.
4. Nefedov S.T. Avtoreferentsiia v nauchnom lingvisticheskom diskurse [Autoreference in scientific linguistic discourse]. *XLIII Mezhdunarodnaia filologicheskaia konferentsiia. Izbrannye trudy* [XLIII International philological conference. Selected proceedings]. St Petersburg, 2015, pp. 313–320.
5. Norman B.Iu. *Lingvisticheskaia pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavianskikh iazykov): kurs lektsii* [Linguistic pragmatics (based on Russian and other Slavic languages): lectures]. Minsk: BSU, 2009. 183 p.
6. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The utterance and its correspondence to reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka, 1985. 271 p.
7. Shchemeleva I.Iu. Mestoimeniia kak sredstvo peredachi avtorskoi pozitsii v angliiskom i russkom nauchnykh tekstakh [The role of pronouns in defining authorial stance in English and Rus-

- sian academic texts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9], 2013, iss. 4, pp. 143–153.
8. Akbas E., Hardman J. An exploratory study on authorial (in)visibility across postgraduate academic writing: Dilemma of developing a personal and/or impersonal authorial self. *Metadiscourse in Written Genres: Uncovering Textual and Interactional Aspects of Texts*. Bern: Peter Land, 2017, pp. 139–174.
  9. Belyakova M. English-Russian cross-linguistic comparison of research article abstracts in geosciences. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, 2017, no. 31, pp. 27–45.
  10. Cao Y., Xiao R. A multi-dimensional contrastive study of English abstracts by native and non-native writers. *Corpora*, 2013, vol. 8(2), pp. 209–234.
  11. Day R.A., Gastel B. *How to Write and Publish a Scientific Paper*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 324 p.
  12. Dontcheva-Navrátilová O. Authorial presence in academic discourse: Functions of author-reference pronouns. *Linguistica Pragensia*, 2013, vol. 23, iss. 1, pp. 9–30.
  13. Friginal E., Mustafa S.S. A comparison of U.S.-based and Iraqi English research article abstracts using corpora. *Journal of English for Academic Purposes*, 2017, vol. 25, pp. 45–57.
  14. Hyland K. Authority and invisibility: authorial identity in academic writing. *Journal of Pragmatics*, 2002, vol. 34, iss. 8, pp. 1091–1112.
  15. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles. *English for Specific Purposes*, 2001, vol. 20, iss. 3, pp. 207–226.
  16. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 2005, vol. 7, iss. 2, pp. 173–192.
  17. Vassileva I. *Who is the Author? A Contrastive Analysis of Authorial Presence in English, German, French, Russian and Bulgarian Academic Discourse*. Sankt Augustin: Asgard, 2000. 142 p.
  18. Yakhontova T. Cultural and disciplinary variation in academic discourse: The issue of influencing factors. *Journal of English for Academic Purposes*, 2006, vol. 5, iss. 2, pp. 153–167.
  19. Yakhontova T. ‘Selling’ or ‘Telling’? The issue of cultural variation in research genre. *Academic Discourse*; ed. J. Flowerdew. Harlow: Pearson Education, 2002, pp. 216–232.
  20. Yotimart D., Abd Aziz N.H. Authorial identity and linguistic features of native English and Thai writers in research articles. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 2017, vol. 25, iss. 3, pp. 1319–1334.

Для цитирования: Миколайчик М.В. Местоимения первого лица и другие средства самоупоминания в англоязычном научном экономическом дискурсе: корпусное исследование на материале англо-американских и российских аннотаций // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 90–99. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-10

For citation: Mikolaychik M.V. First person pronouns and other self-mention devices in English academic discourse: a corpus-based study of Anglo-American and Russian economics research article abstracts. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 90–99. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-10

Паутова Светлана Михайловна

Аспирант,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: svetiksmile89@yandex.ru

Pautova Svetlana Mikhailovna

Postgraduate student
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: svetiksmile89@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ КОДОВЫХ
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В РУССКО-
ЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ИХ
ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ
ЯЗЫК**

**THE MAIN FUNCTIONS
OF CODE-SWITCHING IN RUSSIAN
FICTION BOOKS AND THEIR
TRANSLATIONS INTO ENGLISH**

Аннотация. В статье рассматриваются основные прагматические функции переключений кодов в русскоязычных произведениях. Исследование проводится на материале современных русскоязычных романов В. Аксенова, Б. Акунина и В. Пелевина, а также их переводов на английский язык, выполненных британскими переводчиками. Анализ способов передачи переключений кодов (ПК) при переводе с одного языка на другой показал, что при переводе могут возникать определенные проблемы в том случае, когда матричный язык перевода совпадает с гостевым языком оригинала произведения.

Abstract. This article considers the main pragmatic functions of code-switching in modern Russian fiction books written by V. Aksenov, B. Akunin and V. Pelevin. The author compares these functions with their translations into English. As the result of our research we reveal certain difficulties in translating code-switching when the Matrix language of translation is identical to the Embedded language of the original work.

Ключевые слова: переключение кода (ПК), язык, гостевой язык, художественный билингвизм, двуязычная (билингвальная) коммуникация, перевод

Keywords: code-switching, the Matrix language, the Embedded language, bilingualism in fiction, bilingual communication, translation

---

Введение

Переключения кодов (ПК) являются одним из следствий языковых и культурных контактов как в глобальном пространстве, так и в межличностных отношениях, что находит отражение и в художественных произведениях. ПК представляют значительный интерес и для современных лингвистических исследований.

Цель данной работы – выявление прагматических функций ПК в трех романах: «В поисках грустного бэби» В. Аксенова, «Азazelь» Б. Акунина и «Generation П» В. Пелевина, а также сравнение с переводами этих явлений на английский язык.

В ходе анализа будут использоваться термины «матричный язык» (МЯ) и «гостевой язык» (ГЯ), которые отражают модель исследования кодовых переключений, разработанную американским лингвистом К. Майерс-Скоттон. Матричным языком

(Matrix Language) является язык, оформляющий высказывание с точки зрения морфологии и синтаксиса (принимающий язык). Гостевой язык (Embedded Language) – это источник иноязычных единиц в высказывании (принимаемый язык) [13, р. 243].

Основная часть

Кодовые переключения – одна из форм взаимодействия языков в процессе двуязычной коммуникации, устной или письменной. Двуязычная коммуникация (билингвизм) – речевое общение между коммуникантами, пользующимися разными языками. Проблематика двуязычия широко обсуждается в научной литературе последних лет. Расширяющиеся связи в различных сферах общественной жизни способствуют возникновению и развитию двуязычия и многоязычия индивида и общества. У. Вайнрайх определяет билингвизм как «практику попеременного пользования двумя языками, а лица, осуществляющие эту практику, называются двуязычными или билингвами» [4, с. 22].

Для того чтобы быть билингвом, важно обладать способностью говорить на двух или более языках [13, с. 3]. При изучении этого понятия необходимо принимать во внимание условия формирования билингвизма, такие как степень владения вторым языком, характер ситуации общения, устойчивость языковых контактов, степень различия между контактирующими языками.

Художественный билингвизм – это отражение билингвальной ситуации, сложившейся в обществе, авторами литературных произведений. Билингвальные авторы в своих произведениях часто используют кодовые переключения, наделяя персонажей билингвальностью. Речь персонажей художественных произведений моделирует реальную коммуникацию, однако исследование ее лингвистических особенностей может быть осложнено тем, что действительность передается через субъективную интерпретацию автора [5, с. 48]. В связи с этим есть разные мнения по поводу соотношения художественного текста и живой коммуникации. Мы считаем, что речь персонажей в достаточно значительной степени отражает особенности живой речи, поскольку задача автора – воссоздать в литературном произведении действительность, пусть и в интерпретации отдельного индивида (автора произведения). Поэтому, рассматривая билингвизм героев художественных произведений, можно придерживаться тех критериев, которые используются при анализе билингвальности реальных людей, однако при этом необходимо учитывать и особенности билингвизма авторов этих произведений.

Одной из основных форм двуязычной коммуникации является кодовое переключение (КП) / переключение кодов (ПК). По определению Г.Н. Чиршевой, «переключение кодов (ПК) – это специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы матричного языка» [10, с. 295].

Существует множество определений перевода, которые не всегда согласуются друг с другом. Это может быть объяснено тем, что теория перевода является относительно молодой наукой. Вопросами теории перевода занимались такие ученые, как А.В. Федоров (1983), В.Н. Комиссаров (1976) и др. А.В. Федоров определяет перевод как «речевое произведение в его соотношении с оригиналом и в связи с особенно-

стями двух языков и с принадлежностью материала к тем или иным жанровым категориям; перевод означает умение выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [8, с. 38]. В.Н. Комиссаров: «Перевод – это иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале; перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, в нем передается то же содержание средствами иного языка» [6, с. 37]. В результате перевода мы должны увидеть произведение, отражающее все особенности оригинала.

Чтобы дать определение перевода как процесса, мы должны исходить из того положения, что переводчик всегда имеет дело с текстом, устным или письменным. Согласно этой теории текст – это код. Создавая текст, автор кодирует в нем информацию. Читатель, воспринимая текст, эту информацию декодирует. Переводчик сначала выступает как читатель, то есть он декодирует авторский текст, а затем как автор кодирует полученную информацию средствами другого языка. Следовательно «перевод есть творческий процесс перекодирования информации с одного языка на другой» [3, с. 5].

Рассматривая основные функции ПК, мы будем опираться на классификацию Г.Н. Чиршевой, которая выделяет следующие функции:

- 1) адресатная функция реализуется в том случае, если адресату тоже привычно общаться и на том, и на другом языке;
- 2) эзотерическая функция (функция тайного кода) применяется тогда, когда участники разговора хотят, чтобы их не поняли окружающие;
- 3) предметно-тематическая проявляется тогда, когда говорящий забыл эквивалент данного понятия на родном языке, либо сам предмет речи связан с иностранным языком;
- 4) фатическая функция используется для поддержания контакта с собеседником с помощью ПК;
- 5) функция самоидентификации реализуется, когда говорящий намеренно хочет показать свое владение иностранным языком;
- 6) металингвистическая функция реализуется в использовании терминов из другого языка;
- 7) декоративная функция проявляется, когда говорящему кажется, что какое-либо слово или выражение будет на иностранном языке звучать красивее, чем на родном;
- 8) эмоциональная функция реализуется в том случае, если у говорящего не хватает слов на родном языке для выражения какой-либо эмоции;
- 9) функция воздействия применяется, когда необходимо вызвать у человека определенную реакцию, побудить к действию;
- 10) эмфатическая функция необходима для того, чтобы подчеркнуть самое главное в высказывании (рему);
- 11) функция экономии языковых средств реализуется, когда говорящий хочет сказать что-либо быстрее и короче [9, с. 37].

Далее рассмотрим наиболее часто встречающиеся функции ПК в художественных произведениях.

Ведущей функцией во всех трех произведениях является предметно-тематическая. Она проявляется, когда предмет речи связан с английским языком или когда говорящий забыл эквивалент данного предмета на родном языке.

Обращаясь к повести В. Аксенова «В поисках грустного бэби» необходимо отметить, что действие происходит в США, где автор работал преподавателем русской литературы в разных университетах. В произведении В. Аксенов отразил свои первые впечатления об Америке. Именно поэтому повесть изобилует большим количеством ПК, большинство из которых выполняют предметно-тематическую функцию:

«Они просто должны быть fit для президентства, вот в чем дело» [1, с. 141].

В романе Б. Акунина «Азазель» также большая часть ПК выполняет предметно-тематическую функцию, т.к. основным местом действия является Англия. Также в произведении присутствуют иностранные граждане, разговаривающие на своих родных языках. Отсюда возникает большое количество ПК на английском, немецком и французском языках:

«What's the matter, John? – раздался уже знакомый Фандорину звонкий голос» [2, с. 18].

«Я, Лизхен, всегда вам повторяла: Ordnung muss sein» [2, с. 14].

«Как поется в оперетке, elle ne pense qu'à exciter les hommes...» [2, с. 23].

Главный герой романа В. Пелевина «Generation П» работает в рекламном бизнесе. Его задача – придумывать необычные слоганы для разнообразных продуктов. Продукты, навязываемые СМИ, – это продукты иностранных компаний, которые чаще всего не переводятся на русский язык и являются ПК в русскоязычном тексте. Кроме того, главный герой упоминает произведения, которые читал в оригинале, поэтому дает их названия на английском:

«Один искусствовед в штатском от Кензо клялся Татарскому, что все темы, которых не коснулся Эл Райс, разобраны в Confessions of an Advertising Man» [7, с. 96].

Вторая по частотности функция в рассматриваемых произведениях – декоративная. Она проявляется, когда герой использует ПК на другой язык, желая приукрасить свое высказывание:

«... когда говорят о каком-нибудь районе «не совсем благополучная эриа»» [1, с. 108].

«Бог с вами, поезжайте в Лондон к вашей femme fatale» [2, с. 46].

«Там было много шикарных выражений вроде line extention, которые можно было вставлять в концепции и базары» [7, с. 42].

Эмфатическая функция стоит на третьем месте по частоте использования. Она реализуется, когда герой в своем высказывании хочет подчеркнуть самое главное (рему):

«Постоянно приходится сталкиваться с тем, что в американском языке с приятной точностью называется blockhead» [1, с. 66].

«Они не демоны и не боги, я зову их hero civilisateur» [2, с. 96].

«... хотя все предметы и свойства соотносятся через фикцию этого центра, называемую identity» [7, с. 183].

Остальные функции представлены в данных произведениях единичными случаями.

Далее обратимся к переводам произведений Б. Акунина «Азазель» и В. Пелевина «Generation П», выполненным британским переводчиком Э. Бромфилдом, и повести В. Аксенова «В поисках грустного бэби», переводчиками которого были М. Хайм и А. Боус, и проследим, удалось ли им сохранить ПК и их функции в переводах на английский язык.

Прежде всего обратимся к произведению В. Аксенова «В поисках грустного бэби»:

«... помню, как мы были поражены, увидев по ТВ рекламу фирмы, которая помогает гражданам находить получше *tax shelter*, то есть увиливать от налогов...» [1, с. 126]. – «... we wondered, when accounting firms advertise on TV their skills in finding *tax shelters*» [11, p. 105].

В данном примере гостевой язык оригинала совпал с матричным языком перевода, вследствие чего ПК слилось с текстом основного повествования. Так как главный герой повести «В поисках грустного бэби» по происхождению является русским, то при переводе данного произведения в некоторых случаях можно было бы заменить язык ПК на русский, например:

We wondered, when accounting firms advertise on TV their skills in finding so-called «*nalogovoe ubezishche*» to skip taxing. В данном случае фраза to skip taxing намекает англоязычному читателю на значение словосочетания «*nalogovoe ubezishche*». Таким образом, художественный билингвизм, присущий автору оригинала произведения, сохранился бы и в переводе. Однако из 169 ПК оригинала в переводе отражены лишь 6, например:

«... надо сказать, что русское понятие «хамство» с такой же относительностью передается английским словом *boorishness*, с какой американское понятие *privacy* объясняется советским оборотом «частная жизнь» [1, с. 103]. – Actually, «*boorishness*» does not quite bring across the Russian word I have in mind. That word is «*khamstvo*» [11, p. 88].

Далее рассмотрим два примера из произведения В. Пелевина «Generation П» и его перевод на английский язык:

«*Message* был очевиден даже идиоту» [7, с. 307]. – «*The message* was crystal clear even to a total cretin» [14, p. 252].

«А как *target group* нам нужны именно те, кто в Мерседесах...» [7, с. 260]. – «*And the target group* we need is all those guys in their Mercedes...» [14, p. 184].

Мы можем видеть, что ПК оригинала полностью слились с текстом основного повествования в переводе, т.к. матричный язык (МЯ) совпал с гостевым языком (ГЯ).

Из 70 ПК оригинала в тексте перевода не отражено ни одного. Можно сказать, что все ПК были потеряны, поэтому и их прагматические функции остались нереализованными в тексте перевода.

Обращаясь к произведению Б. Акунина «Азазель», можно отметить, что из 52 ПК, присутствующих в оригинале, в переводе отражено 38 (30 ПК на французском и немецком языках и 8 ПК – на английском):

«*Le dernier coup, messieurs!* – пронеслось в толпе» [2, с. 39]. – «*Le dernier coup, messieurs!* came a voice from the crowd» [12, p. 45].

«А вы двое, что вылупились? Берите его, кладите на стол. *Macht schnell!*» [2, с. 93] – «*What are you two doing standing there gawping? Take him and put him on the table. Macht schnell!*» [12, p. 106].

«Да тут собственно полнейшее недоразумение! – все не мог опомниться Фандорин. – *It's ridiculous! A complete misunderstanding!* [2, с. 18] – «*Really, this is all nothing but misunderstanding!* – said Fandorin, still struggling to collect his wits. He switched into English: *It's ridiculous, a complete misunderstanding!*» [12, p. 22].

Проанализировав роман Б. Акунина «Азазель», мы можем сделать вывод, что ПК на французском и немецком языках были полностью перенесены в текст перевода, чего нельзя сказать о ПК на английском языке, т.к. они совпали с МЯ перевода. В некоторых случаях переводчик сделал попытку компенсировать потерю, добавив

фразы «he switched into English» или «he responded in English», намекая на то, что произошла смена языка.

Выводы

Таким образом, передача ПК с одного языка на другой остается одной из важнейших проблем, если гостевой язык оригинала совпадает с матричным языком перевода.

В оригиналах проанализированных нами произведений было выявлено 291 ПК, в то время как в переводах присутствует лишь 44 ПК. Главной задачей переводчика является целостная и точная передача содержания оригинала со всеми стилистическими и экспрессивными особенностями. Однако в данных произведениях значительная часть ПК была потеряна, а это значит, что читатель перевода будет воспринимать речевые характеристики героев произведения в значительной степени иначе, чем читатель оригинала.

Для повышения эффективности передачи ПК в этом случае возможно применение следующих способов:

1. Транскрибировать ПК латинскими буквами и дать перевод (или намек на перевод) в тексте повествования: «В обществе принято даже щеголять русскими словечками... вставлять в разговор разные *mezhdu prochim* или *chudesno*» [1, с. 80]. Данное предложение можно было перевести следующим образом: *In society it's common to use different Russian words... like mezhdu prochim (instead of by the way) and chudesno (instead of wonderful).*

2. Оставить ПК на английском, но указать, что фраза была сказана на другом языке: «Это была крупная – значительно больше остальных, через все ворота – надпись флюоресцентной оранжевой краской: THIS GAME HAS NO NAME» [7, с. 82]. Вариант перевода данной фразы: *It was large inscription – formidable larger than others – stretching across the gates and written in fluorescent orange paint in English: THIS GAME HAS NO NAME.*

3. Если гостевой язык оригинала не совпадает с матричным языком перевода, можно перенести ПК без изменений, в отдельных случаях дав перевод в сноске внизу страницы.

Литература

1. Аксенов В. В поисках грустного бэби. М.: Эксмо, 2010. 531 с.
2. Акунин Б. Азазель. М.: Эксмо, 2015. 101 с.
3. Белякова Е.И. Переводим с английского. СПб., 2003. 160 с.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
5. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / под ред. П.П. Шубы. Минск, 1990. 175 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
7. Пелевин В. Generation «П». М.: Эксмо, 2013. 504 с.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2003. 416 с.
9. Чиршева Г.Н. Двуязычная коммуникация. Череповец, 2004. 193 с.
10. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 488 с.

11. Aksyonov V. *In Search of Melancholy Baby*. New York: Random House, 1987. 227 p.
12. Akunin B. *The Winter Queen* / Translation Copyright Andrew Bromfield. Random House, 1998. 116 p.
13. Myers-Scotton C. *Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism*. Malden (MA): Blackwell Publishing, 2006. 473 p.
14. Pelevin V. *Babylon* / Translation Copyright Andrew Bromfield. FABER AND FABER, 2000. 324 p.

References

1. Aksenov V. *V poiskah grustnogo bebi* [In search of melancholy baby]. Moscow, 2010. 531 p.
2. Akunin B. *Azazel'* [Azazel]. Moscow, 2015. 101 p.
3. Belyakova E. I. *Perevodim s anglijskogo* [Translate from English]. St Petersburg, 2003. 160 p.
4. Vajnrakh U. *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: state and problems of the studying]. Kiev, 1979. 263 p.
5. Giruckij A.A. *Belorussko-russkij hudozhestvennyj bilingvizm: tipologiya i istoriya, yazykovye processy* [Belarusian-Russian artistic bilingualism: typology and history, language processes]. Minsk, 1990. 175 p.
6. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, 1990. 253 p.
7. Pelevin V. *Generation «P»* [Generation «P»]. Moscow, 2013. 504 p.
8. Fedorov A.V. *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. Moscow, 2003. 416 p.
9. Chirsheva G.N. *Dvuyazychnaya kommunikaciya* [Bilingual communication]. Cherepovets, 2004. 193 p.
10. Chirsheva G.N. *Detskij bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvuh yazykov* [Children's bilingualism: simultaneous mastering of two languages]. St Petersburg, 2012. 488 p.
11. Aksyonov V. *In Search of Melancholy Baby*. Random House, New York, 1987. 227 p.
12. Akunin B. *The Winter Queen* / Translation Copyright Andrew Bromfield. Random House, 1998. 116 p.
13. Myers-Scotton C. *Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism*. Malden (MA): Blackwell Publishing, 2006. 473 p.
14. Pelevin V. *Babylon* / Translation Copyright Andrew Bromfield. FABER AND FABER, 2000. 324 p.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Г.Н. Чиршевой.

Для цитирования: Паутова С.М. Основные функции кодовых переключений в русскоязычных произведениях и их переводах на английский язык // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 100–106. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-11

For citation: Pautova S.M. The main functions of code-switching in Russian fiction books and their translations into English. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 100–106. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-11

Свойкина Людмила Федоровна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)
E-mail: svoykina@bsu.edu.ru

Svoykina Lyudmila Fyodorovna

PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)
E-mail: svoykina@bsu.edu.ru

Фуникова Светлана Васильевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)
E-mail: funikova.s@mail.ru

Funikova Svetlana Vasilevna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)
E-mail: funikova.s@mail.ru

Щербакова Наталья Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)
E-mail: sherbakova@bsu.edu.ru

Shcherbakova Natalia Viktorovna

PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)
E-mail: sherbakova@bsu.edu.ru

**СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ
В ГОРОДСКОМ ТРАНСПОРТЕ**

**THE SPECIFICITY OF
COMMUNICATION IN PUBLIC
TRANSPORT**

Аннотация. В статье описывается микро-социум с точки зрения его типичных речевых характеристик, отражающих как общие процессы, происходящие в обществе, так и конкретные речевые формы, отличающиеся территориально, создающие определенное своеобразие речевого поведения в той или иной местности.

Abstract. The article describes micro-social medium from the perspective of its typical speech characteristics reflecting both the general processes the take place in society and the specific speech forms that differ geographically and create a certain peculiarity of verbal behavior in a particular locality.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникатив, городской транспорт, специфика разговорной речи, типичные ситуации, диалогическое общение, вежливость

Keywords: communication, communicative, urban transport, the specificity of spoken language, a typical situation, dialogic communication, courtesy

Введение

Исследование того микросоциума, в котором мы находимся, с точки зрения его типичных речевых характеристик представляется актуальным, поскольку отражает как общие процессы, происходящие в обществе, так и конкретные речевые формы, отличающиеся территориально, создающие определенное своеобразие речевого поведения в той или иной местности. Отсюда вытекает цель нашей статьи – установить

общие тенденции социальной коммуникации в сферах общественного транспорта г. Белгорода. Эта цель требует решения ряда частных задач:

1. Отбор и запись речевого материала.
2. Изучение литературы по проблемам социальной коммуникации.
3. Классификация собранного языкового материала, его анализ с социолингвистической точки зрения в аспекте того, какие тенденции – позитивные или негативные – преобладают, какие речевые стратегии и тактики реально используются в данной сфере коммуникации.

Объектом исследования в рецензируемой статье являются тексты, размещенные снаружи или внутри маршрутных такси и обращенные к пассажирам города Белгорода.

Материалом для статьи послужили записи русской разговорной речи в общественном транспорте г. Белгорода, так как они оказались очень интересными авторам. В соответствии с задачами статьи нами было отобрано около 300 карточек, содержащих языковой материал, который отражает все уровни языка.

В процессе работы мы пользовались следующими методами исследования: описательный, метод контекстуального наблюдения и количественной оценки выявленных фактов, сравнение и сопоставление, приемы классификации, обобщения, дифференциации.

Нужно отметить, что, будучи неотъемлемой характеристикой живого непосредственного спонтанного диалогического общения, коммуникативы выражают одно из главных свойств человеческой психики – способность реагировать на различные внешние и внутренние элементы ситуации общения. Коммуникативы представляют собой ту область лингвистики, которая тесно связана с человеком, личностью, то есть исследование коммуникативов является антропоцентричным по своей сути. Разговорная речь неоднократно становилась предметом исследований лингвистов (Н.Д. Арутюнова, Р.М. Блакар, О.Я. Гойхман, Т.А. Гридина, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Л.С. Ковтун, В.Г. Костомаров, Н.И. Формановская, Е.Н. Ширяева и др.). В настоящей работе выявляются факторы, определяющие частоту употребления коммуникативов вообще и их отдельных форм и конструкций. Мы предлагаем широкую трактовку коммуникативов, включив в этот класс синтаксические единицы, фатические и информативные средства, выраженные с помощью релятивов и выполняющие функцию реакции.

Основная часть

Потребности выражения субъективного отношения к действительности и воздействия на психику (мысли, чувства, волю и поведение людей) посредством выражения эмоций, эмоциональной оценки, эстетической оценки, побуждения посредством придания особой выразительной силы (экспрессии) языковым средствам, а также потребность установления контакта порождают разновидности прагматической функции: эмоциональную, эмоционально-оценочную, эстетическую, побудительную, экспрессивную и контактоустанавливающую (фатическую), которые направлены на регуляцию поведения человека.

Побудительная функция предназначена для побуждения адресата с помощью языковых средств к тому или иному действию или поведению. Суть эмоциональной

функции заключается в оказании воздействия на поведение адресата с помощью языковых средств для выражения эмоций, чувств и т.п.

Под экспрессивной функцией понимается предназначенность языковых средств для воздействия на психику и поведение адресата посредством таких выразительно-изобразительных качеств, как образность, интенсивность (обозначаемого признака, действия), новизна («свежесть») и др.

Эстетическая функция обозначает предназначенность языка для удовлетворения потребностей эстетического мышления, отражения его результатов – эстетических оценок – воздействие на эстетические оценочные установки (эстетическое чувство) адресата и посредством этого – на его поведение.

Под термином контактная (контактоустанавливающая, фатическая) функция предлагается понимать предназначенность языковых средств для установления и поддержания социально-массового и индивидуального контакта, в известной мере определяющего поведение адресата. Вслед за Л.А. Киселевой мы трактуем понятие «контакт» как установление, сохранение или укрепление, поддержание связей и отношений индивидуальных или социально-массовых (в малых и больших социальных группах), многообразных, но сводимых в некоторые типы отношений, среди которых наиболее отчетливо выделяются такие полярные разновидности, как: 1) установление, сохранение и укрепление дружеских отношений; 2) установление и поддержание официально-вежливых отношений [5].

Мы считаем, что любой речевой акт непосредственно или опосредованно как по времени, так и по масштабу нацелен на достижение какого-либо результата. Известно, что помимо устных форм вербальных сигналов речи можно выделить и многочисленные письменные способы общения между людьми (надписи, таблички, объявления, шуточные заявления и рекомендации, а иногда и прямое руководство к действию, которые включаются в сферу социальной коммуникации, в том числе и городской). Мы вслед за М.В. Китайгородской будем называть их малыми жанрами современного городского фольклора.

Рассмотрим подробнее одну из самых ярких сфер функционирования письменных регулятивных текстов, представленных в сфере городского транспорта, где мы находим широкий спектр различных способов общения с пассажирами посредством небольших табличек, объявлений, замечаний, советов, указаний и т.п.

Отметим, что социальное общение всегда предполагает ту или иную ролевую ответственность, речевое поведение, напрямую связанное с ролевым поведением. Здесь важно учитывать, прежде всего, постоянные признаки: пол, возраст, место жительства, степень образованности, профессию, положение на работе и в семье [14]. К ним добавляются те, которые в социологии называют переменными, ситуативными ролями. Их мы также исполняем каждодневно: пешеход, пассажир, покупатель, водитель.

Частный городской транспорт (маршрутное такси) выполняет для водителя определенные социальные функции: это и место работы, и «дом на колесах». Поэтому каждый стремится сделать свое рабочее место максимально комфортным, даже уютным. Абсолютное большинство маршрутных такси в нашем городе имеют почти все атрибуты «настоящего жилища»: сиденья обтянуты мягким кожмитом, на окнах шторы (самых разнообразных тканей и расцветок, иногда с рюшами или бахромой).

Маленький «салон» водителя часто украшен искусственными цветами или гирляндами, календарями, значками, вымпелами и мягкими игрушками. Часто звучит музыка, именно та, которая нравится водителю. Наконец, следуя традиции, водитель укрепляет на панели управления небольшую икону, иногда не одну – создает своеобразный «красный угол». Итак, водитель – «хозяин дома на колесах». И он оказывает нам услугу: за деньги предоставляет возможность воспользоваться его личным пространством. При этом пассажиры оказываются в неравном с водителем положении. Полноценный диалог не предполагается, так как нарушается паритет его участников и уважение к каждому из них. В связи с этим усложняется социальная роль водителя: он не просто человек, выполняющий определенную функцию, он имеет право диктовать свои условия. Именно водитель предлагает правила поведения, иногда непосредственно, устно, а иногда – опосредованно, с помощью расклеенных по салону указаний и комментариев.

Выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, предполагает тот или иной иллюкутивный эффект, воздействует на получателя. Даже если отправитель старается «выражаться объективно», видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом. Эта присущая языку и пользующемуся языком человеку способность к структурированию и воздействию и есть как раз то, что мы имеем в виду, опираясь на положение, что «язык есть инструмент социальной власти». Мы намеренно воспользовались понятием власти, чтобы подчеркнуть тот аспект коммуникации и использования языка, который часто оставляют без внимания [12].

На примерах письменных текстов мы рассмотрим способы осуществления вербального воздействия на получателя информации (пассажир маршрутного такси).

Языковой материал мы разделим на несколько групп: прескриптивные тексты (объявления, указания); тексты, направленные на установление контакта, на игру, балагурство, и тексты-комментарии или несущие прагматическую информацию.

Общее значение побуждения объединяет самые различные речевые акты, такие как приказ, совет, разрешение, просьба и т.д. Для некоторых разновидностей побуждения в языке может быть выбран свой, особый, «стандартный» способ выражения [13].

Проиллюстрируем примерами. Часто расположение объявлений имеет неслучайный характер. На двери снаружи: *Всегда есть свободные места*. Та же мысль может выражаться по-другому: *Стоячих мест немеряно!!!* (орфография оригинала сохранена) – этот вариант отличается стилиевой окрашенностью. Если в первом случае сообщение стилистически нейтрально, то во втором примере явно эксплуатируется стилистически сниженная, близкая к просторечию лексика (*стоячие места, немеряно!!!*).

Большинство надписей в совокупности представляют собой свод правил, своеобразный кодекс поведения, прежде всего, пассажиров. Можно выделить группу объявлений, носящих инструктивный характер и выполняющих побудительную прагматическую функцию. Например: *Уважаемые пассажиры!!! Убедительная просьба:*

- мороженое и конфеты есть с оберткой
- фрукты есть вместе со шкуркой и огрызками
- пиво и водку пить вместе с бутылкой

Заранее благодарим (пунктуация оригинала сохранена).

Следует отметить, что вежливое обращение *Уважаемые пассажиры* встречается крайне редко. Единственный случай употребления данной формулы нам встретился в приведенном контексте. Разговорная лексика в этом примере создает комический эффект и показывает пренебрежительное отношение к адресату. В тексте прослеживается явный императив, выраженный формой инфинитива, а это самая категоричная форма повелительного наклонения – приказ.

Мы обратили внимание, что часто за внешним проявлением юмора и доброжелательности скрывается грубость и даже агрессия. Небольшая дистанция между водителем и пассажирами проявляется наиболее часто в форме глагола повелительного наклонения не множественного, а единственного числа, ощущение некоторой грубости и фамильярности несколько стирается за счет установки на шутку: *За спасибо – спасибо. А за проезд – плати; Тише скажешь – дальше проедешь*. Второй пример формально напоминает пословицу, возможно, подобные высказывания претендуют на статус «крылатых выражений».

Встречаются примеры со стилистически нейтральной лексикой, но, тем не менее, содержащие оттенки угрозы: *Во избежание тяжелых травм крепко держитесь за поручни, а главное, своевременно оплачивайте проезд*. Клише официально-делового стиля *во избежание* придает объявлению облик вежливого предупреждения, но за этим внешне нейтральным посланием явно просматривается угроза. В некоторых примерах довольно трудно отыскать шутливые или просто вежливые мотивы и установку на доброжелательность: *Денег нет – иди пешком* – звучит достаточно грубо. А в следующих примерах явно чувствуется скрытая угроза: *Не обижай водителя!* (а не то...); *Не говори мне, как ехать, а я не скажу, куда тебе идти*. Последнее объявление-совет – яркий пример эвфемизации, то есть смягчение выражения, замена того, что кажется говорящему грубым или неприличным. Эвфемизированная фраза скрывает грубое просторечие: «...не скажу куда тебе идти» – «не пошлю». Формально нейтральное высказывание содержит откровенно оскорбительный смысл.

Также обращает на себя внимание одна из самых суровых инструкций, содержащих категорический приказ, звучащий следующим образом: *Говорить – тихо, просить – скромно, платить – четко, выходить – быстро*. В этой ситуации водитель присваивает право приказывать. Синтаксический параллелизм усиливает экспрессивность высказывания. Все предложения построены однотипно – инфинитивные, выражающие категоричность. В них отсутствует обозначение лиц, которым адресуется приказ, так что побуждение в них сближается с категорическим долженствованием.

Во всех перечисленных примерах наблюдаются «ты»-обращения и императивные формы глагола в единственном числе. Очевидно, что водитель старается сократить необходимую социальную дистанцию.

Все приведенные нами примеры ярко иллюстрируют некооперативные речевые стратегии. Организатор коммуникации (водитель) нарушает правила речевого общения: доброжелательности, вежливости, сотрудничества, тексты объявлений выражают насмешку, проявления агрессии (скрытой и явной), злобы. В соответствии со стратегиями выбираются речевые тактики. Например, тактика контраста: *Не говори мне, как ехать, а я не скажу, куда тебе идти; Быстро поедешь – медленно понесут;*

апелляция к авторитету: *Думай – не думай, сиди – не сиди, будь хоть ПУТИН – проезд оплаты!*; отказ в услуге: *Без денег не входить!* Прескриптивные тексты, отражающие категорическую модальность, призваны направлять поведение адресата-пассажира. За официальным посланием кроется жестокая прагматическая установка на определенную модель поведения.

Можно выделить следующую группу примеров, которые относятся к текстам шуточного, игрового характера, цель которых – балагурство, установление неформального контакта с пассажирами. Подобные тексты выполняют эмоциональную и контактоустанавливающую прагматическую функцию. Например: *А зовут меня Славик!* Иногда встречаются примеры, представляющие водителя как человека, который просто вынужден брать деньги за услуги, но оплата минимальна, что подчеркивается использованием диминутива: *Проезд всего 15 рубликов.*

Еще один пример, в котором водитель открыто просит прощения: *Извини, браток, такая работа!* Но это звучит фамильярно из-за стилистики сниженного слова «браток», относящегося к обиходно-бытовому просторечию, и «ты»-обращению.

Встречаются и объявления, претендующие на остроумие: *Друзья, знакомые и родственники обслуживаются по двойному тарифу и в последнюю очередь.* В этом тексте большинство лексем стилистически нейтральны. Профессионализм «тариф» придает сообщению официальность, как и страдательный залог глагола.

Водитель считает себя вправе делиться с пассажирами и своим жизненным опытом, советовать: *Тише едешь – больше снимешь.* Формально это пословица: одноставное обобщенно-личное предложение. Но привлекательность «народной мудрости» снижается грубо – просторечным *снимешь.*

Приведенные примеры могут служить характеристикой неуклюжей кооперативной речевой стратегии. Содержание таких объявлений более доброжелательное, очевидно желание общения. Замечается открытое обращение к адресату, хотя довольно фамильярное (*браток*).

И последняя группа примеров, иллюстрирующих тексты, которые содержат информацию, комментарии или совет. Эта группа выполняет контактоустанавливающую, а также экспрессивную прагматическую функцию.

Приведем несколько примеров. В ряде случаев водитель шуточно информирует пассажиров: *Огнетушитель, аптечка, руль и педали находятся у водителя* или: *Дверью не трясись, не груши! Яблоко не упадет!*; *Остановок «туда» и «здесь» на маршруте нет* (очевидно, передразнивая некоторых не совсем грамотных представителей городского населения); использует «черный юмор»: *Аттракцион «Маршрутное такси». 20 минут страха – и вы уже дома.* Это сообщение выглядит, как приглашение развлечься. А вот более открытое предупреждение об опасности: *Держитесь за поручни, дорога непредсказуема.* В этом примере просматривается забота водителя о своих пассажирах.

Предлагая свою философию, водитель призывает разделить ее с ним: *Когда на меня находит желание работать, я принимаю эту позу, молча сижу и жду, когда пройдет эта напасть* (под изображением обезьяны в позе лотоса). Просторечное *напасть* стирает границы и сокращает социальную дистанцию. Надпись на заднем стекле автомобиля гласит: *Этот зад дорого стоит.* Водитель предупреждает: в случае дорожно-транспортного происшествия расплата будет суровой. Лексема *зад*,

относящаяся к грубо-просторечным, придает агрессивный характер всему сообщению. Иногда встречаются такого рода примеры: рядом с номерным знаком табличка с именем *Леха* (а также *Колян*, *Димон*). Можно понять, когда мужчину так называют в достаточно узком кругу семьи или друзей, но социально неприемлемо, когда взрослый человек именно таким образом, в такой форме представляет себя окружающим. Нельзя не вспомнить также и о своеобразии обращений друг к другу в криминальной среде (*Вован* и т.п.).

Все эти просторечные, иногда грубые формы позволяют провести параллель с результатами исследования речевого поведения подростков. В силу того, что эта социальная группа находится в процессе психического и культурного становления, она обладает определенной субкультурой.

Механизмы воздействия малых жанров современного фольклора во многом соответствуют той характеристике, которую В.П. Белянин дает подростковой субкультуре: «Говоря о подростковом подъязыке, следует отметить, что он достаточно распространен в среде взрослых. Если это не прием языковой игры, то, на наш взгляд, это – неразвитость сознания, определенная задержка в социальном развитии индивида. Иными словами, даже если это индикатор молодости, то одновременно это и индикатор неразвитости. Кроме того, это показатель общего невысокого состояния речевой культуры в обществе» [2].

Итак, можно сделать вывод, что водители городского транспорта, в частности, маршрутных такси и личных автомобилей, посредством наклеек, содержащих агрессивные, иногда оскорбительные заявления, советы или указания в приказном тоне, диктуют пассажирам не только определенный характер действий, но и настраивают на определенный эмоциональный психический лад. За шутливыми объявлениями проглядывает агрессия, неоправданная фамильярность и полное отсутствие уважения.

Мы приходим к выводу, что в речевом поведении коммуникантов в ситуации пользования общественным транспортом функционируют преимущественно некооперативные стратегии и соответствующие тактики. Довольно часто нарушается паритетность общения, что проявляется в доминировании одного из участников акта коммуникации над другими (в данном случае водителя над пассажирами маршрутного такси).

Собранный нами материал можно отнести к фразеологической сфере, однако в ряде случаев его трудно охарактеризовать более конкретно, чем острословие. Под остротой мы в данном случае понимаем выражение, претендующее на статус фразеологизма, но еще не получившее его или же находящееся на этапе фразеологизации («расхожие остроты») [9]. Вместе с тем остротой может быть и не выражение, а отдельное слово. В этом случае мы имеем дело с попыткой создания не фразеологической, а лексической единицы (часто семантическим способом). Попытки такого рода могут быть удачными или неудачными, закрепляться или угасать на стадии окказиональности, но в любом случае это одно из ярких проявлений жизни языка и неотъемлемое качество его разговорной разновидности.

В процессе изучения языкового материала мы убедились в том, что и для этой сферы функционирования языка характерно наличие компонентов, отражающих негативный настрой участников коммуникации по отношению друг к другу. Приведем

несколько примеров. Распространенный в разговорной речи г. Белгорода фразеологизм *плевать с высокой колокольни* (проявление высшей степени равнодушия) имеет аналог в разговорной речи г. Барнаула: *Плевал я на тебя с шестого этажа – нет, лучше с третьего: плевков лучше долетит*. Нейтральная лексика этих выражений не снимает негативного впечатления от смысла, который вкладывается в эти слова.

В значении *похмельный синдром, жажда после выпивки накануне* у омичей зафиксирована фразеологическая единица *сушняк долбит*. В Белгороде ей соответствует вариант *сушняк давит, трубы горят*. В обоих случаях присутствует просторечный элемент *сушняк*.

Рассмотрим несколько примеров, которые вряд ли можно отнести к фразеологизированным шутливым отзывам на те или иные расхожие бытовые фразы: *Кто там? – Сто грамм!* (этот пример зафиксирован в Барнауле и Омске).

Одним из самых распространенных жанров в данной сфере является шутливая угроза. Например, шутка, имеющая в основе своеобразную метатезу частей слов, словообразовательную игру: *Щас как режиком заножу!* Шутка, основанная на гиперболлизации силы пальцев угрожающего: *Два удара – восемь дырок!* (зафиксировано в северных городах). В Белгороде следующий вариант: *Не бойся ложки, бойся вилки: один удар – четыре дырки!*

Выводы

Итак, мы выявили, что в маршрутных такси Белгорода представлены самые разнообразные шуточные угрозы. Было приведено множество примеров, поэтому, не повторяя их, сделаем следующий вывод: шутливая угроза – один из самых устойчивых малых жанров социальной коммуникации. Очевидно, что общеупотребительным становится языковой материал, наполненный просторечной и грубопросторечной лексикой, ориентированной на отрицательное эмоциональное воздействие на адресата. Отмечается функционирование в разговорной речи откровенно грубых остроловцев.

Попытку носителей языка разнообразить свою речь различными остротами, фразеологизмами можно связать с понятием языковой игры, которая проявляется в установке на шутку, на игру слов, вне зависимости от смысла, который в них вкладывается.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. №1. С. 50–52.
2. Белянин В.П. Фразеология подростков как языковая субкультура // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 114–117.
3. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 90–108.
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
5. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: ЛГУ, 1978. 160 с.
6. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речевые одежды Москвы // Русская речь. 1994. №2–3. С. 50–53.
7. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

8. Ковтун Л.С. Из истории русской разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970. С. 15.
9. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971. 268 с.
10. Осипов Б.И., Егорова Т.И. Фразеологизмы и остроты в разговорной речи сибирских говоров (на материале Барнаула, Горно-Алтайска и Омска) // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 89–93.
11. Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
12. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
13. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 396 с.
14. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. 280 с.
15. Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

References

1. Arutyunova N.D. Dialogicheskaia zitaciia (k probleme chuzhoi rechi) [Dialogical citation of someone else's speech]. *Voprosy iazykoznanii* [Issues of linguistics], 1986, no. 1, pp. 50–52.
2. Belyanin V.P. Fraseologiya podrostkov kak iazykovaia subkul'tura [Phraseology of adolescents as a linguistic subculture]. *Fraseologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the culture context]. Moscow: Languages of Russian culture, 1999, pp. 114–117.
3. Blakar R.M. Iazyk kak instrument social'noi vlasti [Language as an instrument of social power]. *Iazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodeistviia* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, 1987, pp. 90–108.
4. Gridina T.A. Iazykovaia igra: stereotip i tvorchestvo [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg, 1996.
5. Kiseleva L.A. *Voprosy teorii rechevogo vozdeistviia* [Questions of speech influence theory]. Leningrad, 1978. 160 p.
6. Kitaigorodskaia M.V, Rozanova N.N. Rechevye odezhdy Moskvi [Speech clothes of Moscow]. *Russkaia rech* [Russian speech], 1994, no. 2–3, pp. 50–53.
7. Kitaigorodskaia M.V, Rozanova N.N. *Jazykovoie sushestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale jazyka Mosevy* [Language existence of a modern city-dweller: on the data of Moscow's language]. Moscow, 2010. 496 p.
8. Kovtun L.S. Iz istorii russkoi razgovornoj rechi [From the history of Russian spoken language]. *Russkaia razgovornaia rech* [Russian speaking]. Saratov, 1970, p. 15.
9. Kostomarov V.G. *Russkii iazyk na gazetnoi polose* [Russian language on the newspaper page]. Moscow, 1971. 268 p.
10. Osipov B.I., Egorova T.I. Fraseologizmy i ostroty v razgovornoj rechi sibirskih govorov (na materiale Barnaula, Gorno-Altayska i Omska) [Idioms and witticisms in speaking of the Siberian dialects (on the data of Barnaul, Gorno-Altaysk and Omsk)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 1999, no. 4, pp. 89–93.
11. Rozanova N.N. *Russkaia razgovornaia rech: Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian spoken language: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, 1983.
12. Formanovskaia N.I. *Rechevoie vzaimodeistviie: kommunikaziia i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, 2007. 480 p.
13. Formanovskaia N.I. *Rechevoie obshcheniie: kommunikativno-pragmaticheskii podhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow: Russian language, 2002. 396 p.

14. *Chelovecheskii faktor v iazyke: kommunikaciia, modal'nost', deiksis* [The human factor in language: Communication, modality, deixis]. Moscow, 1992. 280 p.

15. Shiryayev E.N. *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniia* [Culture of Russian speech and efficiency of communication]. Moscow, 1996. 457 p.

Для цитирования: *Свойкина Л.Ф., Фуникова С.В., Шербакова Н.В.* Специфика коммуникации в городском транспорте // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 107–116. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-12

For citation: *Svoykina L.F., Funikova S.V., Shcherbakova N.V.* The specificity of communication in public transport. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 107–116. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-12

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-13
УДК 81.1

© Чиршева Г.Н., Рябева М.И., 2018

Чиршева Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: chirsheva@mail.ru

Chirsheva Galina Nikolayevna

Doctor of Philology, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: chirsheva@mail.ru

Рябева Мария Ивановна

Преподаватель языковой студии «Yeschool»
(Череповец, Россия)
E-mail: ryabeva2014@yandex.ru

Ryabeva Maria Ivanovna

Teacher of language studio «Yeschool»
(Cherepovets, Russia)
E-mail: ryabeva2014@yandex.ru

**ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ
ПРИ ПОМОЩИ РИТОРИЧЕСКИХ
ВОПРОСОВ**

**EXPRESSION OF EMOTIONS
WITH RHETORICAL QUESTIONS**

Аннотация. Авторы рассматривают, как при помощи риторических вопросов выражаются эмоции в диалогической и монологической речи персонажей современных англоязычных и русскоязычных романов. Установлено, что как русские, так и английские риторические вопросы гораздо чаще выражают отрицательные эмоции, которые являются при этом более многочисленными и разнообразными, чем положительные.

Abstract. The article describes the expression of emotions with help of the rhetorical question in the speech (both dialogues and monologues) of characters of English and Russian modern novels. The authors have found out that both Russian and English rhetorical questions predominantly express negative emotions, which are more numerous and varied than positive ones.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, риторический вопрос, положительные эмоции, отрицательные эмоции

Keywords: indirect speech act, rhetorical question, positive emotions, negative emotions

Введение

Человеческое общение основано на эмоциях, которые являются показателем, характеризующим его личность. Среди языковых способов выражения эмоций выделяются лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и стилистические. Одним из синтаксических способов выражения эмоций являются риторические вопросы, так как они функционируют с целью привлечения внимания, усиления впечатления, повышения эмоционального тона общения. В художественных произведениях герои нередко используют риторические вопросы как прием эмоционально-психологического воздействия на собеседника.

В данной работе рассматривается выражение эмоций при помощи риторических вопросов на материале диалогической и монологической речи персонажей художественных произведений на английском и русском языках.

Материалом для исследования послужили 149 риторических вопросов, выбранных из трех романов современной ирландской писательницы Сесилии Ахерн (Cecelia Aherne): “P.S. I love you” (2004), “Thanks for the memories” (2008) и “The Book of Tomorrow” (2009), а также 298 риторических вопросов, извлеченных из трех романов современной русской писательницы Марии Вороновой: «Мой бедный богатый мужчина» (2016), «Ледяное сердце Северины» (2016) и «Любовь в режиме ожидания» (2017).

Основная часть

Риторический вопрос известен и широко употребляется еще со времен античности. Риторический вопрос – косвенный речевой акт: по форме он представляет собой вопрос, а по содержанию – сообщение, т.е. в рамках вопросительного предложения выражается утвердительное высказывание [2].

Главной особенностью риторического вопроса является то, что ответа от адресата не требуется, так как предполагается, что он его уже знает. Психологически появление риторических вопросов обусловлено желанием говорящего либо оказать эмоциональное воздействие на слушающего, либо выразить свое отношение к высказываемому [4]. Поэтому использование риторических вопросов характерно в первую очередь для эмоционально насыщенной коммуникации, при которой происходит спонтанная незапланированная естественная демонстрация эмоций как проявление внутреннего человеческого эмоционального состояния [3].

Мы придерживаемся концепции Е.Ю. Кильмухаметовой, согласно которой к риторическим вопросам относят:

- 1) собственно-риторические вопросительные предложения, которые включают в себя такие вопросы, которые посредством «обратной констатации» выражают суждение-ответ;
- 2) несобственно-риторические вопросы, которые включают в себя такие вопросно-ответные единства, где говорящий задает вопрос не для получения ответа; он сам обязательно отвечает на вопрос, чтобы привлечь внимание слушающего к своему сообщению; подобные вопросы часто встречаются в монологах, когда индивид размышляет по поводу какой-то серьезной проблемы;
- 3) игноративные риторические вопросы, к которым относятся такие вопросительные единства, которые слушающий воспринимает как вопрос и отвечает на него [2].

Среди эмоций обычно выделяют два типа – положительные и отрицательные. К положительным относятся радость, восторг, благодарность, ликование и т.д., к отрицательным эмоциям – горе, печаль, злоба, гнев и проч. Эмоции, которые выражены при помощи риторических вопросов, выбранных из диалогов и монологов современных романов англоязычного и русскоязычного писателей, мы также группируем в указанные два типа – положительные и отрицательные.

Выражение эмоций при помощи риторических вопросов может осуществляться с помощью вербальных и невербальных средств. К невербальным способам выражения можно отнести жесты, позы, тактильные прикосновения, взгляд и т.д. [1].

1. Выражение эмоций на английском языке

Отрицательные эмоции

Риторические вопросы, выражающие отрицательные эмоции, встречаются в произведениях С. Ахерн чаще, чем риторические вопросы, выражающие положительные эмоции. Так, в ее произведениях было выявлено 143 риторических вопроса, выражающих 12 отрицательных эмоций: растерянность, негодование, страх, отчаяние, сомнение, угрызение совести, недоверие, тревога, отвращение, досада, горе и злорада.

- Растерянность (26 %)

Which way to go? To my left was the house, behind me was the open gate leading to the main road, in front of me trees and to my right a small pathway that led into the darkness of the trees. I started walking down the main road. (“The Book of Tomorrow”, p. 41).

He wished me well and hung up. *What on earth was he talking about? If I didn't know what?* (“The Book of Tomorrow”, p. 319).

- Негодование (23 %)

I scrunched my eyes shut and wished that today had never happened. Why hadn't the dairy warned me? (“The Book of Tomorrow”, p. 308).

“What's wrong?”

“*What's wrong?*” *My eyes widened as I turned to him. I have a Barbie Village from when I was like, five, bigger than this at home.* (“The Book of Tomorrow”, p. 83).

- Сомнение (17 %)

Holly wasn't sure whether that was a question or not and didn't know what to say. *Did he want to hear about her personal life? He continued to look at her and she realised he was waiting for an answer.* (“P.S. I love you”, p. 313).

Was it possible that Gerry had kept his word and had written a list for her before he died? She had spent every minute of every day with him up until his death and had never even mentioned it, nor had she noticed any signs of him writing it. (“P.S. I love you”, p. 14).

- Отчаяние (12 %)

She so desperately wanted him back that she was imagining all kinds of crazy thing. He wouldn't have. Would he? (“P.S. I love you”, p. 14).

I inhale sharply. Tears spring in my eyes. *What did I expect? A phone call worthy of losing my baby? Something so urgent that I was right to rush for it? Would that somehow warrant my loss.* (“Thanks for the Memories”, p. 85).

- Страх (7 %)

I knew she was still outside the door. Listening, guarding, protecting or locking us in – I wasn't sure. What was she so afraid of? (“The Book of Tomorrow”, p. 136).

It was impossible. I compared the date on the top the date on my watch. It was dated tomorrow, Saturday. Today was Friday. My watch must have been wrong. I immediately thought about Rosaleen, how her eyes had run over the diary that morning. Was it she who had written it? She couldn't have. The diary had been safely stored under my bed. Feeling dizzy, I sat back down on the staircase and read the entry. My eyes jumping over the words manically, I had to go back a few times and start again. (“The Book of Tomorrow”, p. 143).

- Угрызение совести (4 %)

She picked it up and ran her hands over it. Who would know if she opened it early? Sharon and John had probably forgotten there was even an envelope for May, and Denise

was no doubt conked out after the stress of her two-day hangover. Holly could just as easily lie if they ever asked her, but then again they probably wouldn't even care. No one would know and no one would care. But that wasn't true. Gerry would know. ("P.S. I love you", p. 75).

Oh, why did they have to see her the one time she was happy? They could have come round to the house any day of the week to see her feelings so miserable and living the perfect grieving widow life. ("P.S. I love you", p. 370).

- Недоверие (3 %)

"You don't even know where you live?"

"You're a strange man who travels in a bus filled the books. **Do you think I'm going to tell you where I live?** I've heard about your kind," I said, walking away from the house and towards the bus. ("The Book of Tomorrow", p. 78).

I searched for any sign that I shouldn't tell him. **I listened out for tones – was he jesting me? Was he setting me up?** Was I on speaker phone in a room full of his hillbilly friends – you know, the kind of thing I would have done if some dork that had moved to my area gatecrashed my party and started spurring crap about a prophesying diary. ("The Book of Tomorrow", p. 260).

- Тревога (2 %)

Sharon and John seemed engrossed in a heated discussion, Abbey and Jack were gazing into each other's eyes like love-struck teenagers, as usual, Ciara was intent on getting to know Daniel better and Denise was... **Actually, where was Denise?** ("P.S. I love you", p. 126).

Holly held her breath; she was nervous now about what was going to appear. The truth terrified her. **After all, how drunk must they all have been to forget completely the events of that night?** ("P.S. I love you", p. 153).

- Злоба (1 %)

Holly hung up, feeling angry. **Had it completely slipped Denise's mind that Holly was still a grieving widow and that life just wasn't fun for her any more?** ("P.S. I love you", p. 272).

- Отвращение (1 %)

What can I do in Paris? Oh, I get it now. Ah. Eurodisney. Cool. ("The Book of Tomorrow", p. 130).

- Сарказм (1 %)

So between now and tomorrow evening I'd meet a Weseley. **Absolutely impossible. Was he going to climb up the wall of Fost Rosaleen to say hello to me?** ("The Book of Tomorrow", p. 183).

- Горе (1 %)

Lost your baby, Joyce, we did all we could... blood transfusion... **Who needs to remember something like that?** No one. Not me. ("Thanks for the Memories", p. 41).

Положительные эмоции

Риторические вопросы, выражающие положительные эмоции, встречаются в произведениях С. Ахерн с меньшей частотностью – выявлено лишь 7 риторических вопросов, которые выражают 2 положительные эмоции (приятное удивление и радость).

- Приятное удивление (86 %)

She walked up the path to the front door and stared at the garden curiously. Was it her imagination or did it look a little tidier? It was still a complete mess, with weeds and overgrown shrubs sprouting up everywhere, but something about it looked different. ("P.S. I love you", p. 195).

What, what, what...? Sharon demanded and leaned forward with excitement 'Did Gerry buy you a holiday?' ("P.S. I love you", p. 215).

- Радость (14 %)

"Oh, cool!" Holly's eyes widened with excitement. She glanced around and tried to spot someone who might be a record company person. What would they look like? It's not as they would be sitting in the corner with a notebook scribbling furiously. ("P.S. I love you", p. 71).

2. Выражение эмоций в произведениях на русском языке.

Отрицательные эмоции

Риторические вопросы, выражающие отрицательные эмоции, встречаются в произведениях М. Вороновой чаще, чем риторические вопросы, выражающие положительные эмоции. Было зафиксировано 244 риторических вопроса, выражающих 14 эмоций.

Среди отрицательных эмоций были выявлены следующие: негодование, сомнение, отчаяние, страх, растерянность, тревога, гнев, неприязнь, угрызение совести, ненависть, стыд, обида, сарказм и разочарование.

- Негодование (24 %)

И кто помогал молодой матери ухаживать за ребенком? Кто катал коляску в парке, пока Соня занималась хозяйством? Кто развешивал пеленки, потому что низкорослая Соня не доставала до веревок, и варил супы, слушая между делом простежки, чтобы не сказать глупые, рассуждения Сони о жизни? («Любовь в режиме ожидания», с. 78).

Выйдя из дома своего детства, Сотников вполголоса выругался. Почему в семье от него ждуют только плохого? Почему, даже добившись серьезных успехов, он остался для своих приемных родителей исчадием ада? Просто они живут, презируя и ненавидя весь мир за то, что там все устроено иначе, чем в их доме. («Любовь в режиме ожидания», с. 126).

- Сомнение (22 %)

Разве может такая красавица серьезно относиться к нему? («Любовь в режиме ожидания», с. 182).

Вернувшись в свою комнату, Сотников, не раздеваясь, рухнул на кровать и, закинув ноги на спинку, предался напряженным размышлениям. «Когда соберется!» А когда он соберется? Увольнительную ему, как хорошо успевающему и дисциплинированному курсанту, дадут хоть в ближайшие выходные. Но не будет ли это наглостью – явиться так скоро? Вряд ли Аня приехала потому, что сильно по нему соскучилась. Наверное, она просто его пожалела... И если он явится по первому зову, папа с дочкой переглянутся и решат, что он просто обнаглел. Пожалуй, он может откликнуться на приглашение через месяц. («Любовь в режиме ожидания», с. 132).

- Отчаяние (15 %)

*Вместо того он сблизился со взрослыми бомжами... Среди них были еще не до конца опустившиеся люди, с ними Витя выпивал и вел долгие разговоры за жизнь. После таких разговоров он часто просыпался ночью с колотящимся сердцем и пересохишим ртом и думал: **неужели теперь так будет всегда?** («Любовь в режиме ожидания», с. 42).*

*Как жестоко он наказ Аню! **И за что? За то, что она оказалась не такой, как он себе навообразил?** Ему захотелось ударить кулаком в стекло, чтобы оно осыпало его градом мелких осколков, порезаться, потерять так же много крови. Но сейчас он не имел права на отчаяние. («Любовь в режиме ожидания», с. 267).*

- Страх (8 %)

***Почему же ей так тревожно?** Даже рука, нарезающая сыр, мелко дрожит... Внезапно она поняла, чего боится: открывая дверь, она думала, что увидит Олега. А что, если он и правда заскочит сейчас на минуту и застанет у нее Валентина в час, малоподходящий для визитов посторонних мужчин? («Любовь в режиме ожидания», с. 334).*

*Затрезвонил мобильник. **«Неужели Валентин звонит сообщить, что праздник отменяется?»** – испугалась Лада. («Любовь в режиме ожидания», с. 118).*

- Растерянность (6 %)

*Оставшись с ребенком на руках, Валентин растерялся. **Круглосуточные ясли? Няня? Самому взять академку и сидеть с ребенком? На что в таком случае жить?** («Любовь в режиме ожидания», с. 79).*

*Витя терялся в догадках: **что случилось? Неужели она запоздало обиделась, что он уехал и оставил ее одну?** Но это так на нее не похоже! («Любовь в режиме ожидания», с. 279).*

- Тревога (5 %)

*Сумарокову не спалось, он перешел в кабинет, закурил. Появление в доме этого курсантика его растревожило. Он заметил, с какими лицами явилась парочка после похода к роднику. **Неужели целовались?** («Любовь в режиме ожидания», с. 156).*

*Сердце сжалось то ли от боли, то ли от дурного предчувствия. **Что это? Просто вышли подышать воздухом и заболтались? Ходили на интересное вскрытие и снова заболтались, обсуждая клинический случай? Зачем им гулять в таком отдаленном уголке?** («Ледяное сердце Севериной», с. 154).*

- Неприязнь (5 %)

*Диана поймала на себе взгляд Колдунова. Действительно, муж поставил ее в неловкое положение: **зачем упоминать первую жену в присутствии второй?** Она почувствовала странную, болезненную неприязнь к этой давно умершей женщине. («Мой бедный богатый мужчина», с. 162).*

*Странно, она никогда не была знакома с Севериной, но почему-то бизнес-леди вызывала в ней тоскливую неприязнь. **Может быть, она олицетворяла все то, чего не было в жизни Александры и теперь уже никогда не будет? Подсознательная зависть?** Как бы то ни было, если по телевизору начиналась ее программа или интервью, Александра сразу переключала канал. («Ледяное сердце Севериной», с. 113).*

- Гнев (4 %)

Неужели это Анна привезла консультанта для него? Больше всего ему хотелось спросить, куда Агриппина с этим профессором дели Анну. Но справившись с гневом, Витя понял: она не хочет, чтобы он знал о ее роли в этой консультации. («Любовь в режиме ожидания», с. 47).

– Я женюсь на ней!

– Женится он! – заорал Валентин. – **А меня ты спросил? Ты думаешь, я всю жизнь мечтал о таком зяте, да?**

– Папа! – Аня завернулась в одеяло и встала рядом с Витей. – Мы все равно поженемся, хочешь ты этого или нет. («Любовь в режиме ожидания», с. 215).

- Угрызение совести (3 %)

Александра вздохнула. Ее жизнь была слишком безмятежной и счастливой для реальности и слишком скучной для сказки. **Неужели она обокрала свою дочь? От этой мысли стало так грустно, что она едва не расплакалась.** («Ледяное сердце Северины», с. 70).

Она подумала о Кате. Странная ирония судьбы: именно в тот момент, когда у дочери сорвался прекрасный шанс сделать карьеру, мать неожиданно выходит из тени. **Получается, она заедает Катину жизнь? От этой мысли стало так тяжело, что Александра украдкой перекрестилась.** («Ледяное сердце Северины», с. 126).

- Ненависть (2 %)

Лада ненавидела Новый год. **И за что люди так почитают этот праздник? Все эти елочки, гирлянды на улицах и в витринах – целый декабрь народ не живет, а нетерпеливо дожидает огрызок года, наивно мечтая, что первого января что-то изменится, а ведь Новый год – это не новая жизнь.** («Любовь в режиме ожидания», с. 176).

Он испугался, заставил себя выйти на лестницу и добраться до чердачного окна, вернулся весь мокрый, с дрожащими коленками, будто разгрузил целую фуру. **Вот и все. А как ты хотел, Витенька? Думал, будешь бегать, прыгать, а потом раз, и все? Нет, придется помучаться. Сил ненавидеть себя не было, наступил какой-то странный, тупой покой, замешанный на унынии и сознании безысходности. Я был плохим человеком, никчемным и злым, так что все правильно...** («Любовь в режиме ожидания», с. 52).

- Стыд (2 %)

Какой позор! **А что будет, когда Аня вернется? Какой позор! Неужели и в присутствии дочери он будет страстно желать ее подругу?** («Любовь в режиме ожидания», с. 117).

Интересно, кем он меня считает? – мрачно гадала Диана, пытаясь унять сердцебиение и предательскую дрожь в руках. **Думает, что я Танина подруга? Или, может быть, торговый агент? Что за злосчастный я человек! Вместо того чтобы глядеть на него с высоко, я корчусь от стыда.** («Мой бедный богатый мужчина», с. 204).

- Обида (2 %)

– Стас, прости ...– начала она и попыталась обнять его, но он отвел руки. – **Я-то прошу, только что это изменит? Как я буду жить с тобой дальше, зная, что ты считаешь меня альфонсом?** («Мой бедный богатый мужчина», с. 8).

«Я позвоню тебе, если что», – пообещал он. «Если что? – чуть не крикнула она. – Если ты забудешь про Катю и вспомнишь о верной подруге, которая потратила на тебя лучшие годы жизни?» Разве такое возможно? («Любовь в режиме ожидания», с. 178).

- Сарказм (1 %)

Извольте, Диана, получите все, что заказывали, все, о чем мечтали: богатого мужа, загородный дом, кредитную карту, положение в обществе. Все по пунктам – кажется, вы больше ничего и не просили у судьбы? Пожалуйста, мечта ваша сбылась, а вы страдаете. Из-за чего, спрашивается? Ах, из-за отсутствия у вашего мужа любви к вам! То есть из-за такого пустяка, который вы даже не принимали в расчет? Очень печально, но это ваша проблема. («Мой бедный богатый мужчина», с. 145).

- Разочарование (1 %)

Десять лет, десять праздников, исполненных надежд, томительно-сладкого ожидания новой жизни и – одновременно – горечи разочарования: вот, прошел еще один год, и что изменилось? Время летит неумолимо, ждешь-ждешь чудесных перемен, и вдруг оказывается, что прошел целый год, ничего не сбылось и надо начинать надеяться заново... («Любовь в режиме ожидания», с. 118).

Положительные эмоции

Риторические вопросы, выражающие положительные эмоции, встречаются в произведениях М. Вороновой намного реже, чем отрицательные: 54 риторических вопроса, выражающих 7 эмоций (приятное удивление, уверенность, радость, нежность, сочувствие, благодарность, восторг, ликование, предвкушение, уважение).

- Удивление (35 %)

Валентин удивился. **Красная кровь – гемоглобин и эритроциты, признак кровотечения, белая кровь – лейкоциты, признак воспаления, а синяя?** С некоторым опозданием он сообразил, что таким образом травматолог назначил ему анализ крови на алкоголь – возможно, потому, что Валентин, не желая портить отношения с соседом, достаточно туманно изложил обстоятельства травмы. («Любовь в режиме ожидания», с. 111).

Странно, что он звонит. **Неужели забыл ключи?** Он никогда ничего не забывает и очень этим гордится... («Любовь в режиме ожидания», с. 334).

- Уверенность (18 %)

– Слушайте, да что вы примотались? Дайте сдохнуть спокойно уже!

– Видишь ли, мальчик, у меня пятеро детей. И я суеверно думаю, что если помогу какому-нибудь ребенку, то бог сжалится надо мной и поможет моим собственным детям. **Понимаешь?** А потом за годы воспитания детей я так накачал отцовские чувства, что произошел, как говорится в философии, переход количества в качество. («Любовь в режиме ожидания», с. 56).

Во фтизиатрии работают святые люди. Настоящие святые, без дураков. **Пашиут за одну зарплату, ибо кто у них основной контингент?** Бомжи и зэки. Но фтизиатры спасают их, прекрасно зная, что единственное, чем пациенты их награждают, – это какая-нибудь устойчивая форма *бациллы Коха*. Поэтому их мнению я доверяю безоговорочно. («Любовь в режиме ожидания», с. 14).

- Радость (17 %)

Душа обмирала от восторга, от осознания исполнившейся мечты, но тело осталось холодным, того райского наслаждения, о котором, закатывая глаза, говорили подружки, ей ощутить не удалось. Но какая разница, если Володя рядом? Вот он лежит, пристроив голову на ее плече, и другого рая ей не нужно. («Мой бедный богатый мужчина», с. 43).

С трудом сдерживая ликование, он прошелся по кухне. Разве он не заслужил свое счастье? Смерть жены, одиночество... Скоро Катя окончит школу, и он на ней женится. И сделает ее счастливой. («Любовь в режиме ожидания», с. 159).

- Нежность (13 %)

Мы обязательно поженимся и будем жить душа в душу, как мои родители. Я стану идеальной женой. Как говорит мама: чистый дом, вкусная еда и ласковая улыбка – что еще надо для счастья? («Мой бедный богатый мужчина», с. 35).

– Знаете, как тяжело вас видеть и знать, что я вам никто!

– Девочка моя... – Очень осторожно, боясь испугнуть, он обнял ее и привлек к себе. – Ну почему же ты мне – никто? Ты очень дорога мне... Но ты еще маленькая. Давай потерпим, а? («Любовь в режиме ожидания», с. 158).

- Сочувствие (9 %)

Ох, Анечка, если бы ты знала, сколько народу я проводила на тот свет и как мне всех их было жаль. Но есть вещи, которые мы не можем изменить. Знаешь, какая первая заповедь врача? Нельзя умирать с каждым больным. («Любовь в режиме ожидания», с. 11).

Бедная Оля! Неужели она не понимала, что такие отношения всегда обречены? Обычно женщина живет жизнью мужчины, но мужчина жизнью женщины – никогда. («Мой бедный богатый мужчина», с. 198).

- Благодарность (6 %)

А еще ты можешь явить чудо. – Витя улыбнулся. – Ты послал мне Аню, разве это не чудо? Спасибо тебе! («Любовь в режиме ожидания», с. 200).

И сегодня тоже было чудо. Разве мог я надеяться на такую встречу с родителями? Нет, это ты, господи, заставил их меня простить. («Любовь в режиме ожидания», с. 200).

- Уважение (2 %)

Наверное, учиться в академии очень сложно, да? Я бы ни за что не смогла. Но Ян Алексеевич считает, что вы очень умный. У меня тоже сейчас ответственный год, последний класс, папа говорит, надо напрячься перед экзаменами, а мне никак не собраться. («Любовь в режиме ожидания», с. 131).

Выводы

Выражение отрицательных и положительных эмоций при помощи риторических вопросов характерно для речи персонажей как английских, так и русских художественных произведений, что отражает типичность этого явления в повседневной коммуникации англоязычной и русскоязычной лингвокультур.

Количество эмоций, выраженных при помощи риторических вопросов в англоязычных и русскоязычных произведениях, практически не отличается: 12 и 14 соответственно.

Риторические вопросы чаще используются для того, чтобы выразить отрицательные эмоции, такие как негодование, растерянность, сомнение, отчаяние, страх, тревога, неприязнь, гнев, угрызение совести, ненависть, стыд, обида, сарказм, разочарование.

Положительные эмоции выражаются при помощи риторических вопросов значительно реже: в произведениях русскоязычного писателя – для передачи 7 эмоций (приятное удивление, уверенность, радость, нежность, сочувствие, благодарность и уважение), в произведениях англоязычного писателя – для передачи лишь двух эмоций (приятное удивление и восторг).

Литература

1. Ганина В.В., Карташкова Ф.И. Эмоции человека и невербальное поведение. Гендерный аспект // Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. 208 с.
2. Кильмухаметова Е.Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты // Гуманитарные науки. 2006. №4 (55). С. 77–82.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.

References

1. Ganina V.V., Kartashkova F.I. *Emocii cheloveka i neverbal'noe povedenie. Gendernyj aspekt* [Human emotions and non-verbal behaviour. Gender dimension]. Ivanovo, 2006. 208 p.
2. Kil'muhametova E.YU. Ritoricheskie voprosy kak kosvennye rechevye akty [Rhetorical questions as indirect speech acts]. *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian sciences], 2006, no. 4 (55), pp. 77–82.
3. Larina T.V. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikacii* [Courtesy and communication style]. Moscow, 2009. 512 p.
4. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu: Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij* [Statement and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, 2010. 296 p.

Для цитирования: Чиршева Г.Н., Рябева М.И. Выражение эмоций при помощи риторических вопросов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 117–126. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-13

For citation: Chirsheva G.N., Ryabeva M.I. Expression of emotions with rhetorical questions. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 117–126. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-13

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-14
УДК 811.133.1

© Шугаева Е.А., 2018

Шугаева Екатерина Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет
технологий и управления
(Москва, Россия)
E-mail: chougueva@mail.ru

Shugaeva Ekaterina Anatolyevna
PhD in Philology Sciences, Associate Professor,
Moscow State University
of Technologies and Management
(Moscow, Russia)
E-mail: chougueva@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО
ЯЗЫКА)**

**FEATURES OF INTERPRETATION
OF SPEECH ACTS OF WARNING
(ON THE MATERIAL OF THE
FRENCH LANGUAGE)**

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности интерпретации речевых актов предостережения в соответствии с подходами, предложенными французскими лингвистами. Отражаются особенности трактовки и разграничения буквального и косвенного значений во французской лингвистике. Проводится анализ интерпретации речевых актов предостережения на материале французского языка. Данный анализ позволяет выявить степень косвенности высказываний; причины, побудившие говорящего выбрать ту или иную степень косвенности высказывания; а также особенности интерпретации слушающим высказываний с разной степенью косвенности.

Abstract. This article deals with the features of interpretation of speech acts of warning according to the approaches proposed by French linguists. The features of treatment and differentiation of literal meaning and indirect meaning are described as they are treated in French linguistics. The analysis of interpretation of speech acts of warning is made on the material of the French language. This analysis permits to reveal the degree of utterances' indirection, the reasons that induced the speaker to choose one or the other degree of indirection of utterance, and the features of utterances' interpretation with a different degree of indirection.

Ключевые слова: речевой акт предостережения, интерпретация речевых актов, косвенный речевой акт, имплицитная информация, степень косвенности речевого акта

Keywords: speech act of warning, interpretation of speech acts, indirect speech act, implicit information, degree of indirection of speech act

Введение

В рамках коммуникативно-функциональной научной парадигмы язык рассматривается как средство деятельности субъекта для достижения своих коммуникативных целей. Речевой акт – это «минимальная основная единица речевого общения, в которой реализуется одна коммуникативная цель говорящего и оказывается воздействие на адресата» [1, с. 57]. Для успешной реализации коммуникативной цели говорящего и задуманного говорящим воздействия на слушающего необходима верная интерпретация высказывания слушающим. В этом заинтересованы и говорящий, и слушающий (за исключением некоторых случаев намеренного желая говорящего ос-

таться непонятым). Поэтому подразумевается, что говорящий прилагает усилия к тому, чтобы его высказывание было понятно слушающему, его коммуникативная цель была достигнута и задуманное воздействие на слушающего было оказано.

Целью речевых актов предостережения является стремление говорящего побудить слушающего совершить либо не совершать некоторое действие ввиду существования потенциальной опасности для слушающего. Предостережение также обладает следующими характеристиками: приоритетность говорящего, направленность на благо слушающего и необязательность выполнения. Данные отличительные особенности позволяют интерпретировать высказывание как предостережение.

Однако коммуникативная цель не всегда передается эксплицитно. В отличие от прямых речевых актов, в которых интенция говорящего выражена эксплицитно, при помощи определенных маркеров иллокутивной силы в пропозициональном содержании, в косвенных речевых актах «фраза, чей маркер иллокутивной силы указывает на определенную иллокутивную силу, в действительности используется с иной иллокутивной целью» [4, р. 62]. Следовательно, интерпретация подобных высказываний требует больше усилий слушающего.

В данной статье рассмотрим особенности трактовки и разграничения буквального и косвенного значений во французской лингвистике, а также процесс интерпретации речевых актов предостережения с разной степенью косвенности на материале французского языка.

Основная часть

Во французской лингвистике четкое разграничение буквального и небуквального значений не нашло распространения. Противопоставление прямых и косвенных речевых актов считается более или менее условным и теоретическим. Французский лингвист К. Кербрат-Орекьони говорит о «шкале конвенциональности» [6, р. 10], которая охватывает все возможные случаи, начиная от полной лексикализации смысла до подразумеваемого, проявляющегося исключительно в контексте.

Авторы теории релевантности Д. Спербер и Д. Уилсон [10] также отказываются от противопоставления буквального и косвенного значений и полагают, что «процесс интерпретации одинаков для буквальных высказываний и небуквальных» [Цит. по: 4, р. 133]. Интерпретация любого высказывания осуществляется с помощью двух типов процессов: лингвистических и прагматических. Лингвистическая интерпретация определяет логическую форму высказывания, выявляет эксплицитную информацию, дает доступ к пропозициональному содержанию. На втором этапе в процессе прагматической интерпретации высказывания анализируется имплицитная информация, извлекаемая из контекста. Полученные в ходе анализа высказывания заключения ведут к имплицитному выводу. Этот вывод заключается в «получении новой информации извлеченной из интерпретации высказывания в контексте, и не может быть извлечен ни из одного только высказывания, ни лишь из контекста» [4, р. 218].

Тем не менее, несмотря на отказ от противопоставления и строгого разграничения буквального и косвенного значений, между ними существует разница. Буквальное и косвенное значения могут быть определены «относительно мысли, которую хочет передать говорящий: в зависимости от степени сходства между этой мыслью и высказыванием» [9, р. 162]. В случае прямого речевого акта совпадают мысль гово-

рящего и пропозициональное содержание высказывания, посредством которого он стремится передать эту мысль слушающему. Если же мысль говорящего и пропозициональное содержание его высказывания имеют большее или меньшее сходство – это случай косвенного речевого акта. Прибегая к косвенному выражению мысли, говорящий производит высказывание, пропозиция которого имеет нечто общее с его мыслью, хотя бы одну общую контекстную импликацию. Сопоставление высказываний на предмет совпадения их пропозиционального содержания и мысли, которую говорящий намеревался передать слушающему, а также последующее сравнение объема имплицитной информации, содержащейся в высказываниях, позволяет определить степень косвенности высказываний.

Рассмотрим особенности интерпретации речевых актов предостережения при помощи проведения сопоставительного анализа, позволяющего определить степень косвенности высказываний.

Высказывание 1 адресовано женщиной, торгующей домашней птицей на рынке, девочке, захотевшей погладить гусыню.

(1) *N'y touche pas, mignonne, elle te pincerait!* [11, p. 67] 'Не трогай ее, милая, а то она тебя ущипнет' (Здесь и далее перевод автора статьи – *Е.Ш.*).

Мысль говорящего практически полностью совпадает с пропозицией высказывания, объем эксплицитной информации большой. При помощи глагола в отрицательной форме повелительного наклонения передается побуждение не совершать действие, нежелательное для слушающего (*N'y touche pas* 'Не трогай ее'). Также присутствует эксплицитная информация о потенциальной опасности, которая будет угрожать слушающему в случае невыполнения побуждения, исходящего от говорящего: гусыня ущипнет девочку (*elle te pincerait* 'а то она тебя ущипнет'). Благодаря знанию ситуации в процессе прагматической интерпретации осуществляется понимание наречия "у" ('ее') и местоимения "elle" ('она'), их соотнесение с конкретным объектом реальности – гусыней. В процессе интерпретации слушающий делает вывод, что говорящий заботится о его благе, сообщая ему информацию о нежелательном для совершения действия ввиду возможности негативного результата, то есть, что данное высказывание является предостережением.

В примере 2 женщина обращается к своему знакомому бездомному, сидящему на улице.

(2) *Vous devriez aller au foyer, il va faire froid cette nuit* [3, p. 123]. 'Вам бы следовало пойти в приют, ночью будет холодно'.

Мысль говорящего близка к пропозициональному содержанию высказывания. Однако действие, которое говорящий побуждает слушающего совершить, передается не при помощи повелительного наклонения, являющегося основным маркером директивных речевых актов, а при помощи конструкции «глагол *devoir* (быть должным) + инфинитив». Выбор данного способа выражения директивной интенции говорящего может быть объяснен требованиями вежливости, а также такой характеристикой речевого акта предостережения, как необязательность выполнения действия. Указание на потенциальную опасность присутствует, но оно имплицитно и распознается слушающим в процессе прагматической интерпретации: слушающий должен самостоятельно сделать вывод из переданной ему эксплицитной информации (*il va faire froid cette nuit* 'этой ночью будет холодно' – вывод: потенциальная опасность –

замерзнуть, если останешься сидеть на улице). По сравнению с предыдущим высказыванием (1), высказывание 2 обладает большей степенью косвенности.

Рассмотрим следующий пример (3).

(3) – *N'oubliez pas, ça fait grossir – dit-il en lui indiquant la quantité de frites dans son assiette* [7, p. 244]. '«Не забывай, от этого полнеют», – сказал он, указывая ей на количество жареной картошки в ее тарелке'.

Пропозициональное содержание высказывания имеет нечто общее с мыслью говорящего. Однако говорящий избегает эксплицитного упоминания нежелательного для слушающего действия, поскольку это было бы невежливо, грубо по отношению к слушающему. Поэтому вместо прямого выражения директивной интенции при помощи глагола в повелительном наклонении «Не ешь это» говорящий передает свою мысль более корректным способом: “*N'oubliez pas*” (‘Не забывай’). При соблюдении говорящим правил вежливости из эксплицитной формы высказывания можно вывести следующую пресуппозицию: слушающий знает, что есть подобную еду вредно, но временно забыл об этом. Вторая часть высказывания, которая содержит информацию о потенциальной опасности для слушающего (*ça fait grossir* ‘от этого полнеют’) близка к мысли говорящего, но выражена косвенно. Говорящий, следуя правилам вежливости, не указывает прямо, что потенциальная опасность угрожает непосредственно слушающему («ты от этого потолстеешь»), а использует безличную конструкцию. Интерпретация данного высказывания слушающим возможна благодаря общему знанию правил вежливости, а также благодаря близости мысли говорящего и пропозиционального содержания второй части высказывания. Таким образом, высказывание 3 содержит больше имплицитной информации, чем предыдущие примеры (1–2), поскольку близость мысли и пропозиции высказывания наблюдается только во второй части высказывания (указание на потенциальную опасность), а эксплицитное указание на нежелательное действие отсутствует.

Высказывание 4 принадлежит женщине-фармацевту, услышавшей от подруги о дорогом креме, купленном по очень низкой цене.

(4) *Non, mais à ce prix-là, c'est de la contrefaçon !* [5, p. 13]. 'Нет, за такую цену – это подделка!'.

В данном примере нет эксплицитного указания ни на действие, нежелательное для выполнения слушающим, ни на потенциальную опасность для слушающего. Следовательно, степень косвенности данного высказывания более высокая по сравнению с ранее рассмотренными высказываниями (1–3). Интерпретация данного высказывания слушающим в большей степени зависит от знания ситуации, которое позволяет слушающему предположить, какой могла бы быть мысль говорящего, поскольку мысль и пропозиция обязательно имеют хотя бы одну общую контекстную импликацию. Информация о том, что речь идет о дорогом креме по низкой цене, известна из контекста. В рассматриваемом высказывании (4) говорящий эксплицитно передает информацию, что вещь, о которой идет речь и цена которой упоминалась ранее, является подделкой. Слушающий обладает фоновыми знаниями о том, что подделка – это низкое качество и потенциальный вред для здоровья при использовании подобного продукта. Данные знания позволяют слушающему сделать заключение о том, что такой продукт не надо покупать (нежелательное для слушающего действие), потому что в результате можно нанести вред своему здоровью

(потенциальная опасность для слушающего). Таким образом, в процессе интерпретации слушающий может восстановить мысль говорящего: «Не покупай этот крем за такую цену – это подделка, которая может нанести вред твоему здоровью».

В следующем примере (5) молодой человек обращается к девушке, которая собирается сбежать с ним из дома.

(5) Julliette, c'est fini votre tranquillité [2, p. 105]. 'Жюльетта, Вашему покою конец'.

В данном высказывании нет эксплицитного указания на нежелательное действие, оно является очевидным для собеседников: это то, что девушка совершает, – сбегаёт из дома. Описание потенциальной опасности для слушающего передается эксплицитно. Однако этот пример наглядно показывает, что для полноценной интерпретации высказывания слушающим недостаточно одной лишь лингвистической интерпретации, дающей доступ к пропозициональному содержанию. Несмотря на эксплицитную передачу описания потенциальной опасности (конец спокойной жизни), полная интерпретация возможна только в случае знания ситуации, в результате прагматической интерпретации, следующей за лингвистической. Знание ситуации не только позволяет дополнить интерпретацию высказывания пониманием подразумеваемого нежелательного к совершению говорящим действия (сбежать из дома), но и ведет к интерпретации высказывания именно как предостережения, а не как, например, угрозы. Девушка знает, что молодой человек любит ее, боится за нее, чувствует угрызения совести за то, что разрушает ее спокойный образ жизни, подвергает ее опасности быть отвергнутой в обществе. Таким образом, в процессе лингвистической интерпретации доступна эксплицитная информация, которая заключается в сообщении о потенциальной опасности для слушающего. В процессе прагматической интерпретации слушающий делает выводы о том, чем может быть вызвана подобная потенциальная опасность, и о том, что говорящий заботится об интересах слушающего.

Высказывание 6 адресовано молодым человеком, лежащим в больнице, девушке, пришедшей его навестить и крепко его обнимающей.

(6) Carol-Ann, tu m'étouffes [8, p. 247]. 'Кэрол-Энн, ты душишь меня'.

Степень косвенности данного высказывания высокая, отсутствует эксплицитное указание нежелательного действия и потенциальной опасности. В результате лингвистической интерпретации слушающий анализирует эксплицитную информацию, которая заключается в описании говорящим факта, что слушающий его душит. Однако в процессе прагматической интерпретации слушающий восстанавливает мысль говорящего и приходит к следующим выводам. Передаваемое эксплицитно сообщение о том, что она его душит, понимаемое буквально, как описание окружающей реальности, не имеет смысла, следовательно, слушающий переходит к интерпретации данного высказывания как небуквального и на основе переданной ему эксплицитной информации приходит к выводу о негативном результате данных действий: слушающий может задушить молодого человека, следовательно, слушающему следует прекратить данное действие. В результате прагматической интерпретации высказывания слушающий восстанавливает предостережение говорящего: «Не души меня, иначе я задохнусь».

В примере 7 говорящим является мать девочки, о которой идет речь. Высказывание адресовано консьержке, к которой девочка хочет ходить в гости.

(7) Vous savez, Paloma est une petite fille très excentrique [3, p. 271]. 'Вы знаете, Палома – очень эксцентричная девочка'.

Степень косвенности данного высказывания наиболее высока. В результате лингвистической интерпретации слушающий получает доступ к пропозициональному содержанию – сообщению о том, что данная девочка является эксцентричной. В процессе прагматической интерпретации слушающий анализирует факты, известные благодаря знанию ситуации: эта девочка хочет прийти к слушающему в гости, говорящим является мать девочки, которая знает особенности своей дочери, в высказывании содержится информация об эксцентричности девочки, знание значения этого слова (парадоксальное поведение, не отвечающее правилам обыденной логики) приводит слушающего к выводу, что данная девочка может вести себе неожиданным образом, следовательно при общении с ней следует быть более внимательным и готовым к неожиданностям. Поскольку эта девочка придет в гости к слушающему, эта потенциальная опасность (столкнуться с необычным поведением девочки) относится к слушающему. Нежелательное для совершения слушающими действие не указано, и его невозможно точно сформулировать, говорящий полагается на фоновые знания слушающего о том, что следует делать и каких действий следует избегать при общении с эксцентричными людьми.

Проведенный анализ высказываний, имеющих разную степень совпадения мысли и пропозиции высказывания говорящего, показывает, что говорящий использует косвенное выражение своей мысли в тех случаях, когда это наиболее адекватный способ передать сообщение в зависимости от правил вежливости, а также в зависимости от уровня осведомленности слушающего о предмете общения. Говорящий выбирает наиболее уместную, релевантную форму. Всегда возможна буквальная перифраза, но она менее уместна. В частности, в рассмотренном примере 3 буквальная перифраза «Не ешь жареную картошку, ты потолстеешь» не деликатна, является грубым вмешательством в личные дела слушающего. В высказывании 4 информация о креме и его низкой цене была бы излишней, повторной – она уже упоминалась ранее в контексте, а сообщение о том, что подделка может нанести вред здоровью, является излишним, избыточным, поскольку слушающий изначально обладает данными фоновыми знаниями. В высказывании 5 сообщение о нежелательном действии со стороны слушающего (побег из дома) также было бы абсолютно излишним, поскольку очевидно в рамках ситуации высказывания.

Выводы

Интерпретация речевых актов заключается в следующем: в процессе лингвистической интерпретации выявляется эксплицитная информация; в процессе прагматической интерпретации анализируется имплицитная информация, извлекаемая из контекста. Слушающий на основании эксплицитной информации и благодаря знанию контекста, фоновым знаниям, знаниям правил вежливости и т.д. восстанавливает мысль говорящего, которую тот стремился ему передать посредством своего высказывания, и распознает намерение говорящего. В случае речевых актов предостережения слушающий в процессе интерпретации высказывания делает выводы о том,

что говорящий побуждает его совершить либо не совершать некоторое действие ввиду существования некоторой потенциальной опасности, что это побуждение направлено на его (слушающего) благо и что следование этому побуждению не является обязательным.

В зависимости от степени косвенности высказывания процессы лингвистической и прагматической интерпретации играют более или менее важную роль. В высказываниях, содержащих большой объем эксплицитной информации, в процессе прагматической интерпретации проясняются отдельные детали и благодаря знанию ситуации упоминаемые в высказывании объекты соотносятся с конкретными объектами действительности. В случае высказываний, имеющих более высокую степень косвенности, прагматическая интерпретация играет более важную роль, позволяя слушающему извлечь из ситуации имплицитную информацию, представить себе, какой могла бы быть мысль говорящего.

Прагматическая интерпретация может заключаться как в анализе небуквального значения эксплицитной информации, если ее буквальная трактовка не имеет смысла, так и в анализе контекста предыдущих высказываний, и в анализе ситуации в целом с учетом фоновых знаний слушающего.

Литература

1. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар, 2002. 140 с.
2. Anouilh J. *Le bal des voleurs*. Paris: Folio, 1973. 218 p.
3. Barbery M. *L'élégance du hérisson*. Paris: Gallimard, 2006. 368 p.
4. Bracops M. *Introduction à la pragmatique. Les théories fondatrices: actes de langage, pragmatique cognitive, pragmatique intégrée*. Bruxelles: Editions Duculot, 2010. 240 p.
5. Gavalda A. *L'Échappée belle*. Paris: Le Dilettante, 2009. 164 p.
6. Kerbrat-Orecchioni C. Où sont les actes de langage ? // *L'information grammaticale* №66. Paris, 1995. P. 5–12.
7. Le Varlet Br. *Le bel amour*. Paris: Editions Albin Michel, 1990. 322p.
8. Lévy M. *Vous revoir*. Paris: Robert Laffont, 2008. 352 p.
9. Reboul A., Moeschler J. *Pragmatique aujourd'hui: Une nouvelle science de communication*. Paris: Seuil, Points Essais, №371, 1998. 216 p.
10. Sperber D. Wilson D. *La pertinence. Communication et cognition*. Paris: Les Editions de minuit, 1989. 396 p.
11. Troyat H. Viou. Paris: Flammarion, 1993. 252 p.

References

1. Temirgazina Z.K. *Sovremennye teorii v otechestvennoi i zarubezhnoi lingvistike* [Modern theories in Russian and foreign linguistics]. Pavlodar, 2002. 140 p.
2. Anouilh J. *Le bal des voleurs*. Paris: Folio, 1973. 218 p.
3. Barbery M. *L'élégance du hérisson*. Paris: Gallimard, 2006. 368 p.
4. Bracops M. *Introduction à la pragmatique. Les théories fondatrices: actes de langage, pragmatique cognitive, pragmatique intégrée*. Bruxelles: Editions Duculot, 2010. 240 p.
5. Gavalda A. *L'Échappée belle*. Paris: Le Dilettante, 2009. 164 p.
6. Kerbrat-Orecchioni C. Où sont les actes de langage? *L'information grammaticale no.66*. Paris, 1995, pp. 5–12.

7. Le Varlet Br. *Le bel amour*. Paris: Editions Albin Michel, 1990. 322 p.
  8. Lévy M. *Vous revoir*. Paris: Robert Laffont, 2008. 352 p.
  9. Reboul A., Moeschler J. *Pragmatique aujourd'hui: Une nouvelle science de communication*. Paris: Seuil, Points Essais, no. 371, 1998. 216 p.
  10. Sperber D. Wilson D. *La pertinence. Communication et cognition*. Paris: Les Editions de minuit, 1989. 396 p.
  11. Troyat H. *Viou*. Paris: Flammarion, 1993. 252 p.
-

Для цитирования: Шугаева Е.А. Особенности интерпретации речевых актов предостережения (на материале французского языка) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 127–134. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-14

For citation: Shugaeva E.A. Features of interpretation of speech acts of warning (on the material of the French language). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 127–134. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-14

Эпштейн Ольга Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный
педагогический университет
(Оренбург, Россия)
E-mail: olgangleter@gmail.com

Epshtein Olga Viktorovna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor, Orenburg state
pedagogical university
(Orenburg, Russia)
E-mail: olgangleter@gmail.com

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В
ИГРОВЫХ AAA ПРОЕКТАХ**

**LEXICAL PORTAYAL
OF HISTORICAL TIME
AND SPACE IN AAA GAME
PROJECTS**

Аннотация. Статья посвящена изучению лексического отражения исторического времени и пространства в компьютерных AAA игровых проектах. Актуальность исследуемой проблемы подтверждается динамикой общественного развития на современном этапе и корректностью представления давно ушедших эпох для современного потребителя маркетингового продукта. В рассмотренных видеопроектах обнаружена комбинация хронотопов, случаи неадекватного выбора лексем, намеренные изменения пространственно-временных характеристик. Главной же особенностью лексического оформления исторических игровых проектов является доминирование лексических единиц, осуществляющих точную историческую пространственную и временную соотнесенность.

Abstract. The article discusses the lexical portrayal of historical time and space in AAA computer game projects. The given problem remains topical due to the dynamic current social development and correct depiction of distant times in the modern marketing product. The described computer video projects combine different chronotopes, reveal rare cases of incorrect use of words and intentional space-time changes. However, the main lexical peculiarity found in historical game projects is the dominating percentage of words correlating with the space-time frames of the depicted time.

Ключевые слова: историческое время и пространство, компьютерный игровой проект, хронотоп, лексическая единица, речевой жанр

Keywords: historical time and space, computer game project, chronotope, lexical unit, speech genre

Введение

В современном постоянно развивающемся мире одной из наиболее прогрессирующих сфер деятельности является сфера информационных технологий, а именно – игровая индустрия. В последнее время игровые проекты перестают восприниматься как исключительно развлекательный контент, стремясь к большей художественности, сближаясь с литературой и кинематографом. Следовательно, разработка ком-

пьютерной игры требует знания не только программирования, но и литературоведения, лингвистики, актерского мастерства, операторского дела и пр.

Видеоигра, с недавнего времени официально являясь отдельным видом искусства в некоторых странах, стала требовать более кропотливой проработки всех аспектов, включая лексические, т.к. неправильный подбор лексики может прямо сказаться на сюжете и персонажах игры, как правило, нарушая атмосферу и искажая смысл повествования. Все это объясняет актуальность обращения к изучению лексического контента англоязычного игрового проекта, используемого для лингвистического отражения исторического пространства и времени на материале таких высокобюджетных масштабных игровых проектов как “The Witcher 3: Wild Hunt” и “Assassin’s Creed III”.

Цель исследования заключается в изучении факторов и механизмов подбора подходящей для определенной эпохи и определенной ситуации лексики, способов ее воздействия на реципиента и характера ее влияния на атмосферу воссозданного игрового мира.

Актуальность проблемы представления исторического времени и пространства в компьютерных игровых проектах в значительной степени определяется динамикой общественного развития и отсутствием даже частичного понимания и четких ассоциаций у современного молодого поколения, потребителей данного компьютеризированного продукта, с предыдущими и далеко ушедшими историческими эпохами.

Несомненно, в современных видеоиграх подбор и употребление лексического компонента имеет большое значение, так как с его помощью выстраивается описание сюжета, раскрываются персонажи, создается атмосфера. Тем не менее, прежде чем переходить к анализу лексического наполнения, необходимо убедиться в статусе видеоигры как речевого жанра.

Основная часть

Речевым жанром признается широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно обусловленных «типов высказываний», охватывающих все сферы «человеческой деятельности» [1]. Таким образом, без уточнения различий между литературным жанром, типом текста и речевым высказыванием, можно объединить крайне разнородные явления, дискуссионные и неоднозначно определенные не только в лингвистике, но и в литературоведении. Выделяются лексический [3], [6] и стилистический [4], [5] подходы к толкованию речевых жанров, которые в основном базируются на семантической и литературоведческой интерпретации соответственно. Тем не менее, ряд исследователей (А. Вежицка, Т.В. Шмелева, Т. Баллмер, В. Бренненштуль) характеризует речевой жанр как идеальную схему протекания коммуникативно-речевого акта, «горизонтальную модель» (динамическую структуру), которая может воплощаться в некотором множестве конкретных речевых произведений [2], [7], [8]. Т.В. Шмелева вводит так называемые жанрообразующие признаки, при анализе которых будет возможно более подробно изучить тот или иной речевой жанр, а также сравнить речевые жанры между собой [7].

Обращаясь к анализу видеоигры с позиции речевого жанра, можно увидеть наличие в ней всех этих признаков:

1. Коммуникативная цель, варьируемая в зависимости от вида игры (обучающая, ролевая и т.д.).

2. Образ автора. В видеоиграх автор, являясь создателем или неким гидом по виртуальному игровому миру, может быть представлен либо непосредственно, либо в виде одного из персонажей, который, например, помогает реципиенту на начальных этапах игры. Такая помощь может характеризоваться введением игрока в сюжет, постановкой целей и задач в рамках игрового процесса или помощь в освоении игровых механик управления.

3. Образ адресата. Адресатом непосредственно является пользователь видеоигры, представленный в игровом процессе ее главным героем.

4. Диктум. Событийная основа коммуникации автора и адресата, заключающаяся в желании последнего вступить в игровой процесс и сохранить свою заинтересованность в нем.

5. Фактор прошлого присутствует в любых видеоиграх с наличием сюжета. Если инициальные речевые жанры являются обычным явлением для большинства игровых продуктов, то реактивные чаще всего встречаются в современных ролевых видеоиграх или в видеоиграх жанра интерактивное кино (более того, являются их особенностью), где присутствует разветвленная система диалогов, а развитие сюжета и финал игры напрямую зависят от выбора и поведения адресата в лице главного героя.

6. Фактор будущего также находит свое место в видеоиграх, продолжая и развивая коммуникацию вплоть до ее завершения.

7. Формальная организация. Языковые особенности текста в различных видеоиграх варьируются в зависимости от их сюжета и жанра. Так, стилистика текстов двух разных видеоигр может как совпадать, так и кардинально различаться, в зависимости от многих факторов. Соблюдение данного приема позволяет автору добиться создания необходимой атмосферы игры, так, например, в играх сюжет которых разворачивается в средневековье, зачастую встречаются архаизмы, а в различных спортивных симуляторах используется профессиональная лексика.

Как продукт информационных технологий видеоигры стремительно развиваются, растет и количество их классификаций. Помимо классификации по количеству игроков (одиночные, многопользовательские и т.д.), стилистике проекта (вестерн, фэнтези и т.д.) и игровой платформе (персональные компьютеры, мобильные устройства, игровые консоли), видеоигры стали подразделяться на классы в зависимости от жанра. Ранее вопрос жанровой классификации игровых проектов вызывал множество противоречий. Так, еще 10–12 лет назад многие отрицали классификацию видеоигр по жанрам как таковую. Сегодня же определение игрового жанра чаще основывается на аспектах непосредственно игрового процесса, а не на сюжете или графической составляющей. Игровой жанр определяется набором характеристик, которые доминируют в игре. Однако не существует строгой системы, по которой определяется жанр видеоигры, поэтому последний чаще устанавливается самим игровым сообществом или производителем. В случае слияния двух жанров, в основном используют либо комбинированное название (action-RPG), либо учитывают лишь тот жанр, элементов которого в видеоигре присутствует больше.

Когда речь заходит о художественном времени в творческих проектах, принято выделять такое понятие, как историческое время. Историческое время можно определить как реальное, объективное время, взятое в его целостности, в соотношении прошлого, настоящего и будущего, получившее отражение в художественном произведении, как эпоху, период истории или современности.

Исторические игры часто определяются игровым сообществом как отдельный игровой жанр, однако справедливее будет причислить вид «исторические игры» к классификации по стилистике проекта. Стилистика видеоигры, или сеттинг, определяет игровое пространство и время развития сюжета и отвечает за проработку игрового мира.

Каждый игровой сеттинг обладает своими отличительными свойствами, лингвистические особенности не являются исключением. Главной задачей исторического сеттинга является правильная (с точки зрения автора) передача атмосферы того времени. Однако для осуществления этой цели нужно учитывать не только визуальные и графические, но и лексические аспекты.

Так, в историческом игровом сеттинге будет наблюдаться большое количество слов и исторических оборотов, свойственных определенной эпохе, но вышедших из употребления сегодня. Зачастую для выполнения тех же целей наравне с историзмами и архаизмами используются обычные слова с низкой интертекстуальной частотностью.

В литературе историческое произведение – это произведение, в котором правдиво отражается атмосфера исторической эпохи: обычаи, предметы обихода, речь, соответствующая эпохе, упоминание об исторических фактах (героях), исторических событиях, которые должны быть связаны с предшествующими и последующими. Однако данное определение подходит не только к литературным произведениям, но и к историческим видеоиграм.

В отличие от литературных произведений, в видеоиграх часто отсутствует необходимость описания времени суток, состояния героев и т.д., так как пользователь, подобно зрителю, сам может наблюдать это непосредственно в игровом процессе. Как правило, отражение исторической эпохи осуществляется через диалоги. Историческим играм свойственно употребление архаизмов – устаревших слов, замененных в современном языке синонимом, историзмов – слов, представляющих собой названия существовавших когда-то, но исчезнувших предметов, явлений человеческой жизни, не имеющих синонимов в современном языке, и просто слов с низкой интертекстуальной частотностью.

Так, первый из рассматриваемых в рамках данной статьи игровых проектов «The Witcher 3: Wild Hunt» («Ведьмак 3: Дикая Охота») насчитывает целый ряд подобных лексических единиц. Данный проект был создан польской студией «CD PROJECT RED», однако изначально его сценарий создавался не только на польском, но и на английском языке. Стоит отметить, что этот перевод не может быть признан стандартной локализацией игровых проектов на другом языке (в данном случае английском), т.к. студия изначально привлекала англоязычных переводчиков к созданию проекта, открыла для них полный доступ к сюжету игры, чего никогда не делается при обычной локализации видеоигр (разработчики предоставляют лишь текст оригинала, т.е. переводчики получают лишь набор реплик с кратким описанием контек-

ста, которого зачастую не хватает для осуществления адекватного перевода); более того – сценарии на польском и английском языке создавались параллельно. Именно поэтому англоязычная версия «The Witcher 3: Wild Hunt» должна быть признана одной из двух оригинальных версий игры.

Действия игры разворачиваются в 13 в. нашей эры. Очевидно, что для придания игре колорита и атмосферы достаточно использовать любые устаревшие слова, а не только датирующиеся вышеупомянутым временным отрезком.

Например, “*Hail*, witcher! Let us go inside and greet you as befits an old friend”. Так, использование устаревшего слова «Hail» в функции оклика подчеркивает лексическую особенность проекта, погружающего пользователя в атмосферу прошлого. Убедиться в том, что данное слово является мало употребляемым на данном временном этапе, нам помог сервис «Google Ngram Viewer», который, анализируя все печатные издания, начиная с 1500 г., предоставляет график частотности употребления фразы или слова (рис. 1).

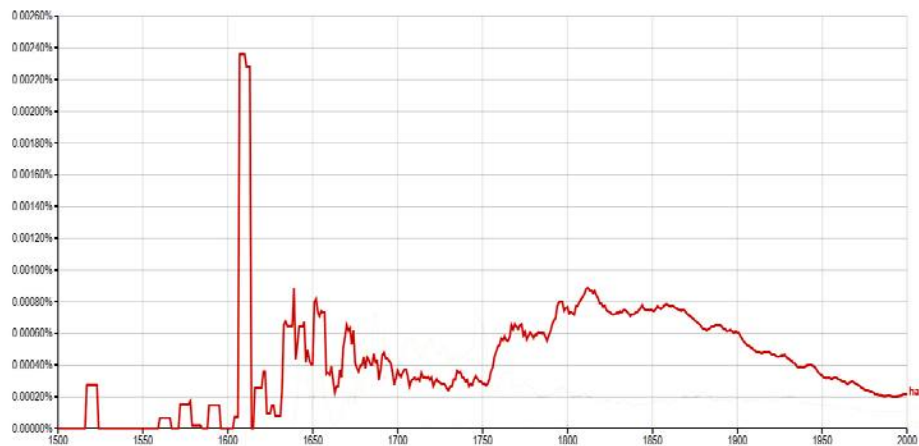

Рис. 1. График частотности употребления фразы или слова

Тот же сервис показал низкую частотность употребления или отсутствие такового на текущем временном отрезке таких лексических единиц, как: don (Do on), damsel, bedchamber, revel, whence (как наречие), merchant, merriment, beau, manly, alas, to woo.

Еще одна особенность данного проекта, способствующая адекватному восприятию исторического времени и пространства игры, – это употребление идиоматических выражений, фразовых и многочленных словосочетаний (*have up smb`s sleeve, nick of time, after me own heart*, etc). Такие элементы придают видеоигре литературность и звучат уместно, особенно если учесть, что рядом с главным героем никого нет и он произносит эту фразу, размышляя вслух.

Британский вариант английского языка, используемый в англоязычной версии данной игры, включает в себя широкий спектр акцентов и диалектов английского языка, используемых в Соединенном королевстве и отличающихся от других региональных вариантов произношения. Этот факт говорит не только о такой технической вещи как работа британских переводчиков над англоязычным сценарием, но и еще

об одном компоненте создания исторической атмосферы – географической дислокации игры. Сюжет игры, основанный на славянской мифологии, разворачивается приблизительно на территории современной восточной Европы, ближайшим англоговорящим государством к которой является Великобритания. Более того, для передачи атмосферы средневековья рациональнее использовать вариант языка, соответствующий стране, в которой этот язык и зародился.

В одном из предыдущих примеров, в выражении «A man after me own heart» вместо притяжательного местоимения «my» используется «me», что очень характерно для британского и австралийского варианта английского языка. Подобную ситуацию можно наблюдать и в следующем примере: “Inform the City Watch, blabber anythin’ about this over an ale, and I’ll kill you. With me own hands”.

Помимо грамматических форм, характерных для британского варианта английского, можно наблюдать и специфические лексические единицы. Так, например, «a wee bit» является британским аналогом американскому «a little bit» или британское «mate», встречающееся в игре, практически в каждом диалоге: “Olgiard was not just my brother. More importantly, he was my best mate”; “Matters little, mate. Gold knows no boundaries”; “At your service, mate”; “It can only bring trouble, mate, only trouble”; “Casimir, stand with me. I’ll make you my treasurer, your salary in the thousands, mate”, etc. Еще одним примером будет являться использование диалектизмов «lad» и «lass», встречающихся в районах северной Англии и Шотландии: “Hahahaha. That’s my lad! You’re a right decent chap. I knew it from the start!”; “Oi, lads! Mind the barrels!”; “May they draw and quarter me if I’ve ever seen a lovelier lass!”; “Maybe we ought to let her in? She’s a decent lass, not like to steal nothin’.”

Во многих вышеперечисленных примерах можно наблюдать использование просторечия или вовсе неграмотной речи, что еще сильнее погружает в атмосферу того времени, подчеркивая еще и социальное расслоение народов, насыщает игровой мир и делает его более живым (“I’m afeard”, “whaddaya want”, “not like to steal nothin’”, etc).

Проекты игровой серии «Assassin`s creed», разработанной студией Ubisoft Montreal, расположенной в Канаде, хоть и уведомляют о том, что все совпадения с реальными личностями случайны, все же прославлены своей исторической правдоподобностью, что позволяет еще сильнее окунуться в атмосферу тех или иных происшедших событий. Третья часть серии «Assassin`s Creed III» не является исключением. Основное действие сюжета разворачивается в 1754 г. и далее затрагивает время Американской революции. Главный герой – один из представителей коренного народа Америки.

Для передачи нужной атмосферы использовались похожие или, зачастую, те же приемы, что и в описанном выше проекте: “I know you wonder why it is we do not wander from these woods. Why it is we do not join the other Kanien’keha:ka in war”. Употребление слов на языке индейцев способствует передаче колорита народной речи и в некоторой степени культуры говорящих на этом языке людей. Так, в данной видеоигре встречается большое количество диалогов на языке индейцев, однако некоторые из них переведены на английский, а некоторые не прописаны в субтитрах вовсе.

В проекте «Assassin’s Creed III» немаловажную роль играет передача происходящих в действительности исторических событий. Так, в речи обычного городского глашатая можно услышать названия реально существовавших в то время налоговых актов (*The Revenue Act. The Indemnity Act. The Commissioners of Customs Act*), знаменитый лозунг британских колонистов в Северной Америке “*No taxation without representation*” и упоминание о Чарльзе Тауншенде, британском политическом деятеле, продвигавшем увеличение налогов на территории Америки: “*Oh, Chancellor Townshend must have thought himself so clever when he papered these thefts and made them law.*”

Следует также отметить, что авторы базируют повествование на двух эпохах – современной (где рассказывается об устройстве, позволяющем перемещаться в прошлое) и исторической (непосредственно время Американской революции). Так, общий хронотоп данного произведения, выступающий в качестве основного хронологического фона, с точки зрения композиции можно разделить на три хронотопа:

- 1) первичный хронотоп – время, где начинается действие игры;
- 2) промежуточный хронотоп, обозначающий переход от одних реалий к другим, намечающий условную черту между двумя противопоставленными мирами, эпохами или реальностями вообще;
- 3) конечный хронотоп, или хронотоп назначения, – время художественного произведения, где происходит кульминация, развязка и затем подводится итог; иными словами, где достигается цель повествования.

Данные хронотопы объединены сюжетной линией произведения и находятся в непосредственной взаимозависимости. Фактор же, объединяющий их, является хронологическим фоном.

Однако, когда действия видеоигры ограничены определенным временным отрезком, использование слов, не существовавших в тот момент, которые можно причислить к разряду слов-неологизмов для того времени, будет являться ошибкой, если только это не было запланировано самим автором. Например, “Premature access will destabilize the region”.

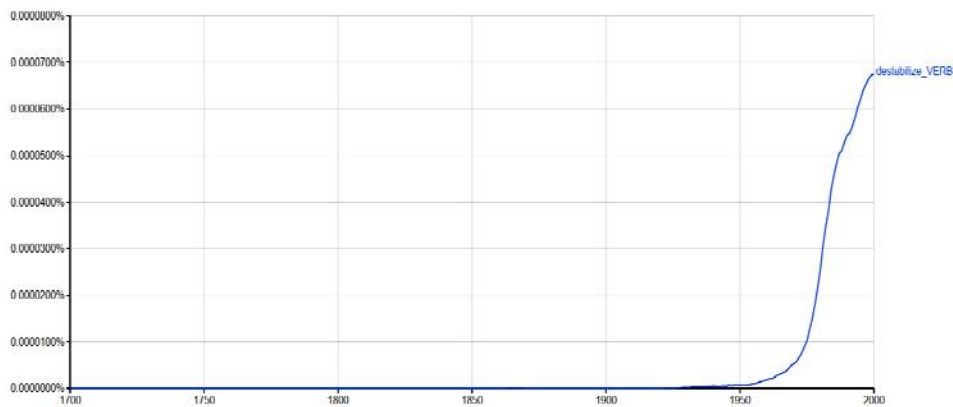

Рис. 2. График частотности употребления глагола «destabilize»

Как показывает приведенный график на рис. 2, в 17 в. глагола «destabilize» не существовало. Однако это слово было выбрано создателями специально, так как по сюжету главный герой встречается с представителем высшей цивилизации, а точнее, с его проекцией, которому явно известно даже больше, чем современному человеку. Вот почему использование данного слова в данном контексте можно считать лексической особенностью, а не ошибкой.

Тем не менее, ошибкой будет считаться глагол «sabotage», употребленный в историческом контексте (“Those cannons are like to cause trouble. Perhaps I could sabotage them...”), когда это слово еще нельзя было встретить в английском языке. «Sabotage» произошло от французского слова «saboter» и было заимствовано в английский язык изначально в качестве существительного только в 20 в. Схожая ситуация наблюдается с существительным «propaganda» и выражением «speck of dust», которые получили более высокую интертекстуальную частотность только в 19 в.

Выводы

Таким образом, в лексическом секторе текстовой матрицы подобных игровых проектов можно наблюдать следующие особенности:

- Употребление лексических классов слов, осуществляющих историческую пространственную и временную соотнесенность, – 92,11 %
- Употребление лексических классов слов, мешающих установлению корректной исторической пространственной и временной соотнесенности, – 7,89 %

В рассмотренных видеопроектах обнаружена комбинация нескольких хронотопов, случаи неадекватного выбора лексических единиц, которые могут быть признаны редкими, но все же ошибочными, намеренные изменения и сдвиги пространственно-временных характеристик в угоду сюжету игры. Тем не менее, главной особенностью лексического оформления исторических игровых проектов является доминантное положение лексических классов слов, соответствующих выбранному историческому пространству и времени. Такая точная соотнесенность необходима, т.к. любое необоснованное употребление неологизмов в историческом ключе может сильно навредить целостности восприятия, повествования и разрушить атмосферу создаваемой эпохи. Правильное лексическое наполнение – это один из первостепенных факторов, способствующих оживлению виртуального игрового мира.

Литература

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 428 с.
2. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99–112.
3. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–217.
4. Матвеева Т.В. К лингвистической теории жанра. Киев: Collegium, 1995. №1–2. С. 65–72.
5. Николаев Б.И., Николаева Л.А. Жанр как текст, высказывание и система текстов (на материале новеллистики) // Язык и культура: 4-я междунар. конф. Киев, 1996. Ч. 3. С. 248–254.

6. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. №5. С. 66–88.
7. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 81–89.
8. Ballmer Th., Brennenstull W. *Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs*. Berlin: Springer-Verlag, 1981. 274 p.

References

1. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskiye stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow, 1986. 428 p.
2. Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, 1997, Iss. 1, pp. 99–112.
3. Glovinskaya M.Ya. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov [Semantics of speech verbs in the context of theory of speech acts]. *Russkiy yazyk v yego funkcionirovanii: Kommunikativno-pragmatischeskiy aspekt* [Russian language in action: Communicative-pragmatic aspect]. Moscow, 1993, pp. 158–217.
4. Matveeva T.V. *K lingvisticheskoy teorii zhanra* [To the linguistic theory of the genre]. Kiev: Collegium, 1995, no.1–2, pp. 65–72.
5. Nikolaev B.I., Nikolaeva L.A. Zhanr kak tekst, vyskazyvanie i sistema tekstov (na material novellistiki) [Genre as text, utterance and system of texts (as exemplified in novelistics)]. *Yazyk i kultura* [Language and culture]. Kiev, 1996, part 3, pp. 248–254.
6. Fedosyuk M.Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unresolved issues of theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of language science], 1997, no. 5, pp. 66–88.
7. Shmeleva T.V. Model rechevogo zhanra [Speech genre model]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: day-to-day communication]. Moscow, 2007, pp. 81–89.
8. Ballmer Th., Brennenstull W. *Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs*. Berlin: Springer-Verlag, 1981. 274 p.

Для цитирования: Эпштейн О.В. Лексический компонент отражения исторического пространства и времени в игровых AAA проектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 135–143. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-15

For citation: Epshtein O.V. Lexical portayal of historical time and space in AAA game projects. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 135–143. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-15

DOI 10.23859/1994-0637-2018-5-86-16
УДК 373

© Бучилова И.А., 2018

Бучилова Ирина Анатольевна

Аспирант, Череповецкий
государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: ibuchilova@yandex.ru

Buchilova Irina Anatolyevna

Post-graduate student,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: ibuchilova@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ,
ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ДВУЯЗЫЧНЫХ
ДЕТЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ
В ШКОЛАХ Г. ЧЕРЕПОВЦА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ¹**

**FEATURES OF LINGUISTIC,
ETHNIC AND CIVIL IDENTITY
OF THE BILINGUAL CHILDREN,
STUDYING AT CHEREPOVETS
SCHOOLS, THE VOLOGDA REGION**

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении особенностей языковой, этнической и гражданской идентичности двуязычных детей, обучающихся в школах г. Череповца Вологодской области. Основными методами являются теоретический анализ научных работ по проблеме исследования и анкетирование школьников из иноязычных семей. Полученные результаты исследования свидетельствуют о наличии разных вариантов идентификации собственной личности в сознании двуязычных школьников. Знание особенностей языковой, этнической и гражданской идентификации детей из иноязычных семей необходимо для организации психолого-педагогической работы по социокультурной адаптации данной категории школьников.

Abstract. The aim of the research is to identify the features of linguistic, ethnic and civil identity of bilingual children studying in schools in Cherepovets, Vologda region. The main methods are the theoretical analysis of scientific works on the problem of research and questioning of schoolchildren from foreign language families. The results of the study indicate the presence of different options for self-identification in the minds of bilingual students. The knowledge of the peculiarities of linguistic, ethnic and civil identification of children from foreign language families is necessary for the organization of psychological and pedagogical work on sociocultural adaptation of this category of students.

Ключевые слова: языковая идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, двуязычные школьники, социокультурная адаптация

Keywords: linguistic identity, ethnic identity, civil identity, bilingual students, sociocultural adaptation

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-413-350010 «Формирование гражданской идентичности учащихся в условиях поликультурного воспитания Вологодской области».

Введение

Общеизвестен факт, что Российская Федерация является активным участником миграционных процессов, происходящих в современном мире. Как свидетельствуют статистические данные, в Российской Федерации проживают представители 193 этнических общностей [6]. Активным участником миграционных процессов является и Вологодская область, прежде всего г. Вологда и г. Череповец [4]. В соответствии с реалиями настоящего времени очевидна задача воспитания личности, являющейся представителем определенного этноса (носителя его культуры), а также гражданина своей страны. В условиях полиэтничности и мультикультурности становится необходимым формирование как этнической, так и гражданской идентичности личности [6]. В отношении двуязычных детей из семей мигрантов эту задачу возможно решать с использованием ресурсов образовательных учреждений (детских садов, школ), а также консультационных центров.

Основная часть

В интердисциплинарное поле исследований понятие «идентичность» ввел Э. Эриксон. Ученый подчеркивал взаимообусловленность процессов становления и трансформации идентичности с процессами общественного и культурного развития общества [5, с. 53].

По мнению исследователей, языковая, этническая и гражданская идентичности находятся в сложном диалектическом взаимодействии. Так, еще в 1806 году И.Г. Фихте утверждал, что определяющей особенностью нации служит язык [7, с. 103]. В языке запечатлен весь познавательный опыт народа, его морально-этические, социально-эстетические, художественные и воспитательные идеалы.

Этнический язык создает основу внутриэтнического нормативного единства, обслуживает коммуникацию этноса в целом [8, с. 186–187].

В отечественной психологии под этнической идентичностью понимается составная часть социальной идентичности личности – представление человека о себе как члене определенной этнической группы. Как указывает Л.М. Дробижева, этническая идентичность базируется на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений [5, с. 49].

Этническая идентичность более четко осознается, если человек живет в полиэтнической среде. При этом индивид может с разной степенью интенсивности идентифицировать себя с одной, двумя или даже несколькими этническими группами. Множественная идентичность наиболее выгодна для человека, она позволяет ему использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладеть богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной [2, с. 33–38].

По мнению И.А. Снежковой, для детей до 10 лет характерно нечеткое осознание общности с людьми своей национальности, слабые этнические знания. Подростки (11–15 лет) осознают свою этническую принадлежность, проявляют интерес к истории и культуре своей и другой национальности. У старшеклассников (16–17 лет) укрепляется осознание своей этнической принадлежности, формируется мотивация выбора национальности и упрочняется отношение к своей этнической группе. Однако этническая идентичность не статическое, а динамическое образование, т.к. внеш-

---

ние обстоятельства могут способствовать переосмыслению и трансформации этнической принадлежности в любом возрасте [2, с. 47].

Относительно взаимосвязи языка и этничности существуют два противоположных мнения. С точки зрения примордиалистов, эта связь обязательна, неоспорима, закреплена преемственностью между поколениями. Сохранение подлинной этнической идентичности, по их мнению, невозможно без традиционно связанного с нею языка. С точки зрения конструктивистов, утрата связи с языком не всегда приводит к утрате соответствующей идентичности [7, с. 104]. Как отмечает Е.Ю. Макарова, в случае, когда некоторые представители этноса отходят от своего этнического языка, он все же сохраняет роль этнического символа и определяет внутреннюю настроенность человека на исполнение заложенных в нем с детства этнокультурных норм [8, с. 187].

Этническая идентичность и языковая идентичность являются неким фундаментом для гражданской идентичности.

И.В. Кожанов определяет гражданскую идентичность как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл. Гражданская идентичность является частью социальной идентичности. Как указывает исследователь, гражданская идентичность включает в свое содержание этническую составляющую, без которой невозможно воспитание гражданина. Таким образом, этническая идентичность – часть гражданской. Позитивная этническая идентичность может служить ресурсом для интеграции полиэтнической страны [6].

Л.М. Дробижева подчеркивает, что в условиях глобализации этническую идентичность часто интерпретируют как проявление традиционализма («она родом из прошлого»), тогда как гражданскую связывают с современностью [5, с. 50].

Как уже отмечалось выше, формирование языковой, этнической и гражданской идентичности актуально для современных полиэтнических образовательных учреждений Российской Федерации, что и обусловило проблематику нашего исследования.

В 2015 году нами было проведено анкетирование педагогов с целью сбора статистических данных относительно количества двуязычных детей, обучающихся в общеобразовательных школах г. Череповца. Анкетированием было охвачено 37 общеобразовательных школ г. Череповца.

В ходе анкетирования было выявлено 384 ребенка из иноязычных семей. В начальной школе обучается 194 ребенка (50,5 %); в среднем звене – 161 ребенок (41,9 %); в старших классах – 29 детей (7,6 %).

Из 384 двуязычных детей, обучающихся в общеобразовательных школах г. Череповца, примерно 93 % воспитываются в национальных семьях азербайджанцев, украинцев, таджиков, армян, узбеков, киргизов. Остальные национальности в школах нашего города представлены незначительным количеством обучающихся. Нами было выявлено, что в школах г. Череповца обучаются представители 18 национальностей [4].

На следующем этапе нашего исследования (2017–2018 гг.) нами изучалась языковая и этническая идентичность двуязычных детей из семей мигрантов, обучающихся в школах г. Череповца Вологодской области.

Для изучения языковой и этнической идентичности детей из иноязычных семей нами было проведено анкетирование обучающихся в общеобразовательных школах № 20 и № 30 г. Череповца (собрано на данный момент 40 анкет: начальная школа – 19, средние и старшие классы – 21). Нами использовалась анкета в авторстве Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной [1].

Результаты анкетирования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Языковая и этническая идентичность детей из иноязычных семей, обучающихся в школах города Череповца (данные в %)

Самоназвания, данные детьми из группы иноязычных семей	Начальная школа		Средние и старшие классы		Общий процент все обучающиеся
	школа № 20	школа № 30	школа № 20	школа № 30	
русские	27,3	62,5	-	35,7	32,5
указали свою национальность	63,6	37,5	100	50	60
указали две национальности	9,1	-	-	14,3	7,5
язык, являющийся родным, по мнению детей	школа № 20	школа № 30	школа № 20	школа № 30	общий процент
русский	27,3	75	-	43	37,5
язык своей национальности	72,7	25	71,5	50	55
два языка считают родными	-	-	28,5	7	7,5

Итак, русскими себя считают 32,5 % детей из семей мигрантов. Русский язык считают родным 37,5 % школьников из числа детей, определенных по совокупности родного языка родителей и региона происхождения как «иноэтнические мигранты». Отметим, что в аналогичном исследовании Д.А. Александрова и В.А. Иванюшиной (2009) процент школьников из семей иноэтнических мигрантов, назвавших себя русскими, составил 23,6.

Данные по самоидентификации детей, обучающихся в школах № 20 и № 30 г. Череповца, значительно различаются. Процент обучающихся из иноязычных семей, но считающих себя русскими и русский язык родным, значительно выше в школе № 30. Это может быть обусловлено тем, что район школы № 30 является традиционным местом проживания семей мигрантов уже многие годы, так как здесь ранее находился городской рынок. Из табл. 2 видно, что семьи мигрантов проживают в этом районе уже достаточно давно: более 90 % из них проживают в России не менее 5 лет. В школе № 20 несколько другая картина: примерно половина семей мигрантов проживает в России менее 5 лет.

Результаты анализа факторов, оказывающих влияние на формирование языковой и этнической идентичности, представлены в табл. 2.

**Факторы, оказывающие влияние на формирование языковой
и этнической идентичности школьников из иноязычных семей (данные в %)**

Факторы	Показатели по классам				
	Начальная школа		Средние и старшие классы		Общий процент все обучающиеся
	школа № 20	школа № 30	школа № 20	школа № 20	
русский язык	9,1	37,5	14,3	-	15
язык своей национальности	72,7	50	64,3	100	70
два языка	18,2	12,5	21,4	-	15
язык общения с ребенком дома	начальная школа		средние и старшие классы		общий процент
русский язык	18,2	62,5	57,1	28,5	
язык своей национальности	63,6	37,5	28,6	43	
два языка	18,2	-	14,3	28,5	
длительность проживания семьи в России	начальная школа		средние и старшие классы		общий процент
менее года	9,1	-	-	-	
1–4 года	54,5	-	43	7,15	
5–10 лет	18,2	37,5	-	35,7	
более 10 лет	18,2	50	57	50	
В России живут предыдущие поколения (бабушки, дедушки)	-	12,5	-	7,15	

В семьях большинства детей, относящих себя к русским, дома говорят с ними по-русски. И эти семьи достаточно длительный период проживают в России (есть семья, проживающая в России с 60-х годов 20 века). В семьях, из которых дети относят себя к другим национальностям, в большинстве случаев говорят на национальном языке.

Итак, язык домашнего общения, длительность проживания семьи в России оказывают значительное влияние на формирование языковой и этнической идентичности.

Как указывалось выше, языковая идентичность и этническая идентичность являются фундаментом для гражданской идентичности. Понятие «гражданская идентичность» («государственно-гражданская», «национально-гражданская»), предлагаемое Л.М. Дробижевой, включает в себя отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование, энтузиазм и др.) [5, с. 49]. В соответствии с предлагаемыми критериями нами предполагается разработка и апробирование диагностического комплекса методик, направленных на изучение гражданской идентичности двуязычных школьников из семей мигрантов, а также разработка и апробирование программы по социокультурной адаптации с акцентом на формирование гражданской идентичности у данной категории детей и подростков.

Согласно И.Г. Беляковой, процесс выработки гражданской идентичности имеет три этапа: познавательный, ценностно-оценочный и модально-отношенческий. Познавательный этап отвечает за знания человека о гражданском обществе, ценностно-оценочный содержит оценку обществу, модально-отношенческий определяет особенности поведения индивида как гражданина общества [3, с. 100].

Выделяются следующие направления формирования гражданской идентичности: историческое воспитание (формирование системы знаний об истории своей страны и народа), ценностное воспитание (выработка навыков пользования общекультурными нравственными и моральными ценностями), политико-правовое воспитание (выработка спектра знаний, формирующих правовую компетентность), патриотическое воспитание (формирование чувства любви к Родине, гордости за свою страну и народ) [3, с. 101–102].

Отметим, что при работе с билингвами необходимо учитывать уровень знаний, динамику представлений в зависимости от этапа обучения, национальные, социальные, психологические особенности, ценностные ориентации и мотивационную сферу. Для здорового развития личности двуязычного ребенка необходимо достижение им позитивной этноидентичности и на этом фоне становление этнотолерантности. Здесь огромную роль играет педагогическая поддержка ребенка при выборе этноидентичности в форме занятий родным языком и культурой. Все это способствует развитию языка общения между детьми доминирующей культуры и культуры меньшинства, ускоряет интеграцию ребенка в новую культуру, в то же время предотвращая опасность деэтнизации и маргинализации [9, с. 345].

Выводы

Итак, формирование языковой, этнической и гражданской идентичности – важнейшая стратегическая задача развития гармоничной личности, которая должна осуществляться в рамках системы полиэтнических образовательных учреждений Российской Федерации.

Этническая идентичность и языковая идентичность являются основой для формирования гражданской идентичности.

Воспитание гражданской идентичности направлено на укрепление единства многонационального населения России с сохранением национальной и этнической самобытности (родного языка, культуры, религии и др.).

С целью сбора статистических данных относительно количества двуязычных детей нами было проведено анкетирование педагогов 37 общеобразовательных школ г. Череповца. В ходе анкетирования было выявлено 384 ребенка из иноязычных семей, являющихся представителями 18 национальностей.

Далее проводились беседы и анкетирование двуязычных школьников, направленные на получение информации относительно их языковой и этнической самоидентификации и факторов, оказывающих влияние на ее формирование.

Перспектива дальнейших наших научных исследований представляется в эмпирическом изучении гражданской идентичности двуязычных школьников из семей мигрантов и в разработке социокультурной программы, направленной на ее формирование в условиях полиэтнических школ.

Литература

1. Александров Д.А., Иванюшина В.А. Дети-мигранты: результаты исследования, проблемы и перспективы. СПб., 2012. URL: <http://ff.nashauche>
2. Безюлева Г.В., Ермолаева М.В., Казнова Н.В. Развитие толерантного сознания детей в условиях поликультурного образования: монография. М, 2013. 256 с.
3. Белякова И.Г. Формирование гражданской идентичности в образовательной среде глобализирующегося пространства // Вестник культуры и искусств. 2017. №2. С. 98–105.
4. Бучилова И.А., Алиева Т.И.к. Особенности социокультурной адаптации детей-мигрантов в условиях российских общеобразовательных школ на примере г. Череповца Вологодской области // Миграция в современном мире: тенденции и вызовы XXI века: коллективная монография. Новосибирск, 2016. С. 49–73.
5. Дробижина Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. №12. С. 49–58.
6. Кожанов И.В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. 2013. №3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9187>
7. Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. №3. С. 102–105.
8. Макарова Е.Ю. Язык в системе этнических признаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языки. 2009. №2. С. 184–188.
9. Яковлева Т.С. Особенности образования детей мигрантов и беженцев в условиях становления единого образовательного пространства // Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия: сборник статей / отв. ред. Н.В. Румянцева. М., 2014. С. 342–348.

References

1. Aleksandrov D.A., Ivanyushina V.A. *Deti-migranty: rezul'taty issledovaniya, problemy i perspektivy* [Migrant children: research results, problems and prospects]. St Petersburg, 2012. Available at: <http://ff.nashauche>
2. Bezyuleva G.V., Ermolaeva M.V., Kaznova N.V. *Razvitie tolerantnogo soznaniya detej v usloviyah polikul'turnogo obrazovaniya: monografiya* [Development of tolerant consciousness of children in conditions of multicultural education: monograph]. Moscow, 2013. 256 p.
3. Belyakova I.G. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti v obrazovatel'noj srede globaliziruyushchegosya prostranstva [Formation of civil identity in the educational environment of a globalizing space]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Herald of culture and arts], 2017, no. 2, pp. 98–105.
4. Buchilova I.A., Alieva T.I.k. Osobennosti sociokul'turnoj adaptacii detej-migrantov v usloviyah rossijskih obshcheobrazovatel'nyh shkol na primere g. Cherepovtsa Vologodskoj oblasti [Peculiarities of socio-cultural adaptation of migrant children in the conditions of Russian secondary schools by the example of Cherepovets, Vologda region]. *Migraciya v sovremennom mire: tendencii i vyzovy XXI veka* [Migration in the modern world: trends and challenges of the XXI century]. Novosibirsk, 2016, pp. 49–73.
5. Drobizheva L.M. Identichnost' i ehtnicheskie ustanovki russkih v svoej i inoetnicheskoj srede [Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and other ethnic environment]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2010, no. 12, pp. 49–58.
6. Kozhanov I.V. Grazhdanskaya i ehtnicheskaya identichnosti lichnosti: problema vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti [Civil and ethnic identity of the individual: the problem of interconnection and interdependence]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of

---

science and education], 2013, no. 3. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9187>

7. Kuznecova E.V. Yazyk i nacional'naya identichnost' [Language and national identity]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk scientific Bulletin], 2011, no. 3, pp. 102–105.

8. Makarova E.YU. Yazyk v sisteme etnicheskikh priznakov [Language in the system of ethnic characteristics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazyki* [Bulletin of Volgograd State University. Issue 2. Languages], 2009, no. 2, pp. 184–188.

9. Yakovleva T.S. Osobennosti obrazovaniya detej migrantov i bezhencev v usloviyah stanovleniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva [The features of the education of migrant and refugee children in the context of the formation of a single educational space]. *Innovacionnoe prepodavanie russkogo yazyka v usloviyah mnogoyazychiya: sbornik statej* [Innovative teaching Russian in conditions of multilingualism], 2014, pp. 342–348.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Е.В. Грудевой.

Для цитирования: Бучилова И.А. Особенности языковой, этнической и гражданской идентичности двуязычных детей, обучающихся в школах г. Череповца Вологодской области // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 144–151. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-16

For citation: Buchilova I.A. Features of linguistic, ethnic and civil identity of the bilingual children, studying at Cherepovets schools, the Vologda region. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 144–151. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-16

Веселов Андрей Николаевич

Аспирант,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: andrei1234-85@mail.ru

Veselov Andrej Nikolayevich

Post-graduate student,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: andrei1234-85@mail.ru

Денисова Ольга Александровна

Доктор педагогических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: denisova@inbox.ru

Denisova Olga Aleksandrovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: denisova@inbox.ru

**ОВЛАДЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИМИ
КОМПЕТЕНЦИЯМИ В ИСПОЛЬ-
ЗОВАНИИ НАИМЕНОВАННЫХ
ЧИСЕЛ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ
В 5-6 КЛАССАХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА**

**MASTERY OF PRACTICAL
COMPETENCES IN USING NAMED
INTEGERS AT MATHEMATICS
LESSONS IN 5-6 FORMS OF
STUDENTS WITH INTELLECTUAL
DISABILITIES**

Аннотация. Авторы рассматривают обучение математике в коррекционной общеобразовательной школе как сложный многогранный процесс, включающий в себя работу не только по обучению, но и вопросы социализации и адаптации лиц с нарушением интеллекта. В статье описывается экспериментальный анализ данных, полученных за трехлетний период.

Abstract. The authors consider the teaching of mathematics in the remedial general education school as a complex multi-faceted process which includes not only the learning work, but also the issues of socialization and adaptation of persons with intellectual disabilities. The article describes the techniques, methods and experimental analysis of the data obtained over a 3-year period.

Ключевые слова: математика, обучение, олигофренопедагогика, коррекция, ИКТ, инклюзия, инноватика

Keywords: mathematics, training, oligophrenopedagogy, correction, ICT, inclusion, innovation

---

Введение

Вопросы обучения математике в коррекционной школе для лиц с нарушением интеллекта исследуются достаточно давно. Эту актуальность подчеркивали такие ученые, как М.Н. Перова, Б. Брѐзе, Б.П. Пузанов, В.В. Эж, В.А. Крутецкий. Числовые и знаковые операции, задания на нахождение неизвестного компонента, задачи для решения, оперирование не только понятийным аппаратом, но и достаточно развитым абстрактным мышлением выступают как каркас современной жизни. Особую роль в данном ключе играет компетентностный подход, для реализации которого необходимо иметь не только механический навык оперирования счетом, но и представление о предметном взаимодействии. В целом образовательные компетенции ученика

будут играть многофункциональную метапредметную роль, проявляющуюся не только в школе, но и в семье, в кругу друзей, в будущих производственных отношениях [6].

Современные дефектологи Г.М. Капустина, М.Н. Перова, В.В. Воронкова отмечали преимущество математики для таких предметов, как «Трудовое обучение» и «Социально-бытовая ориентировка» (далее – «СБО»), их неразрывную связь. Именно в данных учебных предметах актуализируются полученные знания в процессе изучения математики, выступая в компетентностном ключе.

Формирование математических представлений невозможно без развития сенсорных функций ребенка, его ориентировки в окружающем пространстве, речевых навыков и т.д. Как правило, указанные функции недоразвиты у детей с органическим поражением мозга [1]. Опираясь на данный вывод, мы отмечаем следующее: формирование полноценной картины мира, развитие компетентностного подхода представляют большие трудности в условиях методической сенсорной бедности и абстрактных методов обучения.

Ученик с интеллектуальными нарушениями в процессе обучения испытывает трудности от статической наглядности; связь между понятием и абстрактной моделью вызывает сложности; многое из предъявляемого материала носит эмоционально блеклый характер; информация (задания) однообразна, что не позволяет перенести полученные знания на практику.

Исходя из актуальности нашего исследования, можно определить следующие задачи констатирующего эксперимента:

- 1) произвести аналитический обзор школьников 5–6 классов с интеллектуальными нарушениями по анамнестическому, социальному, возрастному, оценочному статусу;
- 2) выявить особенности сформированности математических представлений (академического компонента) на примере наименованных чисел у умственно отсталых школьников 5–6 классов;
- 3) установить трудности усвоения математических представлений с наименованными числами, их причины у данного контингента учащихся;
- 4) в рамках предмета «СБО» и «Труд» исследовать уровень практического приращения знаний о наименованных числах, полученных в ходе обучения математике (жизненных компетенций);
- 5) определить уровень жизненных компетенций во внеурочной среде учащихся с интеллектуальными нарушениями.

Исследование проводилось на базе МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 38» г. Череповца в 2015–2016 уч.г. и 2016–2017 уч.г.

Основным методом изучения академического компонента стал анализ математических представлений о действиях с наименованными числами: наблюдение, анализ контрольных и практических работ обучающихся по предмету «Математика».

Основным методом изучения жизненных компетенций явился анализ результативности применения наименованных чисел на учебных предметах «СБО» и «Трудовое обучение», а также анализ результатов тестовой методики, направленной на выявления компетентностных навыков во внешкольной среде за 5–6 класс.

Проведение методики осуществлялось в неразрывном процессе обучения и содержало следующие этапы исследования:

1. Анализ анамнестических сведений (анализ личных дел обучающихся).
2. Анализ организации образовательного процесса в МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 38» по обучению наименованным числам.
3. Выявление уровня сформированности действий с наименованными числами в рамках обучения в МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 38».

Основная часть

Первый этап исследования содержал анализ анамнестических данных на основе изучения личных дел обучающихся МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 38» г. Череповца. В констатирующем эксперименте приняли участие ученики двух классов (5Б, 5В) и суммарно составили 20 обучающихся. Социальный статус в обоих классах неоднороден: воспитываются в полной семье 6 обучающихся, воспитываются в неполной семье 4 обучающихся, воспитанниками детского дома являются 10 обучающихся. Возрастная выборка соответствует 5 классу и колеблется от 11 до 13 лет.

В рамках второго этапа проходил анализ организации образовательного процесса в МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 38» для лиц с нарушением интеллекта по обучению наименованным числам. Выделенное нами проблемное поле усвоения наименованных чисел и действий с ними [10] не только подтверждается систематическим концентром в обучении математике, но и имеет отражение в наиболее практико-ориентированных предметах специальной школьной программы, таких как «Трудовое обучение», «СБО». Изучение анализа адаптированной общеобразовательной программы для детей с умственной отсталостью для выявления связующих звеньев, наиболее полно отражающих применение наименованных чисел в рамках межпредметных связей, позволило сделать следующие выводы:

- Наименованные числа и действия с ними – одни из наиболее распространенных действий, имеющих ярко выраженный межпредметный характер.
- Действия с наименованными числами имеют большое трудовое, социально-бытовое и практическое значение.
- Реализация академического компонента в практическом ключе в рамках школьного обучения недостаточно реализована, о чем свидетельствует низкая проблемно-поисковая среда образовательного пространства.
- Знания, полученные на уроках по предмету «Математика», находят практическое применение на уроках «Трудовое обучение», «СБО» лишь частично.
- Тематика таких практических предметов школьного обучения, как «СБО» и «Трудовое обучение», имеет лишь незначительную связь с содержанием учебного материала по предмету «Математика».

Третий этап на выявление уровня сформированности в действиях с наименованными числами за период обучения в 5–6 классах содержал:

- А. Выявление уровня академического компонента обучения.

В. Выявление уровня компетентностного компонента обучения на примере анализа оценочных данных по предметам «Трудовое обучение», «СБО».

С. Анализ данных, полученных на основании проведенного тест-опроса родителей (законных представителей) обучающихся на выявление компетентностного подхода в действиях с наименованными числами во внешкольной среде.

Представим обобщенные выводы:

А. Результаты получены в процессе выявления уровня академического компонента обучения путем анализа оценочных данных самостоятельных (по теме Н.Ч.) и контрольных работ (с содержанием заданий с Н.Ч.) по предмету «Математика» за период обучения в 5–6 классах.

Данный вид работ в целом являлся оценочным. В основу создания контрольных работ положена «Программа специальных (коррекционных) образовательных учреждений VIII вида» под редакцией В.В. Воронковой [5].

На основании методики преподавания математики в специальной (коррекционной) школе VIII вида, автором которой является М.Н. Перова [4], нами была составлена таблица требований к академическим знаниям и характеристик ошибок в действиях с наименованными числами на примере мер длины у обучающихся 5–6 классов на уроке математики (см. табл. 1).

Таблица 1

Требования к академическим знаниям и характеристика ошибок в действиях с наименованными числами на примере мер длины за 5-6 классы

Работа с наименованными числами	Особенности
1	2
<p>Действия 0 порядка (П0) «Базисные»</p> <p>А) преобразование в прямом порядке: $1 \text{ м} = 10 \text{ дм} = 100 \text{ см}$</p> <p>Б) преобразование в обратном порядке: $100 \text{ см} = 10 \text{ дм} = 1 \text{ м}$</p> <p>В) сравнение: $100 \text{ см} = 1 \text{ м}$, $1 \text{ мм} > 1 \text{ см} > 1 \text{ дм} > 1 \text{ м}$</p>	<p>Ориентация в числовом поле в пределах 1–100 1–1000</p>
<p>Действия 1 порядка (П1) «Сложение»</p> <p>А) сложение в рамках одного наименованного числа, дающее слитный результат: $1 \text{ см} + 1 \text{ см} = 2 \text{ см}$</p> <p>Б) сложение двух разных наименованных чисел, дающих раздельный результат: $1 \text{ см} + 1 \text{ дм} = 1 \text{ см } 1 \text{ дм}$</p> <p>В) сложение двух разных наименованных чисел с двумя разными наименованными числами одной меры:</p> <p>$1 \text{ дм } 1 \text{ см} + 1 \text{ см} = 1 \text{ дм } 2 \text{ см}$</p> <p>$1 \text{ дм } 3 \text{ см} + 3 \text{ дм } 7 \text{ см} = 4 \text{ дм } 10 \text{ см}$</p>	<p>Ориентация в системе одной меры, знание ее состава, числовых значений</p>
<p>Действия 3 порядка (П3) «Вычитание»</p> <p>А) счет в пределах одной единицы измерения, без перехода на новые единицы $20 \text{ см} - 5 \text{ см} = 15 \text{ см}$</p> <p>Б) счет двух разных наименованных чисел с двумя разными наименованными числами одной меры, требующие преобразования одних мер в другие:</p> <p>$20 \text{ дм} - 3 \text{ см} = (1 \text{ дм} = 10 \text{ см}) (20 \times 10 = 200 \text{ см}) - 3 \text{ см} = 197 \text{ см} = 19 \text{ дм } 7 \text{ см}$</p> <p>$20 \text{ дм } 15 \text{ см} - 3 \text{ см} = 20 \text{ дм} + (15 \text{ см} - 3 \text{ см}) = 20 \text{ дм } 12 \text{ см}$</p>	<p>Данные действия наиболее сложны по причине многоэтапности при их выполнении, а также требованию к ориентации в действиях П0 и свободном счете в заданных пределах (10,100)</p>

1	2
$20 \text{ дм } 5 \text{ см} - 7 \text{ см} = 20 \text{ дм } 5 \text{ см} (20 \times 10 = 200 \text{ см} + 5 \text{ см}) - 7 \text{ см} = 198 \text{ см} = 19 \text{ дм } 8 \text{ см}$ $20 \text{ дм } 5 \text{ см} - 12 \text{ дм } 7 \text{ см} = 20 \text{ дм } (20 \times 10 = 200 \text{ см} + 5 \text{ см}) - 12 \text{ дм } 7 \text{ мм} (12 \times 10 = 120 \text{ см} + 7 \text{ см}) = 205 \text{ см} - 127 \text{ см} = 78 \text{ см} = 7 \text{ см } 8 \text{ мм}$	
Блок действий нового этапа, подразумевающий полноценное включение действий П1–П2	
Действия 4 порядка (П4) «Умножение» А) счет в пределах одной единицы измерения, без перехода на новые единицы: $5 \text{ см} \times 5 = 25 \text{ см}$ Б) счет двух разных наименованных чисел с двумя разными наименованными числами одной меры, требующий преобразования одних мер в другие: $12 \text{ дм } 6 \text{ см} \times 7 = (120 \text{ см} + 6 \text{ см}) \times 7 = 882 \text{ см}$	Действия, представленные как усложнение действий сложения на основе метода работы с «Таблицей умножения»
Действия 5 порядка (П5) «Деление» А) без перехода на новые единицы: $10 \text{ см} : 2 = 5 \text{ см}$ Б) осложненные, требующие навыков преобразования (однозначные и двузначные варианты делителя) : $12 \text{ дм } 6 \text{ см} : 7 = (120 \text{ см} + 6 \text{ см}) : 7 = 18 \text{ см}$	Многоэтапность при их выполнении, а также требования к ориентации не только в действиях П0 и свободном счете в заданных пределах (10, 100) делает их схожими с вычитанием, но все же сложными по причине внедрения в счет таблицы умножения, требующей навыков работы с ней
Блок действий нового этапа, подразумевающий более глубокое изучение действий П0, П1, П2	
Действия 6 порядка (П6) «Сравнение» А) сравнение в рамках а/а: $5 \text{ см} \geq 1 \text{ см}$ Б) сравнение в рамках а/б: $1 \text{ дм} \geq 5 \text{ см}$ В) сравнение в рамках а/а,б: $3 \text{ см} \geq 2 \text{ см } 7 \text{ мм}$ Г) сравнение в рамках а,б/а,б: $4 \text{ см } 5 \text{ мм} \geq 5 \text{ см } 6 \text{ мм}$ Отдельной группой выступают сравнения, совмещенные с преобразованием дополнительного элемента: Б 1) $15 \text{ см} (1 \text{ дм } 5 \text{ мм}) \geq 1 \text{ дм}$ В 1) $2 \text{ см } 17 \text{ мм} (2 \text{ см} + 1 \text{ см } 7 \text{ мм}) \geq 3 \text{ см}$	Классические варианты задания, усложняющиеся при переходе на следующую ступень обучения. Требуют особенной, поэтапной, ориентации в своих действиях во время вычислений
Действия 7 порядка (П7) «Преобразования» Из крупных мер в наименьшие: $1 \text{ см} (1 \times 10 \text{ мм}) 4 \text{ мм} = 10 \text{ мм} + 4 \text{ мм} = 14 \text{ мм}$ Из наименьших мер в крупные: $20 \text{ мм} = 2 \text{ см} (20 : 10)$	Инновационные действия, основанные на глубоким пониманием взаимосвязей в пределах 1 меры
Блок действий нового этапа, подразумевающий более глубокое изучение действий П0, П1, П2, П3, П4, П5	
Действия 8 порядка (П8) «Задачи» Включение заданий с наименованными числами в решение задач математического склада различных уровней сложности (по количеству действий) с практическим (наглядным уклоном)	Фабула происходящего процесса внутри задачи негативно влияет на восприятие наименованных числовых взаимосвязей, происходящих в ней

1	2
<p>Действия 9 порядка (П9) «Задания смешанного действия» Компилятивные задания по всем изученным порядкам $a +, -, \times, \div, 1, 2, 3 \dots (a, б) \geq a +, -, \times, \div, 1, 2, 3 \dots (a, б)$</p>	<p>Задания, включающие несколько действий для достижения результата, являющиеся комплексно-контрольными</p>
<p>Блок заданий, объединяющий все полученные академические знания в комплексной работе по развитию компетентного подхода в различных бытовых и производственных сферах</p>	
<p>Действия 10 порядка (П10) «Практические» Задания в курсе школьных предметов представлены как реализация компетентного подхода, предполагающего использование различных операций с мерами массы, стоимости, длины: А) Трудовое обучение (для мальчиков – столярное дело, для девочек – швейное дело) Б) Социально-бытовая ориентировка (различные операции с мерами массы, стоимости, длины)</p>	<p>Всеобъемлющие задания, требующие анализа и решения ситуационной, практической, расходной, экономической стороны проблемы. Полное включение всех действий и порядков, представленных ранее</p>

При анализе программного материала отмечается, что задания с наименованными числами встречаются в виде действий сложения, умножения, деления, в виде задач и количественных преобразований (переводов). По данным заданиям можно сделать вывод о том, что рассмотрение компетенций на уроках математики имеет лишь учебно-познавательное русло и проходит только в виде задач (Действия 8 порядка (П8) «Задачи»).

Остальные задания не имеют ярко выраженной компетентностной окраски, вызывая у обучающихся сложности восприятия и, тем самым, усвоения, а у учителей требуют дополнительных усилий в объяснении учебного материала и подготовке к проведению урока. Также достаточно узкий список вариативности заданий, изложенных в учебниках, приводит к ощущению однообразности в вычислениях и снижению мотивации, что особенно критично как для процесса самого обучения, так и отраженной работы по закреплению и усвоению знаний в межпредметной среде, а тем более его практического применения.

Это подтверждается при рассмотрении диаграмм (рис. 1, 2) по усвоению наименованных чисел в процессе обучения математике. Данные представлены в усредненном значении за каждый класс при вычислении среднего значения в оценках проверочных и контрольных работ за двухгодичный период (2015–2016 уч.г., 2016–2017 уч.г.) обучения.

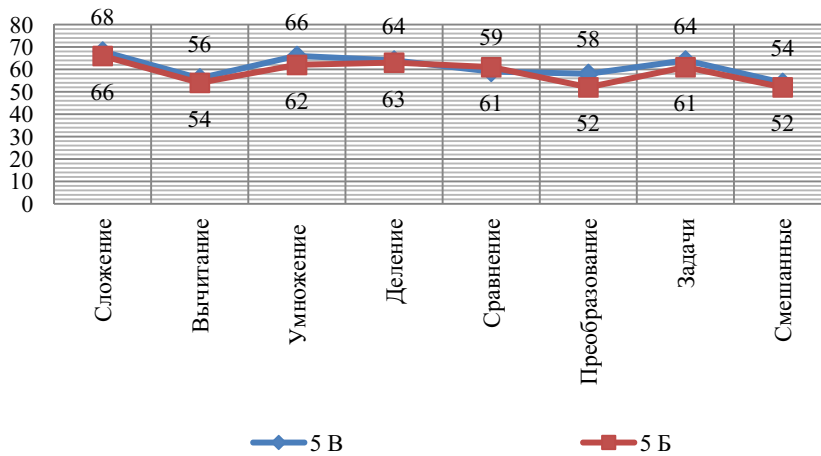

Рис. 1. Усвоение лицами с умственной отсталостью академического компонента образования на уроках математики за 5 класс на примере названных чисел

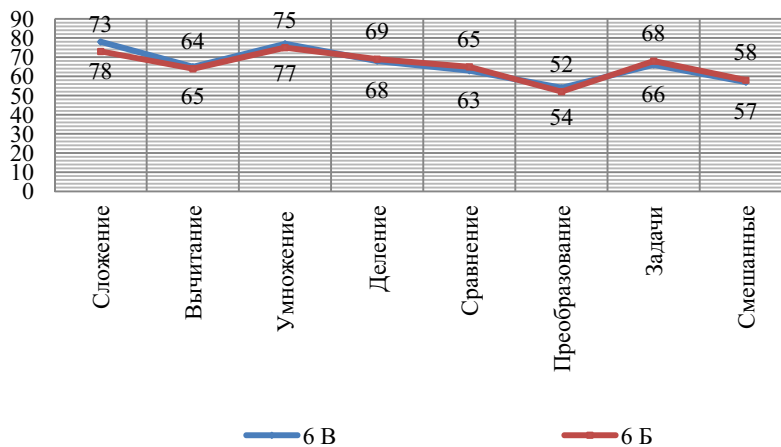

Рис. 2. Усвоение лицами с умственной отсталостью академического компонента образования на уроках математики за 6 класс на примере названных чисел

Наиболее результативными для усвоения, по результатам проведенного исследования, являются действия сложения – 77 % и умножения – 76 %. Следующими по результативности оказались действия вычитания – 66 %, деления – 64 %, сравнения – 64 % и решение задач – 64 %. Наименее результативными оказались задания на преобразования – 52 % и задания смешанного типа – 56 %.

Б. Представим результаты выявления уровня компетентностного компонента обучения на примере анализа оценочных данных по предметам «Трудовое обучение», «Социально-бытовая ориентировка». На основании тематического планирова-

ния и программных требований установилось, что основное внимание на данных предметах уделяется следующим мерам и их составляющим (см. табл. 2).

Таблица 2

Преимущества наименованных чисел в процессе обучения лиц с нарушением интеллекта в МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 38»

Мера	Используемый приоритет	Наименее используемые меры
Меры длины	миллиметр, сантиметр, метр	дециметр, километр
Меры массы	грамм, килограмм	центнер, тонна
Меры стоимости	рубль, копейка	-
Меры времени	секунда, час, день, неделя, год	-

Особое внимание мы отводим именованным числам десятичной структуры (меры длины, массы, стоимости) по причине универсальности в процессах подсчета, систематизации, комплектования, а также наиболее приоритетного использования в процессе обучения в МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа №38» г. Череповца.

В рамках констатирующего эксперимента основным методом являлось изучение результатов выполнения контрольных технологических карт за двухлетний срок обучения с выведением среднего значения результативности. Количество технологических карт составило по две за каждую учебную четверть, восемь за год обучения, по каждому предмету, соответственно.

В рамках предметов «Трудовое обучение» и «СБО» оценка использования именованных чисел являлась комплексной. Так, на уроках оценка социально-трудовых и учебно-познавательных компетенций по предмету складывалась из практических навыков и специфических особенностей данных предметов. На уроках «Трудовое обучение» оценивалось использование швейных принадлежностей, столовых инструментов, знаний техники безопасности. На «СБО» оценка складывалась, исходя из использования знаний об окружающем мире и его составляющих: правил поведения в социуме, навыков взаимодействия с окружающими, знания техники безопасности.

По результатам анализа таблиц «Соотношения реальной оценки по предмету «Трудовое обучение» и оценки по использованию именованных чисел» мы получили следующие результаты:

На предмете «Трудовое обучение»:

– в 5 классе (2015–2016 уч.г.) на оценку «удовлетворительно» выполнили 16 (80 %) обучающихся, на оценку «хорошо» 4 (20 %) обучающихся. Средний балл по итогам года составил 3,2.

– в 6 классе (2016–2017 уч.г.) на оценку «удовлетворительно» – 14 (70 %) обучающихся, на оценку «хорошо» – 6 (30 %) обучающихся. Средний балл по итогам года составил 3,8.

На предмете «СБО»:

– в 5 классе (2015–2016 уч.г.) на оценку «удовлетворительно» выполнили 13 (65 %) обучающихся, на оценку «хорошо» 7 (35 %) обучающихся. Средний балл по итогам года составил 3,3.

– в 6 классе (2016–2017 уч.г.) на оценку «удовлетворительно» – 14 (70 %) обучающихся, на оценку «хорошо» – 6 (30 %) обучающихся. Средний балл по итогам года составил 3,6.

Низкий уровень овладения данными компетенциями при работе с наименованными числами объясняется следующими факторами:

– на низком уровне сформированы счетно-мыслительные операции и действия с именованными числами;

– доминирующая роль наглядности в процессе трудовой деятельности не может полноценно реализоваться, несмотря на то что является основой обучения лиц с нарушением интеллекта;

– эмоциональная блокировка при переходе с мыслительных операций на операции практического характера;

– хаотичность в выборе способов решения сложившейся ситуации указывает на несформированную готовность к решению большинства практических задач;

– сложности при планировании работы, при вербальной характеристике этапов выполнения задания.

В. Данный этап эксперимента состоял в выполнении обучающимися теста, составленного на основе школьной программы, целью которого явилось выявление компетентностного подхода в действиях с наименованными числами во внешкольной среде.

Результаты полученных данных выглядят следующим образом:

По успешности выполнения обучающиеся составили 3 группы (по уровню успешности):

– Уровень ориентации «высокий». В 5 классе (2015–2016 уч.г.) результативность составила 7 %, в 6 классе (2016–2017 уч.г.) результативность составила 10 %. Обучающиеся хорошо ориентируются в структуре наименованных чисел, могут назвать большинство составных единиц определенных мер, привести более 4 примеров их применения как в быту, так и в работе, способны с незначительными погрешностями воспроизвести числовой состав употребляемых ими мер. Выполнение практического задания прошло без ярко выраженных проблем. Ученики, достигшие данного уровня, в большинстве своем имеют комфортный социальный статус. Родители (законные представители) отзываюся об учениках только с положительной стороны. Данные обучающиеся имеют интерес к процессам вне школьной деятельности: посещают кружки, секции, участвуют во внутришкольных мероприятиях. Ученики отзываюся об учебной деятельности как о легком процессе, не вызывающем трудностей, имеют оценки в пределах «хорошо» и «отлично».

– Уровень ориентации «средний». В 5 классе (2015–2016 уч.г.) результативность составила 87 %, в 6 классе (2016–2017. уч.г.) – 86 %. Достигшие этого уровня обучающиеся ориентируются в структуре наименованных чисел, могут назвать некоторые составные единицы определенных мер, привести 1–2 примера их применения в быту, способны с ошибкой воспроизвести числовой состав наиболее часто употребляемых ими мер. Выполнение практического задания требует незначительной по-

мощи со стороны взрослого. Ученики в большинстве своем имеют стабильный социальный статус, в целом высокие оценки в учебной деятельности. Они способны поверхностно поддержать беседу по выбранным интересам. В целом имеют положительные характеристики со стороны родителей (законных представителей), но все же присутствуют разовые нарушения дисциплины, халатность к выполняемым действиям. Характеризуются в рамках школы положительно.

– Уровень ориентации «низкий». В 5 классе (2015–2016 уч.г.) результативность составила 6 %, в 6 классе (2016–2017 уч.г.) – 4 %. Ученики ориентируются в структуре наименованных чисел, воспроизводят выборочно единицы только часто употребляемых мер, при выборе вариантов использования имеют значительные затруднения. Обучающиеся неспособны воспроизвести числовой состав выбранной меры, либо испытывают значительные трудности в выполнении, нуждаются в подсказке, наглядной ориентации (линейка). Практическое задание вызывает негодование, растерянность, отказ от выполнения. Помощь взрослого принимают неохотно, имеет место потеря смысловой нити происходящего. Ученики, достигшие данного уровня, находятся в социальной зоне риска, имеют сниженные ценностные ориентиры, способны на аффективные вспышки, агрессию либо заторможенность, плаксивы, обидчивы. По результатам обучения имеют доминирующую оценку «удовлетворительно». В рамках школы характеризуются «удовлетворительно».

В целом, результаты позволяют констатировать систематически проводимую работу, о чем свидетельствует доминирующий «средний» уровень и единичное наличие «низкого уровня». Однако характерные ошибки в практической и некоторых вопросах теоретической части позволяют утверждать, что необходимы специальные методические приемы для активизации компетенций в обучении наименованным числам на уроках математики лиц с нарушением интеллектуального развития для более полной актуализации полученных знаний.

Выводы

Проведенный констатирующий эксперимент подтвердил значительные трудности в использовании наименованных чисел как в академическом, так и компетентностном ключе. Данные анализа уровня академического компонента на уроках математики в рамках проведенного исследования отмечены как наиболее результативные и, как следствие, более доступные действия сложения (77 %) по причине фундаментальности, изученности, проработанности, первостепенности. Действия умножения (76 %) достигли такого уровня благодаря механическому навыку в использовании таблицы умножения (основные ошибки были отмечены нарушением ряда множителей). Следующими по результативности оказались действия вычитания (66 %). Данное снижение происходило по причине сложности в системе обратного счета, деления десятков, ориентации в числовых отношениях в рамках одной меры. Низкие результаты в действиях деления (64 %) характеризуются особенно сложной многоэтапной задачей, вызывающей особые трудности и в чистых арифметических заданиях. Задания на сравнение (64 %) и задачи (64 %) в целом имели низкий уровень выполнения по причине особой характерности в вопросе абстрагирования. Многие ученики имеют стертые представления о соотношении одних мер с другими. Кроме того, при прочтении или решении задачи учащиеся теряли одни меры или заменяли

их другими, схожими, не отмечая изменения даже при перечитывании задачи. Наименее результативными, как и ожидалось, оказались задания на преобразования (52 %) и задания смешанного типа (56 %) – это особенные задания, требующие четкой ориентации во всех действиях с наименованными числами.

В вопросах результативности анализа жизненных компетенций учащиеся испытывали затруднения в использовании имеющихся знаний в новой ситуации, а также в практической деятельности. Причиной этого являются трудности переноса знаний без критического отношения к ним, без учета ситуации, трудности актуализации имеющихся знаний, а также, по выражению Ж.И. Шиф, отсутствие «гибкости ума», трудности обобщений при решении новых задач умственно отсталыми школьниками. Например, во время выполнения контрольных и самостоятельных работ многие обучающиеся не обращали внимания на таблицу соотношения мер, а в дальнейшем, при работе над ошибками, многие говорили, что были уверены, что их решения верны.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что используемые методы обучения наименованным числам своей главной целью обозначают доминирующую функцию развития академического компонента, но особенность восприятия обучающимися с интеллектуальными нарушениями не позволяет им в полной мере сформировать социально-трудовые и учебно-познавательные компетенции при условии использования на уроках исключительно классических методов обучения.

Литература

1. Баряева Л.Б. Формирование элементарных математических представлений у дошкольников (с проблемами в развитии): учебно-методическое пособие. СПб., 2002. 479 с.
2. Веселов А.Н. Эволюция технических средств обучения в специальном образовании // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Череповецкие научные чтения». 2013. URL: http://www.chsu.ru/c/document_library/get_file?uuid=ac6b56a4-62a7-49b8-a758-72b9a9ea33fe&groupId=10157
3. Перова М.Н. Методика преподавания математики в специальной (коррекционной) школе 8 вида. М.: Просвещение, 1999. 370 с.
4. Перова М.Н. Методика преподавания математики в специальной (коррекционной) школе VIII вида. М., 2001. 401 с.
5. Программы специальной (коррекционной) образовательной школы VIII вида: 5–9 кл. / под ред. В.В. Воронковой. М., 2001. 240 с.
6. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М., 1998. 256 с.
7. Сергеев И.С., Блинов В.И. Как реализовать компетентный подход на уроке и во внеурочной деятельности. М., 2007. 132 с.
8. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.
9. Якиманская И.С. Психологические основы математического образования. М.: Академия, 2004. 324 с.
10. Veselov A.N. Especially the use of ict in mathematics lessons in inclusive educational environment for students with intellectual disabilities // Scientific enquiry in the contemporary world theoretical basics and innovative approach. Vol 3. Psychology and Pedagogics, research articles. Titusville. FL., USA, 2012. 354p.

References

1. Baryaeva L.B. *Formirovanie elementarnykh matematicheskikh predstavleniy u doshkolnikov (s problemami v razvitii)* [Formation of elementary mathematical concepts in preschool children (with problems in development)]. St Petersburg, 2002. 479 p.
2. Veselov A.N. Evolyutsiya tehnikeskikh sredstv obucheniya v spetsialnom obrazovanii [The evolution of technical means of training in special education]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Cherepovetskie nauchnyie chteniya"* [Materials of the all-Russian scientific-practical conference "Cherepovets scientific reading"]. 2013. Available at: http://www.chsu.ru/c/document_library/get_file?uuid=ac6b56a4-62a7-49b8-a758-72b9a9ea33fe&groupId=10157
3. Perova M.N. *Metodika prepodavaniya matematiki v spetsialnoy (korrektsionnoy) shkole 8 vida* [Methods of teaching mathematics in special (remedial) school of type 8]. Moscow, 1999. 370 p.
4. Perova M.N. *Metodika prepodavaniya matematiki v spetsialnoy (korrektsionnoy) shkole VIII vida* [Methods of teaching mathematics in special (remedial) school of type 8]. Moscow, 2001. 401 p.
5. *Programmy spetsialnoy (korrektsionnoy) obrazovatelnoy shkoly VIII vida: 5-9 kl.* [Programs of special (remedial) school of type 8: 5–9 form]. Pod red. V.V. Voronkovoy. Moscow, 2001. 240 p.
6. Selevko G.K. *Sovremennyye obrazovatelnyie tehnologii* [Modern educational technologies]. Moscow, 1998.
7. Sergeev I.S., Blinov V.I. *Kak realizovat kompetentnostnyiy podhod na uroke i vo vneurochnoy deyatel'nosti: Prakticheskoe posobie* [How to implement the competence approach in the lesson and in extra-curricular activities: a practical guide]. Moscow, 2007. 132 p.
8. Hutorskoy A.V. Klyucheveryie kompetentsii i obrazovatelnyie standartyi [Key competences and educational standards]. *Internet-zhurnal "Eydos"* [Internet-magazine "Eidos"]. 2002. Available at: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.
9. Yakimanskaya I.S. *Psihologicheskie osnovy matematicheskogo obrazovaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Psychological foundation of mathematical education: a manual for institutions of higher education]. Moscow, 2004. 324 p.
10. Veselov A.N. Especially the use of ict in mathematics lessons in inclusive educational environment for students with intellectual disabilities. *Scientific enquiry in the contemporary world theoretical basics and innovative approach*. Vol. 3. Psychology and Pedagogics, research articles. Titusville. FL., USA, 2012. 354 p.

Для цитирования: Веселов А.Н., Денисова О.А. Овладение практическими компетенциями в использовании наименованных чисел на уроках математики в 5–6 классах обучающимися с нарушением интеллекта // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 152–163. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-17

For citation: Veselov A.N., Denisova O.A. Mastery of practical competences in using named integers at mathematics lessons in 5–6 forms of students with intellectual disabilities. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 152–163. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-17

Громова Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: e.v.g-a@mail.ru

Gromova Elena Vladimirovna

PhD in Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Saint Petersburg State University of Culture (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: e.v.g-a@mail.ru

**ПЕДАГОГИКА ХОРЕОГРАФИИ:
МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД В
ОЦЕНИВАНИИ ЗНАНИЙ
СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

**CHOREOGRAPHIC PEDAGOGY:
THE METHODOLOGICAL APPROACH
TO EVALUATING KNOWLEDGE
OF STUDENTS OF CREATIVE
SPECIALTIES**

Аннотация. В статье подчеркивается значение методического подхода в оценивании качества освоения знаний студентами творческих специальностей. Проводится анализ процесса оценивания качества освоения знаний студентами по исполнительским (танцевальным) дисциплинам на примере классического танца. Обозначается круг проблем и обосновывается актуальность применения методического подхода в сложившихся условиях. Намечаются возможности разрешения противоречий путем применения методического подхода к оцениванию качества освоения знаний – разработке системы методов оценивания, включающей в себя расширение диапазона критериев и показателей, а также приведение их в соответствие этапам освоения дисциплины.

Abstract. The significance of the methodical approach to evaluating the quality of knowledge mastered by students of creative specialties (on the example of classical dance) is underlined. The process of evaluating how the students of creative specialties master the knowledge on the example of dance classes is analyzed. The author identifies the range of problems and justifies the relevance of the methodical approach application in current circumstances. One discusses the ways of sorting out the contradictions by applying a methodical approach to evaluating the quality of knowledge mastering, i.e. to creating the system of evaluation methods, including the expansion of the criteria and indicators' range, as well as bringing these criteria and indicators into accordance with the stages of mastering the discipline.

Ключевые слова: педагогика хореографии, педагогика балета, хореографическое образование, методический подход, исполнительские дисциплины, классический танец, оценивание знаний, критерии и показатели оценки знаний

Keywords: methodical approach, choreographic education, ballet pedagogy, dance disciplines, classical dance, evaluation of knowledge, criteria and indicators of knowledge evaluation

---

Введение

На сегодняшний день, когда российское образование находится в активном поиске новых путей реализации перспектив, механизмов развития и совершенствования профессионального инструментария [7, с. 6–7], перед хореографической педагогией стоит важная задача – опираясь на опыт, накопленный поколениями деятелей

балета, сохраняя проверенные веками традиции, идти в ногу с передовыми достижениями современной педагогической науки.

В связи с этим очевидно, что применение научно обоснованного методического подхода в выборе инструментов эффективного оценивания качества знаний обучающихся танцевальным дисциплинам является необходимостью и имеет огромное значение. Однако в данный момент целесообразный баланс между традициями и требованиями времени в хореографической педагогике не достигнут окончательно. Этот факт делает задачу по разработке научно обоснованного методического подхода одной из актуальных задач педагогики хореографии на сегодняшний день.

Основная часть

Методический подход в педагогической науке принято понимать как совокупность способов воздействия педагога на занимающихся, выбор которых обусловлен определенной научной концепцией, логикой организации и осуществлением процесса обучения, воспитания и развития [5, с. 23].

На данный момент в практике преподавания дисциплин, связанных с хореографическим исполнительством, налицо проблема систематизации и структурирования методов оценки в соответствии с целесообразной логикой процесса оценивания результата обучения. Это выражается в отсутствии точно сформулированных критериев и показателей, которые были бы логично связаны с компетенциями, определенными государственным стандартом для каждого из направлений подготовки, программы которых включают в себя танцевальные дисциплины. Эти проблемы снижают эффективность оценивания и делают его субъективным. Именно поэтому применение методического подхода в оценивании результата обучения имеет здесь большое значение и может стать одним из эффективных решений [5, с. 113].

Профессиональная компетентность в хореографическом исполнительстве как качественная характеристика подготовленности представляет собой единство теоретико-методического знания, исполнительского мастерства, опыта его воспроизведения и развитого чувственного восприятия танца. Основными компонентами профессиональной компетентности в хореографии являются:

- когнитивный – теоретико-методическое знание теории и методики танца, а также базовых основ сохранения здоровья в условиях исполнительской деятельности;
- технологический – владение техникой танца и исполнительским мастерством;
- эмоционально-личностный – богатство эмоционального проявления в танце, способность и готовность к его самовыражению;
- физическая и психосоматическая развитость;
- опыт исполнительского мастерства.

Уровни проявления компетентности принято определять, взяв за основу традиционные уровни исполнительской подготовки артистов балета, которые обозначают как начальный, средний и высокий уровни проявления профессиональной компетентности в классическом танце.

Критериями оценки и показателями проявления уровней профессиональной компетентности артиста балета выступают: уровень знаний (теории и методики классического танца, а также базовых основ сохранения здоровья в условиях исполнитель-

ской деятельности); владение техникой (техника исполнения элементов классического танца); уровень развития физических и психосоматических кондиций (выраженность специальных физических и психосоматических кондиций).

Формирование профессиональной компетентности в классическом танце артиста балета включает в себя теоретическую и исполнительскую подготовку, а также развитие качеств, определяющих разнообразие эмоционально-личностного проявления в классическом танце. Исполнительская подготовка занимает особое место, так как в процессе ее осуществления происходит формирование других компонентов профессиональной компетентности в классическом танце артиста балета.

Исполнительская подготовка по классическому танцу артиста балета представляет собой единство содержания, методики преподавания, а также мотивированной активности обучающихся и условий обучения. Главная ее цель – формирование качественных двигательных навыков техники.

Современные принципы оценки качества освоения знаний обучающихся по исполнительским дисциплинам, в частности классическому танцу, опираются на глубокие традиции, сложившиеся в балетном образовании. Так, традиционной формой еще со времен императрицы Анны Иоанновны стали испытательные вечера, в ходе которых учащиеся исполняли танцевальные элементы учебной программы [8]. Основными критериями оценки при этом служили успешность освоения техники танца и выразительность исполнения. Эти критерии и в дальнейшем определяли качество освоения знаний по танцевальным дисциплинам, что подчеркивает роль исполнительской подготовки как наиболее значимого компонента формируемой компетентности, основы хореографического образования. В трудах А.Я. Вагановой, где изложены ее методические принципы преподавания, ведущая роль исполнительской подготовки в хореографическом образовании определена однозначно [3].

Владение техникой танца и выразительность остаются главными критериями оценки качества освоения знаний обучающимися исполнительских дисциплин и сейчас [8, с. 17]. Согласно традиции, в настоящее время основной формой контроля качества освоения знаний по-прежнему является творческий показ – открытый урок классического танца в традиционном построении, исполняемый учащимися перед экспертной комиссией. Содержание творческого показа представлено танцевальными комбинациями, выполняя которые, учащиеся демонстрируют навыки техники танца, соответствующие определенному уровню сложности.

Уровни сложности в классическом танце складывались под влиянием различных социально-экономических и профессиональных факторов в течение длительного времени. Процесс их формирования начался еще во времена Ш.-Л. Дидло, а методическое оформление осуществлено в период 1928–1938 гг. А.Я. Вагановой и ее коллегами [8]. В настоящее время уровни сложности традиционно обозначаются как год обучения или класс (1-ый, 2-ой, 3-ий и т.д.) [1], [2]. Под каждым из них подразумевается конкретный объем элементов классического танца. А.В. Фомкин разъясняет специфику процедуры оценивания знаний обучающихся по танцевальным дисциплинам в балетном образовании, указывая на причинно-следственные связи и исторические традиции: «Далеко не все (учащиеся), отвечающие этим требованиям (имеются в виду критерии отбора) в 9–12 лет, в процессе развития организма и обучения сохраняли данные свойства. К концу XVIII века, с усилением профессиональных

требований, способом освобождения от таких детей стала особая процедура промежуточной аттестации: испытательные вечера (с 1809 г. именуются экзаменами). Они представляли собой балетное или драматическое представление, по итогам которого педагогическая комиссия исключала неспособных детей...» [8, с. 147]. Далее А.В. Фомкин указывает, что «ценой высокого профессионализма выпускников училища явилось снижение требований к их интеллектуальному развитию и, как следствие, падение их социально-адаптивных возможностей в случае прекращения обучения или профессиональной деятельности...» [8, с. 149]. Отчисление студентов в результате промежуточной аттестации сохраняется в балетном образовании до сих пор. Отчисление происходит по результатам успеваемости только по одному предмету – «Классический танец», особенно интенсивно на этапе получения общего образования (первые пять-шесть лет обучения) [8]. Социальная адаптация отчисленных студентов – серьезная юридическая, экономическая и социальная проблема балетного образования. Тем не менее, такая процедура – необходимое условие сохранения его высокого качества.

В настоящее время в балетном образовании существует целая система промежуточных аттестаций, при которой учащийся в каждый последующий класс фактически поступает заново. Определяющими факторами при этом являются успешность освоения программы по классическому танцу и физические параметры учащегося. Оценивание знаний и умений по танцевальным дисциплинам в разные периоды происходило по 5-балльной и 12-балльной системе. Обязательной и главной частью экзамена остается урок классического танца в его традиционной форме, включающий в себя программные движения, традиционно закрепленные за определенным уровнем сложности.

Оценка исполнительских навыков учащегося осуществляется художественно-педагогической комиссией, в которую могут входить преподаватели (бывшие или действующие артисты балета), артисты балета, не занятые педагогической работой, балетмейстеры театра и т.д.

Учащиеся оцениваются педагогами и деятелями балета с точки зрения:

- техники исполнения программных движений;
- стилистической точности и выразительности движений в соответствии с художественной традицией русской школы классического танца.

По нашему мнению, процесс оценивания ученика в балетном классе членами педагогической комиссии складывается под влиянием следующих основных субъективных факторов, которые имеют определенный источник формирования (см. таблицу).

Таблица

Субъективные факторы оценки результативности обучения и источники их формирования в балетном образовании

Фактор	Источник формирования
1	2
личная мышечная память, связанная с регулярной специфической профессиональной нагрузкой	период обучения в балетной школе, техникуме/училище, ежедневный класс в театре

1	2
личный ученический опыт освоения классического танца, опыт преодоления трудностей	период обучения в балетной школе, техникуме/училище, ежедневный класс и исполнительская практика в театре
личные художественно-эстетические представления	семья, балетная школа, техникум/училище, театр, концертный коллектив, нахождение в профессиональной среде со всеми ее аспектами
личные представления об особенностях техники исполнения движений и методике преподавания классического танца	балетная школа, техникум/училище, вуз, педагогический опыт
личный педагогический опыт	педагогическая работа в балетной школе, техникуме/училище, театре
личные представления о требованиях современного балетного театра	исполнительская практика в балетном театре, концертном коллективе
личный исполнительский опыт	исполнительская практика в балетном театре
другие личностные состояния и переживания	жизненная среда, образ жизни, возраст и другие факторы

Как видно из таблицы, практически все приведенные факторы, влияющие на процесс оценивания ученика, источником своего формирования имеют сферу балета. В оценивании учитывается всесторонний опыт взаимодействия с этой сферой: опыт обучения профессии, исполнительский опыт, педагогический опыт, художественно-эстетический опыт работы в театре. Следовательно, такая оценка хотя и субъективна, но стремится к объективности.

Проверенная временем традиционная процедура оценивания знаний по танцевальным дисциплинам остается эффективной и в настоящее время, а критерии и показатели по-прежнему актуальны. Однако в соответствии с требованиями современного образования и науки они нуждаются в уточнениях, конкретизации и систематизации. Здесь эффективным решением может стать разработка системы критериев и показателей, тесно связанных с традиционным структурированием учебного материала.

Как было сказано ранее, согласно традиции, дидактический материал классического танца структурирован по уровням сложности (классам или годам обучения). Кроме того, технические принципы классического танца – *aplomb*, выворотность, натянутость, координация – определяют основные направления развития двигательных навыков. К ним можно отнести владение корпусом, навыки выворотного движения от элементарных до художественных форм (прямолинейные и круговые движения ног, прыжок, вращение, пальцевая техника в женском классе, работа рук), развитие музыкальности, координации и прочее. Эти направления определены А.Я. Вагановой в книге «Основы классического танца» [3], где каждому из них посвящен целый раздел.

Основные направления развития двигательных навыков пролегают через все уровни сложности от первых элементарных рас до виртуозных художественных форм, проходя через характерные этапы освоения техники танца: освоение закон-

ченной формы элемента; традиционное комбинирование; общее ускорение темпа; перевод в позы; перевод на полупальцы; исполнение элементов en tournent.

Структурирование по уровням сложности и направлениям развития двигательных навыков позволяет сформулировать соответствующие им критерии оценки и показатели качества освоения знаний учащихся. Целесообразная логика структурирования может стать основой для приведения всей совокупности критериев и показателей в последовательно выстроенную систему.

Несмотря на то, что ведущую роль в оценивании качества освоения знаний по исполнительским дисциплинам по-прежнему играют традиционные критерии (техника танца и выразительность исполнения), государственные стандарты высшего образования (например, направления подготовки «Народная художественная культура») требуют формирования компетенций, связанных также с педагогикой танца. Таким образом, возникает необходимость расширить диапазон применяемых критериев оценки знаний, дополнив его теми, что характеризуют освоение методических приемов преподавания.

Нельзя отрицать тот факт, что технологии, применяемые для выявления качества освоения знаний обучаемых по исполнительским дисциплинам, ориентированы в основном на критерий «техника танца». Его доминирующая роль неоспорима, так как исполнительская подготовка является базовым компонентом подготовленности специалиста. Однако высшее образование в данной области подразумевает более широкое понимание компетентности. Государственный образовательный стандарт направления подготовки «Народная художественная культура» подразумевает исполнительскую подготовку только как часть подготовленности выпускника, хотя и наиболее значительную.

Применение методического подхода к оцениванию качества освоения знаний по исполнительским дисциплинам означает, прежде всего, ориентацию на требования государственного стандарта и отбор наиболее эффективных методов оценки. Современные научные исследования позволяют достаточно точно определять количественные и качественные показатели. Например, измерение кондиций (выворотности в градусах по Дж.С. Хавилеру [9], силовую выносливость в подходах по Ю.Ф. Курамшину [4]). П.А. Силкиным разработаны таблицы роста-весовых показателей, которые применяются в определении подготовленности студентов Академии русского балета им. А.Я. Вагановой, будущих артистов балета [6]. Но эффективны ли такие методы в условиях вуза?

Традиционный подход предлагает нам в качестве основного инструмента оценивания экспертную оценку. Этот метод проверен временем и доказал свою эффективность, хотя не лишен субъективности. Анализируя факторы, под влиянием которых складывается мнение экспертов, можно выделить несколько основных, например: личный опыт обучения профессиональным навыкам, сценическая деятельность, педагогический опыт, личные эстетические предпочтения и т.д. Большинство из них прямо или косвенно связано с профессиональной средой, поэтому такая оценка будет стремиться к точности и объективности. Следовательно, здесь методы экспертной оценки и педагогического наблюдения остаются по-прежнему наиболее актуальными. Для решения проблемы важнее предложить экспертам точные показатели, структурированные в соответствии с уровнями сложности исполнительской подготовки, определенными традицией.

На наш взгляд, в соответствии с методическим подходом к оцениванию качества знаний необходимо, опираясь на традиции, разработать систему критериев и соответствующих им показателей, отражающую этапы освоения танцевальных дисциплин. При этом важно понимать, что каждый уровень сложности, определенный традицией, задает свое понимание одного и того же критерия и требует применения разных показателей. Так, например, критерий «техника танца» на начальном этапе обучения может быть определен такими показателями, как «выраженность специальных физических кондиций (выворотность, натянутасть, гибкость и прочее)», «владение базовыми элементами классического танца в чистом виде», «постановка рук», «постановка прыжка» и т.д. Соответственно на последующих этапах исполнительской подготовки целесообразно применять такие показатели, как «владение приемами исполнения традиционных комбинаций элементов», «владение приемами передачи художественной окраски движений» и т.д. В конечном итоге вся система критериев и показателей оценивания качества знаний должна отражать процесс формирования компетенций, заданных государственным образовательным стандартом.

В процессе оценивания качества освоения знаний традиционно применяется технология последовательного выполнения творческих заданий, а также система комбинированных опросов. На данный момент требуется уточнение содержания технологии и приведение ее к более точному соответствию этапам освоения дисциплины, чтобы она стала технологией в полном смысле этого понятия, а не набором отдельных заданий, слабо связанных между собой по уровню сложности. Такие технологии станут тем стержнем, который структурирует фонды оценочных средств.

Выводы

Резюмируя, важно подчеркнуть, что методический подход к оцениванию качества освоения знаний по исполнительским дисциплинам, в частности классическому танцу, необходимо рассматривать как совокупность способов оценки, объективно выявляющих результат формирования компетенций на определенном этапе обучения. Данная совокупность способов должна представлять собой целостную систему оценки знаний, построенную на основе логичной целесообразности и преемственности. Такая целесообразность и преемственность в педагогике хореографии задана традициями балетного образования, сложившимися благодаря богатому эмпирическому опыту русской балетной школы. Необходимо опираться на него в поиске новых путей совершенствования педагогического процесса. Таким образом, традиционный подход к оцениванию качества освоения знаний по исполнительским дисциплинам обогатится современным педагогическим инструментарием и станет более эффективным. Это позволит в целом повысить качество процесса формирования компетентности будущего специалиста, получить более объективную и точную картину результативности обучения исполнительским дисциплинам студентов творческих специальностей.

Литература

1. Базарова Н.П. Классический танец. М.: Искусство. 1984. 230 с.
2. Базарова Н.П., Мей В.П. Азбука классического танца. Л.: Искусство. 1983. 239 с.
3. Ваганова А.Я. Основы классического танца. СПб.: Лань. 2000. 192 с.
4. Курамшин Ю.Ф. Теория и методика физической культуры. М.: Советский спорт. 2010. 320 с.

5. Курамшин Ю.Ф., Грец И.А., Мин Хе Джин. Профессионально-деятельностный подход к систематизации методов физического воспитания. Смоленск: СГАФК. 2010. 267 с.
6. Силкин П.А. Педагогическая диагностика детей для обучения искусству танца на примере Академии русского балета им. А.Я. Вагановой: дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2008. 165 с.
7. Тургаев А.С. Предисловие // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. №4 (17). С. 6–7.
8. Фомкин А.В. Исторические традиции современного балетного образования (на материале деятельности танцевальной Ея Императорского Величества школы – Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой): дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2009. 180 с.
9. Хавилер Д.С. Тело танцора. Медицинский взгляд на танцы и тренировки. М.: Новое слово. 2004. 111 с.

References

1. Bazarova N.P. *Klassicheskiy tanets* [Classical dance]. Moscow, 1984. 230 p.
2. Bazarova N.P., Mei V.P. *Azbuka klassicheskogo tantsa* [The hornbook of classical dance]. Leningrad, 1983. 239 p.
3. Vaganova A.Ya. *Osnovy klassicheskogo tantsa* [Fundamentals of classical dance]. St Petersburg, 2000. 192 p.
4. Kuramshin Yu.F. *Teoriya i metodika phizicheskoy kul'tury* [Theory and methodology of physical culture]. Moscow, 2010. 320 p.
5. Kuramshin Yu.F., Gretz I.A., Min Hye Jin. *Professional'no-deyatelnostnyy podhod k sistematzatsii metodov phizicheskogo vospitaniya* [Professional approach to the systematization of methods of physical education]. Smolensk, 2010. 267 p.
6. Silkin P.A. *Pedagogicheskaya diagnostika detey dlya obucheniya iskusstvu tantsa na primere Akademii russkogo ballet im. A.Ya. Vaganovoy* [Pedagogical diagnostics of children for teaching the art of dance on the example of the Academy of Russian Ballet named after A.Ya. Vaganova: Dr. dis.]. St Petersburg, 2008. 165 p.
7. Turgayev A.S. *Predisloviye* [Preface]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St Petersburg State University of Culture and Arts], 2013, no. 4 (17), pp. 6–7.
8. Fomkin A.V. *Istoricheskiye traditsii sovremennogo baletnogo obrazovaniya (na material deyatelnosti tantsoval'noy Eya Imperatorskogo Velichestva shkoly – Akademii russkogo ballet im. A.Ya. Vaganovoy)* [Historical traditions of modern ballet education (on the basis of the activity of the dancer's Her Imperial Majesty school – the Academy of Russian Ballet named after A.Ya. Vaganova): Dr. dis.]. St Petersburg, 2009. 180 p.
9. Khaviler D. *Telo tantsora. Meditsynskiy vzglyad na tantsy i trenirovki* [The body of a dancer. Medical look at dancing and training]. Moscow, 2004. 111 p.

Для цитирования: Громова Е.В. Педагогика хореографии: методический подход в оценке знаний студентов творческих специальностей // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 164–171. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-18

For citation: Gromova E.V. Choreographic pedagogy: the methodical approach to evaluating knowledge of students of creative specialties. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 164–171. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-18

Нечаева Ольга Михайловна

Аспирант,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: nom010646@yandex.ru

Nechaeva Olga Mikhailovna

Postgraduate student,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: nom010646@yandex.ru

**МОЛОДЕЖНОЕ АГРАРНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ
СУЩНОСТИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА**

**YOUTH AGRARIAN
ASSOCIATION: PROBLEM OF ITS
ESSENCE AND PEDAGOGICAL
POTENTIAL**

Аннотация. В данной статье обосновывается идея педагогического потенциала молодежных аграрных объединений, функционирующих на базе высших учебных заведений. Автор дает интерпретацию понятия «молодежное аграрное объединение», а также рассматривает его педагогические задачи. В работе выделяются и описываются компоненты педагогического потенциала молодежного аграрного объединения и его педагогические функции, делается вывод, что ценностно-смысловая составляющая педагогического потенциала является его системообразующей функцией.

Abstract. The article substantiates the idea of the pedagogical potential of youth agrarian associations functioning on the basis of higher educational establishments. The author interprets the concept «youth agrarian association» and examines its pedagogical purposes. The article singles out and describes the components of the pedagogical potential of a youth agrarian association and its pedagogical functions. The author comes to the conclusion that the value-semantic component of the pedagogical potential is its system-forming function.

Ключевые слова: молодежное общественное объединение, молодежное аграрное объединение, социально-значимые качества, педагогический потенциал молодежного аграрного объединения, системообразующая функция, ценностно-смысловые компетенции

Keywords: youth public association, youth agrarian association, socially significant features, pedagogical potential of a youth agrarian association, system-forming function, value-semantic competences

---

Введение

В современной науке вопросы, касающиеся деятельности молодежных общественных объединений (Н.Ф. Басов, А.В. Волохов, Э.Ш. Камалдинова, М.Е. Кульпединова, Р.А. Литвак и др.), а также истории и развития молодежного движения в России (Л.В. Алиева, Л.В. Байбородова, А.В. Волохов, В.А.Кудинов, М.И. Рожков, И.И. Фришман и др.) раскрыты достаточно глубоко.

В то же время в педагогической литературе не встречается актуализация вопроса о педагогическом потенциале молодежного аграрного объединения в значении средства для формирования социально-значимых качеств личности современного молодого человека в рамках целостного педагогического процесса, проявлений его ценностно-смысловых компетенций в социальном и профессиональном развитии как будущего специалиста в аграрной сфере.

Основная часть

В настоящее время в рамках реализации молодежной политики в России большое внимание уделяется работе с молодежью через общественные объединения. Понятие «общественное объединение» официально закреплено в Федеральном законе РФ от 19 мая 1995 года «Об общественных объединениях», согласно которому эта категория рассматривается как «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения» [6].

В условиях быстро развивающейся экономики, увеличения требований к качеству подготовки выпускника, отсутствия выраженной государственной идеологии общественные объединения становятся ярко выраженной силой для формирования мировоззрения, самоопределения и самореализации граждан. Рассмотрение вопроса педагогического потенциала молодежных общественных объединений заслуживает особого внимания. Как педагогическая категория, понятие «потенциал» характеризуется наличием возможностей и средств, которые имеют воспитательную направленность [2].

В начале XXI века В.А. Луковым и его коллегами был разработан подход «социальной субъектности», согласно которому молодежное объединение – это способ самостоятельного участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений, освоения и реализации своей социальной субъектности в соответствии с реальным или желаемым социальным статусом, а самореализация, самоопределение молодого человека происходят чаще всего в рамках молодежных сообществ, в совместной деятельности молодых людей по реализации своих социальных интересов [3]. Мы разделяем данную точку зрения и подчеркиваем важность молодежных объединений в самореализации и самоопределении молодежи.

Современные исследователи выделяют характерные черты отечественных молодежных объединений:

- стремление к универсальности, разнообразию проектов;
- участие в общественном объединении рассматривается как «общественная нагрузка», хобби, а не как профессиональная деятельность (однако в последнее время стали развиваться общественные объединения, которые становятся «стартом» для развития профессиональной деятельности);
- опора на интуицию и ситуативность, что вызвано отсутствием апробированных профессиональных технологий и методов работы;
- проблемы с источниками финансирования, поиском средств, зависимость от государственного заказа [4].

Также выделяются и особенности молодежных общественных объединений по сравнению с другими общественными объединениями:

- ведущим мотивом участия в молодежном объединении является возможность самореализации;
- в общественном объединении молодежь становится субъектом права и гражданской активности, приобретает опыт самостоятельной работы и ответственности за ее результаты;

– молодежь рассматривается, с одной стороны, как субъект молодежной политики и целостного педагогического процесса, с другой стороны, как объект молодежной политики и целостного педагогического процесса, требующий педагогического воздействия, воспитания и контроля;

– молодежные общественные объединения выполняют роль «медиаторов» между государственной властью и молодым поколением, способствуя смягчению социальных противоречий [4].

Таким образом, молодежное общественное объединение позволяет целенаправленно формировать социально значимые качества личности, способствует саморазвитию и самореализации человека, следовательно, обладает педагогическим потенциалом.

Интерпретация категории «молодежное общественное объединение» и этимология понятия «аграрный» позволяют представить молодежное аграрное объединение как молодежное общественное объединение, созданное на добровольной основе гражданами для реализации общих целей по социальному или профессиональному развитию в аграрной сфере.

В современной ситуации развития общества молодежные аграрные объединения, осуществляя разноплановую деятельность, но представляя собой, прежде всего, социальное явление, способствуют формированию социально значимых качеств личности. Их работа связана с профессиональной подготовкой, ориентированной преимущественно на коллективную деятельность и развитие комплекса социально-профессиональных качеств личности на основе соответствующего комплекса ценностей. Следовательно, на основе выделенных ценностей можно определить у участников молодежного аграрного объединения основные формируемые качества личности, а также соответствующий комплекс компетенций.

В современном аграрном вузе молодежное объединение выступает как средство для организации системной воспитательной работы в рамках целостного педагогического процесса. Такое объединение на базе вуза строит свою деятельность на принципах, способствующих самореализации личности обучающегося: добровольности участия в общественном объединении, целенаправленной деятельности, целостности и системности деятельности, выборности руководящих органов, открытости в деятельности, консолидации студентов для решения вопросов по улучшению качества профессиональной подготовки, партнерства во взаимодействии с другими общественными объединениями и администрацией вуза [5]. Молодежное аграрное объединение, включая студентов в развивающую образовательную деятельность, становится механизмом для социально-профессиональной самореализации студентов. Это позволяет сделать вывод о педагогическом потенциале молодежного аграрного объединения.

Педагогический потенциал молодежного аграрного объединения является системно организованным феноменом, в структуре которого можно выделить такие компоненты, как:

а) образовательный – способствует формированию у студентов в молодежном аграрном объединении системы знаний, связанной с профессиональной ориентацией;

б) развивающий – обеспечивает развитие критического мышления, умение самостоятельно принимать решения через привлечение обучающихся к их участию в социально значимых акциях и проектах;

в) воспитательный – включает в себя гуманистическое и патриотическое воспитание, воспитание у обучающихся активной гражданской позиции, формирование лидерских и нравственно-этических качеств;

г) ценностно-нормативный – обеспечивает формирование определенной системы ценностно-смысловых ориентаций и модели поведения обучающихся.

Выявленное содержание компонентов позволяет выделить следующие педагогические функции молодежного аграрного объединения, отражающие их педагогический потенциал: социальной компетентности, личностно-развивающая, профессиональная, инновационно-инициативная, гражданского воспитания, ценностно-смысловая. Рассмотрим более детально содержание каждой из названных функций:

1. Функция социальной компетентности рассматривает формирование опыта самостоятельной жизни в обществе, социализации человека.

2. Личностно-развивающая функция позволяет реализовать свои склонности, интересы, возможности.

3. Профессиональная функция заключается в способности к трудовой деятельности, осознании ценности труда и его общественной пользы, способности к труду, развитию профессионально важных качеств и профессиональной компетентности.

4. Инновационно-инициативная функция означает развитие деловых, инициативных, эвристических способностей студентов в процессе работы в молодежном аграрном объединении, формирование активной жизненной позиции, умения разрабатывать социальные проекты и их реализовывать, брать на себя ответственность за результат своей деятельности.

5. Функция гражданского воспитания позволяет человеку получить общественное признание своих усилий через активную гражданскую позицию, реализацию гражданских прав и обязанностей.

6. Ценностно-смысловая функция заключается в формировании ценностно-смысловых компетенций обучающихся вуза.

Реализация выделенных педагогических функций молодежного аграрного объединения в целостном педагогическом процессе позволит развить социально значимые качества личности и значительно повысить качество подготовки будущего работника аграрной сферы, а выделенная системообразующая функция – ценностно-смысловая – дает возможность интерпретировать траекторию построения работы молодежного аграрного объединения в вузе. Данная функция становится основой организации целостного педагогического процесса, определяя цель, содержание, педагогические технологии, критериальные показатели эффективности педагогической работы в этом направлении. Невозможно сформировать профессионала своего дела без ценностно-смысловых компетенций, важных для той или иной специальности.

Опираясь на возрастные особенности обучающихся и понятие «молодежное аграрное объединение», мы выделили комплекс духовных ценностей участников молодежного аграрного объединения: «личность», «природа», «общество», «профессия». Эти ценности будут являться ценностно-смысловыми ориентирами выстраива-

ния целостного педагогического процесса. Важна логическая цепочка научных категорий. Духовные ценности определяют ценностно-смысловые ориентиры, которые, в свою очередь, становятся базой формирования качеств-ценностей личности, а их результатом видится формирование ценностно-смысловых компетенций. Нами разделяется научная позиция Л.О. Володиной о том, что конкретной ценности соответствуют конкретные качества ценности [1]. Это позволяет содержательно представить обоснованную нами логическую цепочку научных категорий в рамках понятия «молодежное аграрное объединение» (см. таблицу).

Таблица

Логическая цепочка научных категорий в рамках понятия «молодежное аграрное объединение»

Ценностно-смысловой ориентир	Качества-ценности личности	Ценностно-смысловая компетенция
Природа	Любовь к природе, бережное отношение к ее богатствам	Способность видеть и понимать окружающий мир, уметь ориентироваться в нем, рационально относиться к природным богатствам
Общество	Гуманность, альтруизм, толерантность, уважение семейных традиций, гражданственность, патриотизм, уважение к социальным нормам и этическим требованиям, чувство ответственности	Проявление гуманности, альтруизма, толерантности; способность дорожить семейными традициями; развитое чувство гражданственности и патриотизма
Личность	Самостоятельность, самоопределение, самореализация, забота о своем здоровье, стремление вести здоровый образ жизни, самопринятие, любознательность	Осознание своей роли и предназначения в жизни; умение выбирать целевые и смысловые установки для своих поступков и действий, связанных с планированием своей жизненной траектории; здоровый образ жизни
Профессия	Профессионализм, жизненная активность, личная творческая инициатива, целеустремленность, стремление к достижению и успеху в обществе, улучшению своего положения в повседневной жизни [1], трудолюбие, гордость за результаты своего труда, старательность, дисциплинированность	Понимание значения трудовой деятельности и важности своей будущей профессии; желание совершенствоваться в своей профессии; стремление к достижению успеха в обществе; способность оценивать результаты своего труда

Понятие «профессия» в рамках системы ценностно-смысловых ориентиров будет интегративным, так как включает в себя отдельные элементы вышеперечисленных понятий, а также включает дополнительные.

На основе вышесказанного конкретизируем понятие «молодежное аграрное объединение»: это общественное объединение молодежи, созданное на добровольной основе в контексте духовных категорий «общество», «природа», «личность» и «профессия» как ценностно-смысловых ориентиров для реализации целей по социальному и профессиональному развитию будущих специалистов в аграрной сфере, направленное на формирование соответствующего комплекса ценностно-смысловых компетенций.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что сущность молодежного аграрного объединения определяется его составляющими компонентами – образовательным, развивающим, воспитательным и ценностно-нормативным, – образующими, в целом, педагогический потенциал такого объединения. Выделение ценностно-смысловой функции педагогического потенциала в качестве системообразующей позволяет интерпретировать направления педагогической деятельности, отвечающие профилю высшего учебного заведения.

Литература

1. Володина Л.О. Методическая и методологическая компетентности педагога в вопросе духовно-нравственного воспитания // Начальная школа. 2016. №7. С. 8–12.
2. Гаврилова А.О. Сущность педагогического потенциала русской народной культуры // Фундаментальные исследования. 2015. №2–19. С. 4280–4285.
3. Луков В.А. Государственная молодежная политика: требование перемен // Молодежь-97: надежды и разочарования. М., 1997.
4. Родина О.А. Молодежные общественные объединения в современной России: социологический анализ эффективности: дисс.... канд. соц. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/v/159217/d#?page=1>
5. Студенческие объединения: создание, становление, функционирование: методические рекомендации для студентов / сост. Т.Б. Крюкова, Т.В. Королева. Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, 2012. 92 с.
6. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/

References

1. Volodina L.O. Metodicheskaja i metodologicheskaja kompetentnosti pedagoga v voprose duhovno-nravstvennogo vospitanija [Methodical and methodological competence of the teacher in the issue of spiritual and moral education]. *Nachal'naja shkola* [Elementary School], 2016, no. 7, pp. 8–12.
2. Gavrilova A.O. Suwnost' pedagogicheskogo potenciala russkoj narodnoj kul'tura [The essence of the pedagogical potential of Russian folk culture]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental research], 2015, no. 2–19, pp. 4280–4285.
3. Lukov V.A. Gosudarstvennaja molodjozhnaja politika: trebovanie peremen [State Youth Policy: Demand for Change]. *Molodjozh'-97: nadezhdy i razocharovanija* [Youth-97: Expectations and Disappointments]. Moscow, 1997.

4. Rodina O.A. *Molodezhnye obwestvennye obedinenija v sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz jeffektivnosti: Dr. dis.* [Youth public associations in modern Russia: a sociological analysis of effectiveness: Dr. dis.]. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/159217/d#?page=1>

5. *Studencheskie obedinenija: sozdanie, stanovlenie, funkcionirovanie: metodicheskie rekomendacii dlja studentov* [Student associations: creation, formation, functioning: methodical recommendations for students]. Ivanovo, 2012. 92 p.

6. *Federal'nyj zakon "Ob obwestvennyh obedinenijah" ot 19.05.1995 N 82-FZ* [The Federal Law "On Public Associations"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/

Примечание: работа выполнена под руководством доктора педагогических наук, профессора Л.О. Володиной.

Для цитирования: *Нечаева О.М.* Молодежное аграрное объединение: к проблеме сущности и педагогического потенциала // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 172–178. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-19

For citation: Nechaeva O.M. Youth agrarian association: problem of its essence and pedagogical potential. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 172–178. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-19

Хотякова Светлана Сергеевна
Аспирант,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: HotyakovaSS@yandex.ru

Khotyakova Svetlana Sergeevna
Postgraduate student,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: HotyakovaSS@yandex.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПОСТРОЕНИЯ
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА
В УЧРЕЖДЕНИЯХ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**PEDAGOGICAL CONDITIONS
AND EFFICIENCY CRITERIA
OF CONSTRUCTING
THE EDUCATIONAL AREA
IN THE INSTITUTIONS
OF ADDITIONAL EDUCATION**

Аннотация. Статья содержит краткое теоретическое обоснование проблемы построения воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования. На основе исследований зарубежных и отечественных авторов в статье представлены основные условия эффективного функционирования воспитательного пространства в системе дополнительного образования. Также выделены критерии оценки эффективности воспитательного пространства.

Abstract. The article contains specifics of educational area organization in institutions of additional education. Based on the research of foreign and Russian authors, the main conditions for the effective functioning of the educational area in the system of additional education are formulated. The criteria for assessing the educational space effectiveness are also singled out and discussed in the article.

Ключевые слова: воспитание, организация воспитательного пространства

Keywords: upbringing, organization of the educational area

Введение

Сегодня дополнительное образование детей признается одной из значимых сфер образования. На нее возлагаются большие надежды, спектр которых очень широк: от решения частных педагогических вопросов до глобальных социальных проблем восстановления «связи времен и поколений».

Однако с развитием информационных технологий и свободным доступом в Интернет дети отделились от повседневных занятий, учебного процесса и не заинтересованы в получении дополнительного образования. В связи с этим перед педагогами возникает новая задача, связанная с проблемой организации воспитательного пространства в условиях дополнительного образования, которая приобретает еще большую актуальность, нуждаясь в полноценном анализе.

Понятие воспитательного пространства введено в научный оборот сравнительно недавно. В настоящее время исследование данного феномена проводится в несколь-

ких направлениях: воспитательное пространство рассматривается как педагогическая категория (Л.И. Новикова, А.В. Гаврилин, В.В. Андреева) и как условие личностного развития детей (Н.Л. Селиванова).

Актуальность и проблема грамотной организации воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования рассматриваются в трудах ведущих ученых и педагогов страны, таких как В.В. Белова, Р.У. Богданова, В.А. Горский, О.Е. Лебедев, Е.Е. Чепурных и др. Также в настоящее время Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг., Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ и другие нормативно-правовые акты нацелены на «реализацию мер по развитию научно-образовательной и творческой среды в образовательных организациях, развитие эффективной системы дополнительного образования детей» [3, с. 470].

Однако в исследованиях ученых в настоящее время в полной мере не представлены условия и критерии эффективности построения воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования, именно поэтому наша статья посвящена данной проблеме.

Основная часть

Современная наука обладает существенным объемом знаний, теоретическими предпосылками, которые формируют условия для поиска возможностей решения организации воспитательного пространства в образовательных учреждениях, но несмотря на это необходима систематизация имеющихся знаний, которые будут гарантировать эффективность построения воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования детей.

Дополнительное образование является многомерным понятием в современном мире (Н.А. Морозова), его задачей является свобода выбора в любой области знаний, основываясь на добровольности (В.В. Белова, А.К. Бруднов, Е.Б. Евладова, И.А. Зимняя, М.В. Коваль, В.А. Лобов и др.) [4].

Согласно исследователю С.Б. Серяковой, воспитательное пространство – сильнейший фактор и ресурс инноваций в современном образовании постсоветских стран [8].

Основа системы дополнительного образования: создание условий для индивидуального образовательного пути детей. Для учреждений дополнительного образования важны, в первую очередь, интересы каждого учащегося: благодаря этому выявляется творческий потенциал детей, обеспечиваются благоприятные условия для самореализации [9].

В настоящее время в РФ наблюдается следующая тенденция в учебно-воспитательном процессе: дополнительное образование выступает абсолютно новой сферой, воплощает гуманистические идеи, ему большее не отводится второстепенная роль. Дополнительное образование ставит своей целью всестороннее развитие личности, раннюю профориентацию, в отличие от современной школы, задача которой – общее образование [1]. Каждый ребенок получает школьное образование, как и все другие, в объеме согласно Государственному стандарту образования. Если говорить о дополнительном образовании, оно имеет вариации, многообразность, различные направления. Дополнительное образование усиливает вариативную состав-

ляющую общего образования, способствует реализации знаний, которые дети приобретают в общеобразовательных учреждениях, помогает раннему самоопределению и способствует всестороннему развитию личности [2].

Термин «воспитательное пространство» впервые появился в научных работах Л.И. Новиковой в 90-е гг. и был связан с понятием среды. Автор рассматривал понятие «воспитательное пространство» как специально организованную педагогами совместно с детьми «среду в среде», которая создает принципиально новые возможности развития личности ребенка по отношению к уже имеющимся [5, с. 252]. Иными словами, воспитательный процесс интегрирует в сферу дополнительного образования, создавая более эффективные условия в данном виде деятельности.

Воспитательное пространство, по мнению В.М. Степанова, является местом и условием, которое специально смоделировано, оно предлагает различные варианты выбора «оптимальной траектории» личностного развития и становления индивидуума [10, с. 172]. Воспитательное пространство позволяет детям самоопределяться в разнообразных видах деятельности и во взаимодействии с разными сообществами, педагогам – создавать условия для социализации детей в широком социальном и культурном контексте.

Позже Н.Л. Селиванова проводит собственные исследования, нацеленные на выявление соотношения между категориями среды и пространства, выделяя структурные единицы воспитательного пространства, обосновывая механизмы и определяя подходы его становления. Таким образом, исследования Н.Л. Селивановой служат методологическим основанием организации воспитательного пространства в дополнительном образовании.

Д.В. Григорьев, Л.И. Новикова и Н.Л. Селиванова определяют воспитательное пространство как среду, для которой характерно педагогическое событие детей и взрослых. Это является механизмом его организации.

Таким образом, можно отметить неоднозначность определений понятия «воспитательное пространство». Н.Л. Селиванова полагает, что различные суждения присутствуют потому, что пространство многомерно ввиду его образовательной, культурной и социальной наполненности [7].

Т.П. Беликова выделяет в воспитательном пространстве 7 составляющих: экологическую, деятельностьную, компаративную, эмоциональную, коммуникативную, информационную, социально-предметную [3].

В рамках нашего исследования становится очевидной необходимость выделения характеристик эффективного функционирования воспитательного пространства в системе дополнительного образования:

- единая цель участников;
- общая педагогическая концепция, направленная на гуманистические ценности;
- «мягкая» структура пространства, его событийность, режим создания «диалог»;
- разветвленная система отношений между различными компонентами.

Однако в быстро развивающемся мире появляется необходимость совершенствования данных характеристик посредством их актуализации с условиями и критериями, соответствующими актуальным потребностям общества. Отметим, что достичь

данного результата можно, лишь учитывая интересы детей в процессе формирования воспитательной деятельности. Следовательно, воспитание современного ребенка непосредственно зависит от его интересов и увлечений, которые педагог должен учитывать при организации воспитательного пространства.

На основании изученных нами исследований мы выявили ряд необходимых условий для организации воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования:

Во-первых, необходимо соотнести элементы содержания воспитательного пространства (содержание образования, инновационная деятельность, комплекс технологий, удовлетворение социального заказа на образовательные услуги, управление учреждением) и особенности микросоциальной среды, в контексте которой строится воспитательное пространство (место жительства, традиции, культура и т.д.).

Во-вторых, наличие у педагога широкого репертуара и вариативности ролевых позиций по отношению к обучающимся (наставник, тренер, консультант, тьютор и т.д.).

В-третьих, учет интересов обучающихся в процессе наполнения содержания воспитательного пространства и использование современных интерактивных технологий в процессе организации воспитательной работы.

В-четвертых, следует опираться на принципы ориентации, рост каждого учащегося в личностном плане, комплементарности, вариативности, полисубъектности воспитания, творческой активности, интеграции.

В-пятых, при построении воспитательного пространства основным ядром следует считать детские общественные объединения, которые являются самостоятельными, самоорганизующимися сообществами, где дети – активная созидательная движущая сила, способная реализовать свою субъектную позицию.

Также, по нашему мнению, еще одним важным и актуальным в настоящее время условием организации воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования является разработка модели воспитательного пространства в парадигме личностно-ориентированного образования. Такая модель должна опираться на программно-методическое сопровождение, включать в себя разноплановое обучение, которое построено на принципах гуманизма и направлено на воспитание человека культуры.

Важно отметить, что модель воспитательного пространства должна сочетать в себе организацию совместного в рамках всех элементов воспитательного пространства, которые бы обеспечивали обучающимся усвоение теоретических знаний для самостоятельного развития, самоопределения, стремления к самопознанию, а также приобретение опыта по развитию [6]. Педагогу необходимо формировать потребности к духовному, профессиональному, личностному развитию и самосовершенствованию; сочетая творчество и профессионализм, создавать многокультурную развивающую среду; стимулировать выработку и усвоение всеми участниками учебно-воспитательного процесса основополагающих личностных ценностей и смыслов, обеспечивающих саморазвитие человека; осуществлять поддержку и сопровождение развития учащегося, реализуемые при активном участии самого ребенка, способного выносить собственные оценки своим поступкам; расширять педагогическое про-

странство за счет установления отношений с разнообразными социальными институтами, органично сочетая возможности основного и дополнительного образований.

Эффективность организации воспитательного пространства в образовательных учреждениях можно оценить на основании определенных критериев. В данной работе мы выделили критерии оценки воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования:

Во-первых, принятие обучающимися преподавателя.

Во-вторых, позитивное отношение субъектов воспитания к целям и содержанию воспитательной системы учреждения, а также осознание субъектами своего пребывания в учреждении как важного события в жизни и условия успешной профессиональной карьеры в будущем.

В-третьих, соответствие релевантных характеристик выпускника модельным представлениям (идеальная модель) о нем, принятым в педагогическом коллективе и в определенной степени отражающим социальные потребности государства (социальные компетентности).

В-четвертых, личностная значимость для субъектов воспитания событий, происходящих на макро-, мезо- и микроуровнях и положительная оценка учебных и внеучебных контактов с субъектами воспитательного пространства учреждений дополнительного образования.

В-пятых, уровень удовлетворенности родителей результатами воспитательного процесса в учреждении (по итогам социологических опросов и анкет).

В-шестых, степень участия обучающихся учреждения дополнительного образования в мероприятиях городского, областного, всероссийского и международного уровней.

И наконец, отсутствие у обучающихся правонарушений и аморальных поступков.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что современная система дополнительного образования является наиболее эффективной системой организации воспитательной работы с детьми, так как дополнительное образование не регламентируется стандартами, предоставляет обучающемуся широкое разнообразие деятельности в различных областях, направлено на приобретение практических навыков, допрофессиональную подготовку, достижение успехов в разнообразных видах деятельности и т.д., а также имеет комплексный потенциал (обучающий, воспитательный, развивающий). Для полноценного функционирования системы дополнительного образования необходимо учитывать определенные условия при построении воспитательного пространства конкретного учреждения. Результат эффективности построения воспитательного пространства можно оценить с помощью критериев эффективности. Также стоит отметить, что современным педагогам при построении воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования необходимо учитывать ряд сложностей, таких как темпы развития современного общества, актуальную ситуацию развития общества и запросы общества на определенном этапе его развития, а также, в соответствии с данными сложностями, вносить корректировки в свою деятельность по построению воспитательного пространства в учреждении.

Литература

1. Выприцкая С.В. Моделирование развивающего воспитательного пространства учреждения дополнительного образования детей: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2013. 283 с.
2. Евладова Е.Б., Логинова Л.Г., Михайлова Н.Н. Дополнительное образование детей. М.: ВЛАДОС, 2002. 352 с.
3. Зимняя И.А. Психолого-педагогическая характеристика стратегического подхода и общей стратегии воспитания // Стратегия воспитания в образовательной системе России. М., 2005. С. 465–480.
4. Мещерякова Е.В. Теория и практика профессиональной подготовки учителя к педагогическому взаимодействию в современном образовательном пространстве (на материале подготовки учителя иностранного языка): дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2002. 395 с.
5. Новикова Л.И., Кулешова И.В. Воспитательное пространство: опыт и размышления // Методология, теория и практика воспитательных систем: поиск продолжается. М., 1996. 349 с.
6. Резниченко М.Г. Формирование воспитательного пространства вуза: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 474 с.
7. Селиванова Н.Л. Воспитательная система как объект педагогического моделирования // Моделирование воспитательных систем: теория – практике. М., 1995. 285 с.
8. Серякова С.Б. Психолого-педагогическая компетентность педагога дополнительного образования: Монография. М.: МПГУ, 2005. 324 с.
9. Серякова С.Б. Формирование психолого-педагогической компетентности педагога дополнительного образования: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 503 с.
10. Степанов М.В. Организация развивающего образовательного пространства в инновационной школе: дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1999. 190 с.
11. Якушкина М.С. Взаимодействие социокультурных институтов как фактор развития воспитательного пространства: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008. 275 с.

References

1. Vipritskaya S.V. *Modelirovanie razvivayushchego vospitatel'nogo prostranstva uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya detej: dis. ... kand. ped. nauk* [Modeling of the educational area of the institution of children's additional education: Dr. dis.]. Kazan, 2013. 283 p.
2. Evladova E.B., Loginova, L.G., Mikhailova N.N. *Dopolnitel'noe obrazovanie detej* [Additional education of children]. Moscow: VLADOS, 2002. 352 p.
3. Zimniaya I.A. *Psihologo-pedagogicheskaya harakteristika strategial'nogo podhoda i obshchej strategii vospitaniya* [Psychological and pedagogical characteristics of the strategic approach and the general strategy of education]. *Strategiya vospitaniya v obrazovatel'noj sisteme Rossii* [The strategy of education in the educational system in Russia]. Moscow, 2005, pp. 465–474.
4. Meshcheryakova E.V. *Teoriya i praktika professional'noj podgotovki uchitelya k pedagogicheskomu vzaimodejstviyu v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve (na materiale podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka): dis. ... d-ra ped. nauk* [Theory and practice of teacher's training for pedagogical interaction in the modern educational area: On the material of preparation of a foreign language teacher: Dr. dis.]. Moscow, 2002. 395 p.
5. Novikova L.I., Kuleshova I.V. *Vospitatel'noe prostranstvo: opyt i razmyshleniya* [Educational space: experience and reflection]. *Metodologiya, teoriya i praktika vospitatel'nyh sistem: poisk prodolzhaetsya* [Methodology, theory and practice of educational systems: the search continues]. Moscow, 1996. 349 p.
6. Reznichenko M.G. *Formirovanie vospitatel'nogo prostranstva vuza: dis. ... d-ra ped. nauk* [Formation of the educational area of the higher school: Dr. dis.]. Moscow, 2009. 474 p.

7. Selivanova N.L. *Vospitatel'naya sistema kak ob"ekt pedagogicheskogo modelirovaniya* [The educational system as an object of pedagogical modeling]. *Modelirovanie vospitatel'nyh sistem: teoriya – praktike* [Modeling of educational systems: theory – practice]. Moscow, 1995. 285 p.
8. Seryakova S.B. *Psihologo-pedagogicheskaya kompetentnost' pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Psychological and pedagogical competence of the teacher of additional education]. Moscow: MPGU, 2005. 324 p.
9. Seriakova S.B. *Formirovanie psihologo-pedagogicheskoy kompetentnosti pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya: dis. ... d-ra ped. nauk* [The formation of the psychological and pedagogical competence of the teacher of additional education: Dr. dis.]. Moscow, 2006. 503 p.
10. Stepanov M.V. *Organizaciya razvivayushchego obrazovatel'nogo prostranstva v innovacionnoj shkole: dis. ... kand. ped. nauk* [Organization of developing educational area in the innovation school: Dr. dis.]. Irkutsk, 1999. 190 p.
11. Yakushkina M.S. *Vzaimodejstvie sociokul'turnyh institutov kak faktor razvitiya vospitatel'nogo prostranstva: dis. ... d-ra ped. nauk* [Interaction of socio-cultural institutions as a factor of development of educational area: Dr. dis.]. Moscow, 2008. 275 p.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора педагогических наук, профессора Н.В. Ивановой

Для цитирования: Хотьякова С.С. Педагогические условия и критерии эффективности построения воспитательного пространства в учреждениях дополнительного образования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 179–185. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-20

For citation: Khotyakova S.S. Pedagogical conditions and efficiency criteria of constructing the educational area in the institutions of additional education. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 179–185. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-20

УДК 81

© Волкова Н.А., Мельникова Н.Г., 2018

Волкова Наталия Александровна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: volkova35@rambler.ru

Volkova Nataliya Aleksandrovna

Doctor of Philology Sciences, Professor
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: volkova35@rambler.ru

Мельникова Наталия Георгиевна

Кандидат филологических наук,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: melnikovang@chsu.ru

Melnikova Nataliya Georgievna

PhD in Philology Sciences,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: melnikovang@chsu.ru

**Человек в пространстве языка:
отчет о работе Всероссийской
школы-семинара молодых
лексикологов, лексикографов
и лингвогеографов в 2017 году**

**A person in the language sphere:
the report of the work of the young
lexicologists, lexicographers and
linguogeographers'
all-Russian school-seminar in 2017**

К настоящему времени сложилась интересная традиция научно-методической работы с молодыми исследователями в Институте лингвистических исследований РАН: начиная с 2007 года он проводит ежегодные заседания всероссийской / международной Школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов. Фонетисты, лексикологи, грамматисты активно обращались и обращаются к материалам живой народной речи (записям, словарям, интервью) с целью объяснения закономерностей развития языка. В конце прошлого, XX, столетия внимание лингвистов стало акцентироваться в русле лингвоперсонологии. Вслед за Ю.Н. Карауловым диалектологи внимательно, последовательно занимаются описанием и анализом речи конкретного человека, детально выстраивают его языковую картину мира.

Тематические семинары, посвященные диалектологической проблематике в Институте лингвистических исследований РАН, начали проводиться с 2007 года. Именно на этих научных мероприятиях можно было не только прослушать лекции известных ученых, но и поучаствовать в активном обсуждении научных проблем. На протяжении последнего десятилетия на семинары приезжают исследователи из разных городов России и ближнего зарубежья, чтобы выступить с докладами и принять участие в дискуссии, в камерных обсуждениях с коллегами, увидеть тенденции в лексикографии и лингвогеографии, обменяться собственным опытом. Лингвогеографический семинар, ставший интересной, новаторской формой работы, был включен в программу школы-семинара с 2012 года. Ученые обсуждали проблематику и принципы создания современных словарей, использования электронных ресурсов и специальных программ, принципы работы над «Лексическим атласом русских

народных говоров» (руководители – д-р филол. наук, профессор С. А. Мызников, д-р филол. наук, профессор Е.Н. Ильина). Важно отметить, что в последние годы прослеживается «сквозная» проблематика подобных семинаров.

Работа VIII Всероссийской школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов, состоявшаяся 4 ноября 2017 г. в Санкт-Петербурге, была посвящена русской языковой личности и ее отражению в различных лингвистических источниках. Принимали участие в обсуждении докладов молодые ученые из разных городов России, работа проходила по следующим научным направлениям: лексикологический и лексикографический аспекты изучения языковой личности, языковая личность в пространстве и во времени, лингвоперсонологические проблемы анализа художественного и медийного текста.

На пленарном заседании Сергей Алексеевич Мызников, д-р филол. наук, член-корр. РАН (Санкт-Петербург) выступил с приветственным словом, обозначив направления и проблемы современной диалектной лексикологии и лексикографии. Опираясь на опыт проведения подобных семинаров, Сергей Алексеевич указал на исследовательский потенциал этого направления в русистике. Идеи С.А. Мызникова нашли свое продолжение в отчете о работе семинара – выступлении Ольги Николаевны Крыловой, канд. филол. наук, ученого секретаря Института лингвистических исследований РАН. Доклад Елены Николаевны Ильиной, д-ра филол. наук, профессора (Вологда) «Языковая личность в фокусе лингвистических проблем» был посвящен вопросам методики изучения данного феномена в современной науке. В завершении пленарного заседания была представлена монография «Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета», подготовленная коллективом ученых из Вологды и Череповца.

Затем участники школы-семинара начали работать в формате секционных заседаний. В рамках работы секции «Лексикологический и лексикографический аспекты изучения языковой личности» были заслушаны доклады об особенностях отражения ментального портрета через призму словаря или лексикона отдельного человека. Вопросы и интересные обсуждения вызвала методика отбора и обработки словарного состава, который стал базой для анализа и реконструкции языковой личности как феномена. Участники выявили общие моменты для лингвистического анализа и обработки материала.

Иное преломление получила тематика школы-семинара на заседании секции «Языковая личность в пространстве и времени». Проблемы анализа рассматривались в хронологическом аспекте. Живой интерес вызвал доклад Марии Анатольевны Толстовой (Томск) «Гендерный аспект изучения языковой личности диалектоносителя». Материалы последующих докладов в русле данного направления (Д.Н. Гальцовой, С.А. Ганичевой, А.В. Демченко, Н.Н. Зубовой и др.) основывались на записях устной или письменной речи (письмах, дневниках).

Плодотворным было обсуждение сообщений в секции «Лингвоперсонологические проблемы анализа художественного и медийного текста». Все доклады вызвали большой интерес и бурное обсуждение, что во многом обусловлено выбором личности (как правило, медийной) для анализа. Понимание вербального и невербального поведения известных медийных лиц позволило окунуться в «узкую» лингвистическую проблематику всем слушателям. Выступления некоторых докладчиков (на-

пример, А.А. Югова, А.А. Брыковой, А.В. Вешняковой) вызвали многочисленные вопросы и плодотворное обсуждение.

Итоги работы семинара молодых лингвогеографов нашли отражение в сборнике научных статей и итоговой дискуссии участников конференции. Лучшими докладами были признаны работы В. Сединой (ВоГУ) и А. Югова (СПбГУ). За общим столом состоялся активный обмен мнениями по диалектной проблематике, особенностям проведения диалектологических экспедиций и методике научных разысканий.

По окончании ежегодного семинара работа молодых ученых не завершается. В русле лингвистической персонологии проходит защита кандидатских и докторских диссертаций, продолжаются исследования по данной проблематике в научно-образовательных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Архангельска, Костромы, Томска, Краснодара, Воронежа и других регионов России.

4 ноября 2018 года планируется проведение нового заседания Всероссийской Школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов на базе Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург) с активным участием Вологодского государственного университета (руководитель направления – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, Вологда). Заявленная тематика: «Живая речь и современная лексикология, лексикография и лингвогеография». Предполагается обсуждение широкого спектра лингвистических проблем, а именно:

1. Современная русская лексикография и лингвогеография в контексте динамики культурного пространства России.
2. Текст словаря как источник информации о культуре и обществе.
3. Живое слово русского народа: традиции лексикографического описания и современное состояние диалектной лексикографии.
4. Языковая динамика в лексикографической традиции и в современных лексикографических проектах.
5. Способы воплощения достижений современной лингвистики в новейших лексикографических изданиях.
6. Лингвистический атлас и словарь как источники информации об истории и культуре этноса.
7. О месте в словаре единиц, которые в нашей коммуникации частотнее слов, но словами при этом не являются, или Нужны ли лексикографии словари «не-слов»?

В процессе работы школы-семинара существует возможность не только прослушать доклады и принять участие в их обсуждении, но и принять участие в картографическом семинаре-практикуме. С итогами обсуждений и текстами докладов можно будет ознакомиться в очередном сборнике, выпуск которого планируется после проведения семинара.

Литература

Волкова Н.А., Ганичева С.А., Загуменнов А.В., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета / отв. редактор Е.Н. Ильина. Вологда; Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. 232 с.

Ганичева С.А., Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н., Михова Н.Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Вологда: Легия, 2014. 160 с.

Ильина Е.Н., Крылова О.Н. Всероссийская школа-семинар молодых лексикографов и лингвогеографов: итоги и перспективы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 4(79). С. 154–157.

Ильина Е.Н., Крылова О.Н. Научно-методическое обеспечение профессиональной преемственности в области лексикографии и лингвогеографии // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: материалы Международной конференции. Казань: Издательство Казанского университета, 2017. С. 116–117.

Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография: сборник статей / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-история, 2016. 160 с.

References

Volkova N.A., Ganicheva S.A., Zagumennov A.V., Ilyina E.N., Melnikova N.G. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk speech of the Vologda region: the experience of the male speech portrait]; ed. E.N. Ilyin. Vologda; Cherepovets: Cherepovets State University, 2017. 232 p.

Ganicheva S.A., Dracheva Yu.N., Ilyina E.N., Mikhova N.G. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: govory Kirillovskogo rajona Vologodskoj oblasti* [Folk speech of the Vologodsky Krai: the talk of the Kirillovsky district of the Vologda region]. Vologda: Legia, 2014. 160 p.

Ilyina E.N., Krylova O.N. Vserossijskaya shkola-seminar molodyh leksikografov i lingvogeografov: itogi i perspektivy [All-Russian School-Seminar of Young Lexicographers and Linguogeographers: Results and Prospects]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2017, no. 4 (79), pp. 154–157.

Ilyina E.N., Krylova O.N. Nauchno-metodicheskoye obespecheniye professional'noj preyemstvennosti v oblasti leksikografii i lingvogeografii [Scientific and methodological support of professional continuity in the field of lexicography and linguogeography]. *I.A. Boduehn de Kurteneh i mirovaya lingvistika: materialy Mezhdunarodnoj konferencii* [I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics: proceedings of the International Conference]. Kazan: Kazan University Press, 2017. Pp. 116–117.

Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya [Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography: a collection of articles]; ed. O.N. Krylova. St Petersburg: Nestor Story, 2016. 160 p.

Памяти товарища

7 сентября 2018 года на 80 году жизни скончался **Эдуард Николаевич Сабуров** – видный ученый в области теории и практики закрученных потоков, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РФ, член научного комитета РАН по тепло- и массообмену, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный энергетик, основатель научной школы «Северная школа теплотехники», член редколлегий журналов «Вестник Череповецкого государственного университета», Известия высших учебных заведений «Лесной журнал», Известия высших учебных заведений и энергетических объединений СНГ «Энергетика».

Эдуард Николаевич родился 16 февраля 1939 года в поселке Каменка Мезенского района Архангельской области, окончил Архангельский лесотехнический институт (АЛТИ) и два года работал дежурным инженером на Соломбальской ТЭЦ управления Архэнерго. После окончания целевой аспирантуры при кафедре теоретических основ теплотехники Ленинградского политехнического института и успешной защиты кандидатской диссертации вся его дальнейшая жизнь была связана с АЛТИ/АГТУ/САФУ. 45 лет он бессменно возглавлял кафедру теплотехники, работал деканом факультета промышленной энергетики АЛТИ, проректором по научной работе Архангельского государственного технического университета (АГТУ).

Деятельность профессора Сабурова была направлена на исследование теплофизических основ рабочих процессов циклонных устройств различного технологического назначения с целью разработки новой, топливосберегающей техники с резким сокращением газовых выбросов. Он является автором более 600 научных работ, монографий и учебных пособий, многих авторских свидетельств на изобретения и патентов. Эдуард Николаевич уделял значительное внимание формированию научных кадров: под его руководством и при научном консультировании подготовлено 10 кандидатов и 2 доктора технических наук. Многие из них защитили свои диссертации в диссертационном совете при Череповецком государственном университете. Эдуард Николаевич был членом редколлегии журнала «Вестник Череповецкого государственного университета» и вместе со своими учениками являлся постоянным автором научных статей в нашем журнале.

За весомый вклад в развитие отечественной науки Э.Н. Сабуров был награжден орденом «Почета», за заслуги в научно-педагогической деятельности и большой вклад в подготовку квалифицированных специалистов – орденом «За заслуги перед Отечеством IV степени», медалями, являлся лауреатом конкурса имени М.В. Ломоносова научно-исследовательских работ по проблемам охраны окружающей среды Архангельской области, ему была присуждена региональная премия «Достояние Севера» в номинации «Почетный титул» – «Гордость Поморья». Профессор Э.Н. Сабуров был также членом Российской и Международной инженерных академий, Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, экспертом республиканского центра экспертизы.

*Редколлегия журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»
глубоко скорбит в связи с понесенной утратой
и выражает соболезнование родным и близким покойного*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке – аннотациями на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата MicrosoftWord, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О. _научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70%.

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию рецензии научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, и справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Корректур авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: Н.А. Тихомирова (8202) 51-72-40

E-mail: **vestnik-chsu@yandex.ru**

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формат страницы – А 4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – TimesNewRoman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт., интервал – 1,5. 5. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 6. Номер страницы располагается внизу справа.
--	--

Объем статьи	10– 15 страниц
Требования к составу публикуемой статьи	<p>Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 3. Информация об авторе статьи слева: ФИО автора – полностью, ученая степень (если имеется), ученое звание (если имеется), должность, место работы/учебы (полностью), город, страна, контактный телефон автора, e-mail. 4. Название статьи – полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке. 5. Информация об авторе статьи справа на английском языке: ФИО автора – полностью, ученая степень (если имеется), ученое звание (если имеется), должность, место работы/учебы (полностью), город, страна, контактный телефон автора, e-mail. 6. Название статьи – полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке. 7. Аннотация (объемом от 400 до 600 печатных знаков) обычным шрифтом на русском языке. Аннотация должна быть развернутой, структурированной, следовать логике и хронологии изложения материала в статье, кратко повторять структуру статьи и максимально полно раскрывать содержание статьи. 8. Ключевые слова (5–10 слов) обычным шрифтом на русском языке. 9. Аннотация обычным шрифтом на английском языке. Не допускается использование автоматической системы перевода. Желательно, чтобы аннотация на английском языке не дублировала полностью текст аннотации на русском языке. Объем аннотации на английском языке может быть больше. 10. Ключевые слова обычным шрифтом на английском языке. 11. Если статья написана на английском языке, название статьи, аннотацию и ключевые слова следует перевести на русский язык. 12. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы: <ul style="list-style-type: none"> – введение; – основная часть; – выводы. <p>Данная структура статьи рекомендуется для направлений: филологические науки, педагогические науки.</p> 13. Список литературы – по центру, обычным шрифтом. 14. References <p>ДЛЯ АСПИРАНТОВ! После References следует указать примечание, где необходимо предоставить данные о научном руководителе: ученая степень (полностью), ученое звание (полностью), ФИО.</p> <p><i>Примечание:</i> работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Н.В. Володиной.</p> <p>Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.</p>
Библиографический список	<ol style="list-style-type: none"> 1. Список цитируемой литературы в русском алфавите приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. <p>Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются отечественные, затем – зарубежные авторы.</p>

После перечня литературы на русском языке приводится весь список в транслитерации (References) с переводом на английский язык наименования книги, места издания (см. ниже образец). Транслитерировать следует с помощью ресурса www.translit.ru в варианте LC (выбрать в меню «Варианты», расположенном под буквами).

Источники, представленные изначально на английском языке, не транслитерируются и не переводятся. Если все источники изначально указаны в англоязычном варианте, то список литературы должен быть представлен 1 раз (References).

2. Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: если идет указание на работу без прямого цитирования – [2], если идет отсылка к работе для сопоставления (обычно в работах историков) – [см.: 2], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на одной странице – [7, с. 22] или [5, л. 22 об.], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на двух страницах [5, с. 53–54]. Если цитата не прямая (цитируется по другому изданию) – [Цит. по: 8, с. 22]. Если представлена ссылка на англоязычный источник, то указывается следующим образом: [5, p. 13].

Образец оформления:

Литература

1. Каваками К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии // Черные металлы. 1988. №13. С. 3–12.
2. Масловский М.В. Современная западная теоретическая социология. Н. Новгород, 2005. 155 с. URL: <http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html>
3. Платова Е. Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. М., 2003. С. 39–53.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 256 с.
6. Салахетдинов Э. Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 25 с.
6. Третьяков А.В., Гарбер Э.А., Давлетбаев Г.Г. Расчет и исследование прокатных валков. М., 1976. 376 с.
7. Чиршева Г.Н., Скородумова Е.В. Отношение череповецких дошкольников и их родителей к изучению иностранных языков (по материалам опроса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №4. С. 116–120.
8. Чиршева Г.Н. Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 295 с.
9. Weber M. The Rationalization of Education and Training // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. N.Y., 1946. 421 p.
10. Cross A.G. An Anglo-Russian Medley // The Slavonic and East European Review, 1992, vol. 70, P. 708–721.

Для выполнения транслитерации и перевода источников на английский язык следует использовать системы автоматического перевода.

Первоначально указывается фамилия автора(ов) в транслитерации, а затем наименование книги сначала в транслитерации, затем в переводе на английский язык в квадратных скобках. Далее следует место издания в

	<p>перевод на английский язык (Moscow, Leningrad, NY, Oxford), год издания, количество страниц в источнике. Если приводимой статье присвоен индекс DOI, его указание обязательно.</p> <p>При написании источников на английском языке следует исключить символ «/» или «//». Наименование книги, журнала, в котором расположена статья, приводится курсивом в транслитерации, а в переводе обычным шрифтом в квадратных скобках. Подробнее об оформлении литературы см. ниже.</p> <p style="text-align: center;">References</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Kavakami K. Modernizaciya tekhnologi cheskih processov v chernoi metallurgii Yaponii [Modernization of production processes in the steel industry of Japan]. <i>Chernyemetally</i> [Ferrous metals], 1988, no. 13, pp. 3–12. 2. Maslovskii M.V. <i>Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sociologiya</i> [Modern Western theoretical sociology]. N. Novgorod, 2005. 155 p. Available at: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html 3. Platova E. Fenomen podrostkovogo fanatizma – futbol'nye fanaty [The phenomenon of teenage fanaticism – football fans]. <i>Nauchno-prakticheskaya deyatel'nost' molodyh uchenykh i studentov v ramkah programmy modernizacii obrazovaniya: tezisy konferencii</i> [Scientific-practical activity of young scientists and students in the education modernization program: Conference abstracts]. Moscow, 2003, pp. 39–53. 4. Propp V.Ya. <i>Istoricheskie korni volshebnoi skazki</i> [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, 1986. 256 p. 6. Salahetdinov E.R. <i>Lichnostnye harakteristiki futbol'nykh fanatov v molodezhnoi okolosportivnoi subkul'ture</i> [Personal characteristics of football fans around the youth subculture of sports: Dr. dis.]. Moscow, 2008. 25 p. 6. Tret'yakov A.V., Garber E.A., Davletbaev G.G. <i>Raschet i issledovanie prokatnykh valkov</i> [Calculation and study of the rolls]. Moscow, 1976. 376 p. 7. Chirsheva G.N., Skorodumova E.V. Otnoshenie cherepoveckikh doshkol'nikov i ih roditelei k izucheniyu inostrannykh yazykov (po materialam oprosa) [Attitude of Cherepovets preschool children and their parents to learning foreign languages (based on survey)]. <i>Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta</i> [Bulletin of the Cherepovets State University], 2014, no. 4, pp. 116–120. 8. Chirsheva G.N. <i>Sopostavitel'nyy analiz metonimicheskikh perenosov v yazykekhudozhestvennoy prozy i publicistiki</i> [Comparative analysis of metonymic language fiction and journalism: Dr. dis.]. Leningrad, 1986. 295 p. 9. Weber M. The Rationalization of Education and Training. Gerth H., Mills C.W.R. <i>From Max Weber: Essays in Sociology</i>. N.Y., 1946. 421 p. 10. Cross A.G. An Anglo-Russian Medley. <i>The Slavonic and East European Review</i>, 1992, vol. 70, pp. 708–721.
Примечания и комментарии	Нумерация ссылок постраничная.
Рисунки, схемы, диаграммы, фотографии	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы и диаграммы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений, подписи приводятся без сокращений.

	4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
Таблицы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Таблицы (не более трех) должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и быть пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
Единицы физических величин	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.
Формулы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Набор формул осуществляется в тексте или при помощи редактора формул Microsoft Equation 3.0, Math Type 6.0. 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами, справа в конце строки, в круглых скобках. 3. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 4. Номер выставляется посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы, на которые должны быть ссылки в тексте, выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста. $\begin{cases} \tau'_{xy}(\tau) = \tau'_{xz}(\tau) = \tau'_{yz}(\tau) = \sigma'_x(\tau) = 0, \\ \sigma'_y(\tau) = \sigma'_z(\tau) = \sigma'(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$
Сведения об авторе (авторах)	<p>После статьи предоставляется контактная информация по одному из авторов: ФИО; телефон; e-mail, полный почтовый адрес с указанием индекса. Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.</p>

<p>Бурова Лидия Ильинична Доктор педагогических наук, профессор, Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия) E-mail: pimno@chsu.ru</p>	<p>Burova Lidiya Ilinichna Doctor of pedagogical sciences, Professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia) E-mail: pimno@chsu.ru</p>
<p>Капустина Елена Юрьевна Кандидат педагогических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия) E-mail: m_ey@mail.ru</p>	<p>Kapustina Elena Yurevna PhD (Education), Associate Professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia) E-mail: m_ey@mail.ru</p>
<p>ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ</p>	<p>FEATURES OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES FOR FORMATION OF GENDER ROLES AT YOUNGER SCHOOL STUDENTS</p>
<p>Аннотация. Авторы рассматривают основные подходы к сущности понятия «гендерная роль» и проблему формирования гендерных ролей у детей младшего школьного возраста в процессе социализации личности. В статье описывается опытно-экспериментальная работа по формированию гендерных ролей учащихся начальной школы при реализации авторской программы социально-педагогической деятельности.</p> <p>Ключевые слова: гендерная роль, младший школьный возраст, диагностика формирования гендерных ролей, программа формирования гендерных ролей учащихся начальной школы</p>	<p>Abstract. The author considers the main approaches to essence of the concept "gender role" and problem of formation of gender roles at children of younger school age in the course of socialization of the personality. The article describes the experimental work on formation of gender roles of pupils of elementary school during implementation of the author's program of social pedagogical activity.</p> <p>Keywords: gender role, younger school age, diagnostics of formation of gender roles, program of formation of gender roles for pupils of elementary school</p>

Введение

В отечественной психолого-педагогической литературе раскрыты различные аспекты воспитания мальчиков и девочек такими учеными, как: Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, Д.В. Колесов, Л.Г. Хрипкова, Т.А. Репина, В.В. Абраменкова, И.С. Кон, А.В. Мудрик, Л.И. Столярчук и др. Проблемы формирования гендерных идентичности и социализации младших школьников затронуты в работах О.А. Асадуллиной, Е.А. Гаффаровой, А.В. Дресвяниной, Е.Н. Каменской и др.

...

Основная часть

Понятием «гендерная роль» в последнее время все чаще оперируют в разных научных областях, но четкого определения данному феномену еще не дано. Гендерная роль предпола-

гает дифференциацию деятельности, статусов, прав и обязанностей в зависимости от половой принадлежности [4].

...

Выводы

....

Литература

1. Ассадулина О.А. Проблема гендерной социализации современных младших школьников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12. С. 101–109.
2. Дресвянина А.В. Гендерный уклад начальной школы // Вестник северного (арктического) федерального университета: гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 96–99.
3. Капустина Е.Ю. Гендерный стереотип // Настольная книга специалиста по социальной работе. Вологда: ВГПУ, 2014. С. 43–45.
4. Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. М.: Дашков и К, 2010.

References

1. Assadulina O.A. Problema gendernoi sotsializatsii sovremennykh mladshikh shkol'nikov [The problem of gender socialization of modern younger schoolchildren]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of Humanitarian Studies], 2011, no. 12, pp. 101–109.
2. Dresvianina A.V. Gendernyi uklad nachal'noi shkoly [Gender way primary school]. *Vestnik severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University: humanities and social sciences], 2009, no. 2, pp. 96–99.
3. Kapustina E.Iu. Gendernyi stereotip [Gender stereotypes]. *Nastol'naiia kniga spetsialista po sotsial'noi rabote* [Handbook expert in social work]. Vologda: VGPU, 2014, pp. 43–45.
4. Petrova R.G. *Genderologiya i feminologiya* [Gender and feminology]. Moscow: Dashkov i K, 2010.

Сведения об авторе:

ИВАНОВ Иван Иванович

Моб. Тел.: +7-911-568-12-00

Дом. Тел.: (8202) 55-66-11

E-mail: ivan@yandex.ru

Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- ГРУДЕВА Е.В., д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций
- АРОНИНА Л.И., д-р пед. наук, проф. (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)
- ГЕНКИН А.Л., д-р техн. наук (Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук)
- ГОРБУНОВ В.А., д-р физ.-мат. наук, проф. (Вологодский государственный университет)
- ГУДИНА Т.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ДЕНИСОВА О.А., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЕРШОВ Е.В., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет) – заместитель главного редактора по направлению технические науки
- ИВАНОВА Н.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ИЛЬИНА Е.Н., д-р филол. наук, проф. (Вологодский государственный университет)
- КАБАКОВ З.К., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- КОБРИНА Л.М., д-р пед. наук, проф. (Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина)
- ЛАВРОВА С.Ю., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЛИСОВСКАЯ Т.В., д-р пед. наук, проф. («Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь)
- ЛУКИН С.В., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЛУЦЕВИЧ Л.Ф., д-р филол. наук, проф. (Варшавский университет, Республика Польша)
- МЕРКЕР Э.Э., д-р техн. наук, проф. (Научно-исследовательский технологический университет «МИСиС»)
- МИЛОШЕВИЧ З., д-р соц. наук (Институт политических исследований, Белград)
- ОСИПОВ Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (Вологодский государственный университет)
- САБУРОВ Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (Арктический) федеральный университет)
- САВВА Л.И., д-р пед. наук, проф. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)
- САЛИХОВ З.Г., д-р техн. наук (Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук)
- СИНИЦЫН Н.Н., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- СЛАВОВ В.И., д-р техн. наук (Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники)
- ШЕСТАКОВ Н.И., д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ (Череповецкий государственный университет)
- ЦЕЙТЛИН С.Н., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университета им. А.И. Герцена)
- ЧЕРНЯК В.Д., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университета им. А.И. Герцена)
- ЧИРШЕВА Г.Н., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЧУРИЛИНА Л.Н., д-р филол. наук, проф. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)
- ЯКОВЛЕВА Е.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет) – заместитель главного редактора по направлению педагогические науки.

Лицензия А №165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 10.10.2018 г. Зак.
Выход в свет: 15.10.2018 г.
Тир. 300 (1 з-д – 37). Уч.-изд. л. 22. Усл. п. л. 20.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.